

РАЗДЕЛ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА И ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА И КОММУНИКАЦИИ

1.1. Лингвистическая теория текста и коммуникация в свете общенаучной методологии функционализма

В последнем двадцатилетии XX века в лингвистической науке на первый план выдвинулась наметившаяся ранее устойчивая тенденция к изучению текста как сложного коммуникативного механизма, посредника коммуникации, фиксирующего стратегическую программу адресанта, воспринимаемую и интерпретируемую адресатом.

Возможность взаимной ориентации текстовых и коммуникативных исследований рассматривал еще в середине XX столетия М.М. Бахтин: «Целый переворот в истории слова, когда оно стало выражением и чистым (бездейственным) осведомлением (коммуникацией)» [1996, 5: 322]. К сопряженности слова (высказывания) и коммуникации ученый подходил осторожно: с одной стороны, высказывание и, в конечном счете, текст необходимо изучать в диалогической ориентации на слушающего, с другой, абсолютизация коммуникативной стороны текста, особенно художественного, может превратить его в простое сообщение, упростив его смысловую, личностную вещность. Необходимо отметить, что коммуникация в то время изучалась в аспекте технократического мышления, поэтому стремление оградить язык и текст от вторжения математических и технических постулатов было обоснованным, ибо такое вторжение, по словам М. Хайдег-

10

ного, коммуникативного средства [1975: 24-25]. К. Леви-Стросс, напротив, считал необходимым создание единой интегративной теории коммуникации [Levi-Strauss 1958]. Однако с того времени коммуникативная теория, в том числе коммуникативная лингвистика, прошла ряд этапов и приобрела новые исследовательские ориентиры, в соответствии с которыми вербальная коммуникация стала рассматриваться как сложный лингвопсихоментальный процесс взаимодействия сознания адресанта и адресата, погруженных в определенное бытие, культуру.

Наряду с этим, одним из ведущих принципов современной научной парадигмы стал экспансионизм [Кубрякова 1995: 207], ориентирующий лингвистические исследования на использование данных других наук, интегрирующий языкознание с иными отраслями. Исследователи текста и коммуникации, вовлекая в круг своих разработок потенциал психолингвистики, семиотики, герменевтики, этнолингвистики, философии, логики, когнитивной науки и т.д., все больше сближали сферы своих интересов, находя новые точки соприкосновения. З.-Я. Тураева характеризует развитие лингвистики текста в конце XX века как «встречу разных наук», «стремление к цельному знанию всеединства» [1999: 18].

Лингвистика текста практически со времени своего возникновения рассматривала положение о тексте как средстве коммуникации, ибо ее становление происходило в переломный в парадигмальном отношении период перехода от статики таксономии к динамике, функционированию языка в действии. Исследование текста как коммуникативного средства стало одним из ведущих направлений лингвистической теории текста [Grosse 1976; Dijk 1977; Beaugrande 1981; Слав-городская 1981; Сидоров 1987; ван Дейк 1989; Почепцов 1989; Каменская 1990; Колегаева 1991; Радзлевська 1993;

Тураева 1999 и др.].

Основными точками пересечения текстовых и коммуникативных исследований в данном направлении являются проблемы коммуникативных свойств и категорий текста, 11

Его интенциональности, стратегичности, эффективности

функциональных классов, а также прагматической ситуации, которую он моделирует.

Решение этих проблем обусловило необходимость создания в лингвистике интегративной теории текста и коммуникации, попытка обоснования которой предложена в данном пособии. Главным интегрирующим признаком этой теории стала многоаспектная, всесторонняя диалогичность составляющих коммуникативной ситуации, посредником которой является текст.

Принцип диалогичности обеспечивает разноплановые межнаучные связи лингвистической теории текста и коммуникации и обуславливает ее рассмотрение как «зонтичного» направления (umbrella discipline), охватывающего теоретические разработки ряда отраслей и позволяющего им «профильтровать» свои ключевые концепты под единым углом зрения, взаимно обогащая и дополняя свои достижения и исследовательский аппарат, осуществляя тем самым междисциплинарный подход к изучению и осмыслению языка и речи» [Тарасова 2000: 3-4].

Общенаучной методологической основой данной теории является **функциональная методология**, обеспечивающая исследование деятельности диалогической картины коммуникативной ситуации, опосредованной текстом. Функциональная методология имеет такие исследовательские принципы:

- **деятельность** как рассмотрение «поведения системы» [Марков 1982: 14-17]. В лингвистике это понятие впервые было введено В. Гумбольдтом, хотя еще Аристотель требовал изучать объекты с двух сторон - структурной и функциональной, статичной и динамичной. В. Гумбольдт подчеркивал: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (Erzeugtes), но как создающий процесс (Erzeugung);

...Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)... язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли... В подлинном и действительном смысле под языком 12

можно понимать только всю совокупность актов речевой деятельности» [1984: 69-70]. Деятельность применительно к лингвистической теории текста и коммуникации заключается в рассмотрении текста, с одной стороны, как продукта деятельности человека, погруженного в деятельностную картину человечества, цивилизационную или этническую культуру; с другой, как источника рецептивной деятельности адресатов текста. Кроме того, текст, коммуникация являются одной из наиболее активных сторон деятельности социума, его существования и развития.

Деятельность как важнейший принцип функциональной методологии связана с системностью. В.И. Посто-валова подчеркивает: «Системность - конститутивное свойство деятельности, которая в свою очередь может быть охарактеризована как сверхсложная система» [1982: 3]. Тем самым, речекоммуникативная деятельность, должна исследоваться как деятельностная система систем или системно организованная деятельность [Сидоров 1987: 8].

- **телеологичность** как направленность системы и ее компонентов на достижение определенной цели. Для языка

цель установлена также В. Гумбольдтом и связана с деятельностью:

«Определение языка как деятельности духа совершенно правильно и адекватно уже потому, что бытие духа вообще может мыслиться только в деятельности и в качестве таковой... Мы даже вынуждены рассматривать их [языки-Е.С.] как некий способ, служащий для достижения определенными средствами определенных целей... Цель ее [деятельности языка - Е.С.] - взаимопонимание» [1984: 70-71]. Правда, цель В. Гумбольдтом трактовалась скорее всего в национ-трическом ракурсе как духовная настроенность говорящих на одном языке. Он считал, что «никто не может говорить с другим иначе, чем этот другой при равных обстоятельствах говорил бы с ним» [1984: 71]. Подобное тождество целей носителей одного языка было обусловлено социально-политической доктриной В. Гумбольдта - стремлением к объединению германской нации, но не соответствовало истинному положению дел.

Лишь к 50-м годам XX века Р.О. Якобсон, основываясь на положениях теории информации и принципе дополненности, сформулированном Н. Бором, делает первый шаг к разграничению целей говорящего и слушающего, что оказалось первой ступенью к созданию коммуникативной лингвистики. Он подчеркивает: «Две точки зрения - кодирующего и декодирующего, или, другими словами, роль отправителя и роль получателя сообщений должны быть совершенно отчетливо разграничены. Разумеется, это утверждение - банальность; однако именно о банальностях часто забывают. А между тем оба участника акта речевой коммуникации подходят к тексту совершенно по-разному» [1985: 23]. Как отмечает В.М. Алпатов, идеи Р.О. Якобсона осуществили поворот лингвистики к позиции говорящего и оказали влияние на создававшуюся в 60-70-е гг. в СССР модель «Смысл о Текст» [1998: 303].

Применительно к лингвистической теории текста и коммуникации принцип телеологичности нашел отражение в положениях о мотивированности речевой деятельности [Выготский 1982; Рубинштейн 1959], в интенциональных речевых моделях прагмалингвистики [см.: Почепцов 1986;

Шевченко 1998].

В функциональной лингвистике выделены две цели-функции высказывания в коммуникативном акте: «Замысел говорящего, формирующего высказывание, связан с тем элементом языкового значения, который заключается в отражении основных потенций языковых единиц. На этой основе говорящий производит выбор из совокупности существующих средств языка, что можно трактовать как целевой аспект с точки зрения говорящего. Когда же высказывание реализовано, функция использованных языковых средств выступает как достигнутая цель, что позволяет трактовать ее как целевой аспект с точки зрения слушающего» [Баце-вич 1993: 15]. Думается, телеологичность высказывания в коммуникации гораздо сложнее, ибо у каждого коммуниканта существует своя цель, цель говорящего и адресата может быть в целом соответствующей и приводящей к коммуникативному конфликту, шуму или цейтноту. Цель автора может адекватно не отображаться в тексте, который приобретает собственную цель, воспринимается и интерпретируется на основе целевой установки читателя, адресата.

• асимметрия системы и среды как возможность возникновения аномалий при деятельн о стном вовлечении системы в процессы функционирования. В лингвистике этот принцип, преломляясь через концепцию асимметрического дуализма языкового знака (Ш. Балли, С.О. Карцевский, В. Скаличка), находит отражение в положении об одновременной неизменности и подвижности лингвистических средств. Функционируя, компоненты системы реализуют и свои системные тенденции к изменению, и аномалии как асистемные отклонения. Причем последние могут со временем сформировать новые координаты в системе. В приложении к тексту и коммуникации асимметрия системы и среды, в частности, отражена в концепции деавтоматизации литературного языка Ю.М. Лотмана, разграничивающего словесные и изобразительные языки автора текста и адресата (4 языка). По Ю.М. Лотману [1977;

1992], текстовая художественная коммуникация - это не только перевод с языка «Я» на язык «Ты», но и перевод со словесного языка «Я» на изобразительный язык текста «Я», а также с изобразительного языка текста «Ты1» на словесный язык «Ты». Во всех случаях наблюдается асимметрия системы литературного языка и языка среды художественной коммуникации, системы смысла «Я» и среды смысла «Ты».

*** онтологический дуализм как философское соотношение сферы инвариантных знаний и фактуально-бытийного восприятия, созерцания бытия.** Инвариант является не простой суммой фактуального, а неким виртуальным обобщенным единством, осознанным на основе когнитивной обработки множества фактуальных знаний и вычленения их однородности и однопорядковости. В фактуальном соединены инвариант и данные восприятия бытия, предметной деятельности. В лингвистике этот методологический принцип нашел отражение в дихотомии языка и речи в рамках единой 15

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ языковой деятельности,

постулированной И.А. Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром, а также в системности речи и наличия в ней определенных инвариантов.

Единство сторон дихотомии является важным применительно к лингвистической теории текста и коммуникации. Именно данный принцип позволил Э. Бенвенисту выделить автономный текстовый уровень языка на основе определенных инвариантов в сознании говорящих, названных затем текстами. Тексты, на наш взгляд, - инварианты не только жестких, регламентированных текстов, но и свободных, гибких, каковыми являются художественные и публицистические тексты, имеющие большую свободу вариативности. Их тексты более общи и размыты.

Дуалистическая сопряженность речевого инварианта и речевого факта реализуется в теории речевых жанров М.М. Бахтина, а также при установлении функциональных классов текстов и типов дис-курса.

• детерминированный психоментализм, т.е. понимание познания как «ментального, личностного (субъективного) психомыслитель] ю го процесса, обусловленного постоянной функционально-прагматической вовлеченностью в предметно-коммуникативную деятельность» [Лещак 1997: 8]. Данный принцип обуславливает рассмотрение речекommуника-тивной деятельности как детерминированного познавательными и бытийными потребностями процесса, осуществляющегося на основе работы сознания отдельной личности. Соотношение языка и речи в данном случае гомоморфно: в языке нет ничего, чего бы ни было в речи, то есть инвариант языка произведен и детерминирован психоментальным процессом речевой деятельности. Исходя из этого, коммуникативные продукты следует рассматривать не столько как продукты языка, сколько как продукты смыслопорождения, язык в данном случае выполняет семиотическую символическую функцию. Текстовая коммуникация осуществляется на основе лингвопсихоментальной и нейрофизиологической деятельности коммуникантов: порождающей для автора и рецептивной для адресата - и их предметно-кумулятивного опыта.

На этой основе в коммуникативных моделях разграничиваются текст (высказывание) и смыслы 1 и 2: порождаемый и воспринимаемый, интерпретируемый. Данный принцип обуславливает необходимость анализа смыслового (когнитивного) пространства текста и психоментальной природы коммуникативного процесса.

• **релятивный антропоцентризм как «движение от сферы систем к центру систем, к человеку»** [Тураева 1994: 105]. Данный принцип, зарожdenный в античной древнегреческой философии (Сократ, Платон, Гераклит, Аристотель, Демокрит и др.) и оставленный в забвении в Новое время, был возрожден в начале XX века представителями антропологической философии (М. Шелер, Д. Юм), а в лингвистике В. Гумбольдтом и его последователями. Д. Юм писал: «несомненно, что все науки в большей или меньшей степени имеют отношение к человеческой природе и что, сколько бы удаленными от последней ни казались некоторые из них, они все же возвращаются к ней тем или иным путем» [Юм 1965,1: 82]. Антропоцентрическая концепция В. Гумбольдта была нациоцентрической: «Будучи, таким образом, творением наций, ... языки остаются, однако, созданиями индивидов, поскольку могут быть порождены каждым отдельным человеком, причем только тогда, когда каждый полагается на понимание всех, а все оправдывают его ожидания» [1984: 66]. Однако важным положением Гумбольдтовской концепции антропоцентризма стало постулирование единства индивидуального и общего, что позже было разведено по различным школам, абсолютизирующим что-то одно: либо абстракцию общего языка этноса, либо индивидуальные языки носителей. Да и в самой Гумбольдтовской концепции существует противоречие. С одной стороны, язык - человеческий продукт, а с другой, «человек преимущественно - да даже и исключительно, поскольку ощущения и действие у него зависят от его представлений, - живет с предметами так, как их преподносит ему язык... и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [1984: 135]. Эта мысль была взята за основу Э. Сепиром и Б. Уорфом при создании ими своей знаменитой гипотезы языковой относительности, детерминирующей мышление структурой языка.

Для современной функциональной методологии антропоцентризм является релятивным, определяющим человека как гносеологический центр и признающим особую роль человека в реальности. «Трудно усомниться в том, что окружающий нас мир - это мир очеловеченный. Мы не можем его себе представить вне преломления человеческим сознанием. Но это должно вести не к абсолютизму антропоцентрической замкнутости, заукленности в субъективных рамках, а наоборот - к признанию и осознанному использованию антропной проекции каждого фрагмента реальности» [Бардина 1997: 26].

Важной чертой современной лингвистики является переориентация исследовательских интересов с объекта познания на субъект (т.е. человека) и с микроединиц, рассматривавшихся подчас изолированно, на макроединицы, отличающиеся высокой степенью сложности (вплоть до таких, как «модели мира», «картина мира»)» [Герасимов 1985: 214-215;

Кубрякова 1991: 7; Бацевич 1993: 4]. В. Ингве писал: «Мы хотим знать, как люди используют язык, чтобы общаться, и, когда мы соединим человека и процесс общения и поставим их в центре нашего внимания, мы тем самым одновременно гуманизируем и социологизируем нашу науку и спасем ее от бездушного... изучения форм и структуры языка» [Цит. по: Звегинцев 1982: 254].

Для лингвистической теории текста и коммуникации ан-тропность проекции мира предстает в диалогическом единстве общего и индивидуального. Создавая текст, адресант вступает в диалогические отношения не только с адресатом, но и с миром вещей, «очеловечивая» его, а также с предшествующим ему человеческим опытом, в том числе и текстово-коммуникативным, и с последующими текстами. Текст, представляя собой индивидуальную антропную проекцию, становится достоянием других, общечеловеческих или национальных науки, культуры и т.п. и, отчуждаясь от автора-творца, записывается в семиотический универсум (Ю.М. Лотман), культурно-научный код, память этноса, цивилизации, реализуя свойство всеобщего антропоцентризма. Тем самым, перефразируя М. Фуко, «исчезающий лик на прибрежном песке» конкретного человека не исчезает, а трансформируется в протагоровского человека как меру всем вещам, то есть общечеловеческий разум.

Приведенные принципы функциональной методологии положены в основу сопряженности в современной лингвистической науке **двух научных парадигм: коммуникативно-функциональной и когнитивной**. Лингвистика предлагает два подхода к их соотношению. Первый подход рассматривает такое соотношение как взаимодополняемость: «Чаше всего точки зрения обеих сторон дополняют друг друга:

главный фокус функционалистов - направлен на взаимодействие коммуникативных факторов, которые влияют на структуру языка, а когнитивисты сосредотачиваются на факторах мыслительной деятельности» [Ченки 1997: 345]. Второй подход постулирует интеграцию функционализма в когнитивную парадигму [Бацевич, Космеда 1997: 7], что объясняется неразграничением функционализма как методологии и как подхода [см. Сел'ванова 1999: 89-90].

На наш взгляд, сопряженность коммуникативно-функциональной и когнитивной парадигм имеет характер единства общего и частного, поскольку изучение коммуникативной деятельности как лингвопсихоментального процесса, фазами которой является порождение и восприятие, предполагает прежде всего выявление и описание порождаемых автором и читателем когнитивных пространств. Без такой взаимосвязи с когнитивными структурами и психоментальными процессами: восприятием, мышлением, вниманием, памятью [Герасимов 1985: 213] - невозможен анализ коммуникации, текста.

Е.С. Кубрякова справедливо отмечает, что для решения целого ряда актуальных проблем современной лингвистики необходим своеобразный синтез указанных парадигм знания [1997: 12]. На этом синтезе настаивает и Н. Хомский, связывая проблемы когнитивизма в его понимании с изучением использования системы знаний в речи [Хомский 1995]. Когнитивная парадигма должна формироваться только под эгидой функциональной методологии и только функционализм способен вывести ее за пределы логических и априорных построений структур репрезентации знаний на качественно новый уровень познания и объяснения механизма когни-ции, концептуализации в процессе коммуникации, порождения и восприятия текста.

Функциональная методология обеспечивает открытость различных сфер научного знания для исследования ими общих объектов, что рассматривается учеными в ракурсе си-нергетического подхода. «Ведь чтобы познать сложное явление, - пишет Е.В. Тарасова, - необходимо проанализировать его с самых разных сторон, т.е. преодолеть «сверхспе-циализацию», отказаться от десятилетиями господствовавшего в научном мышлении редукционистского подхода, заменив его подходом холистским. Последний является по существу синергетическим» [2000: 3]. Синергетичность позволяет традиционной науке открыть новые горизонты исследования, новые ракурсы рассмотрения своего объекта.

1.2. Проблема объекта лингвистической теории текста и коммуникации

Исходя из интегративной сущности лингвистической теории текста и коммуникации, установление объекта ее исследования требует размежевания и выявления связи ряда понятий, каковыми являются речь, текст, коммуникация, дискурс.

1.2.1. **Речь.** Данный термин относительно стабилизировал свою семантику в связи с распространением в языкознании идеи Ф. де Соссюра о разграничении в пределах лингвальной деятельности (langage) языка (langue) как общей системы, готового продукта, достояния всех говорящих на нем и речи (parole) как реализации языка в действии. Зачатки такого разграничения прослеживаются еще в диалоге Платона «Софист». Современник Ф. де Соссюра И.А. Бодуэн де Куртенэ во многом превосходил идеи соссюрианской лингвистики, постулируя социальную и психическую природу языка (потенции) и речи (реализации). Однако влияние И.А. Бодуэна де Куртенэ на европейскую лингвистику во многом уступало его современнику. Ф. де Соссюр, не ограничивая предмет лингвистики языком, считал, что факт речи всегда предшествует языку, и отмечал необходимость создания двух дополняющих друг друга лингвистик - лингвистики языка и речи. М.П. Кочерган подчеркивает: «При всей, казалось бы, четкости соссюровской классификации нельзя не заметить ее эскизности. Наименее четко определена лингвальная деятельность. Недаром позднее в этот термин ученые начали вкладывать далеко не идентичный смысл, а большинство современных языковедов не видят необходимости в этом понятии вообще и анализируют только дихотомию «язык - речь» [1999: 49].

Соссюровская дихотомия языка и речи во многом определила значительно возросший интерес последующих поколений лингвистов к речи, однако в понимании речи современное языкознание, скорее, следует за В. Гумбольдтом, не противопоставлявшим речь языку, а рассматривавшим их как единый «организм» (ср.: положение Г. Гийома об интеграции в речевой деятельности свойств языка и речи [1992: 37]).

Жесткость соссюровской дихотомии языка и речи в последующем языкознании обусловила поиски третьего уровня, заполняющего пропасть между языком и речью, по образному выражению Э. Косериу [1963: 156]. Третий уровень предлагалось соотнести с понятиями речевой деятельности (Л.В. Щерба), языковой способности (Г. Габеленц), дискурса (Э. Бюйссанс), нормы (Э. Косериу), индивидуальной речи (Ю.С. Степанов), текста (М.И. Черемисина) и т.д.

Такое разнообразие трактовок третьего уровня неизбежно привело к многозначности термина «речь» в современном языкознании. М.М. Бахтин отмечал неопределенность 21

слова «речь», могущего обозначать «и язык, и процесс речи, то есть говорение, и отдельное высказывание, и целый... ряд высказываний, и определенный жанр» [1979: 249]. Данный термин имеет по меньшей мере три значения.

Первое значение характеризует речь как прежде всего индивидуальный акт говорения или написания. Такая дефиниция речи подается, к примеру, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: речь - это «конкретное говорение протекающее во времени и облаченное в звуковую или письменную форму» [1990: 414]. Это определение соответствует в классификации Э. Косериу уровню индивидуальной речи.

Второе значение термина «речь» исходит из ее системного характера. Оно близко к трактовке Э. Косериу уровня нормы как явлений индивидуальной речи, которые представляют собой повторяющиеся закономерности, принятые в определенном коллективе образцы [1963: 157]. М.М. Бахтин, подчеркивая социально типичный аспект речевого общения, типичность которого сводится к речевым жанрам, связанным с философскими категориями целого, как типичным формам многосубъектного расслоения речи, считал, что речь не может быть противопоставлена языку, а лишь речевому общению, единицей которого является высказывание.

М.Н. Кожина, характеризуя свойства речи, считает, что «помимо понимания речи как конкретного говорения индивиду, она может иметь и другой, обобщенный аспект, связанный, в частности, с типологией речи. На этом, более абстрактном уровне анализа речь, особенно речевая деятельность, предстает как неконечная совокупность всех процессов говорения, речевой деятельности, рассматриваемых с точки зрения ее специфических черт» [Кожина 1998: 10-15]. Е.В. Сидоров, рассматривая речь с коммуникативных позиций, указывает на наличие в ней системных, типологических черт: «Организация каждого отдельного акта речевой коммуникации в виде системы - целостной совокупности закономерно взаимодействующих компонентов - вызвана общественной необходимостью согласования деятельности адресата и отправителя сообщения. Эта же необходимость 22

объективно определяет и системность текста - речевого объекта, центрального с филологической точки зрения» [1987: 4]. Учеными также отмечаются структурированность, упорядоченность, организованность на когнитивном уровне, регулируемость, воспроизводимость, т.е. системность речи при всей ее непредсказуемости и субъективности [Тарасова 2000а: 273].

Системной единицей речи в данном значении является речевой жанр, понятие, разработанное М.М. Бахтиным и ставшее основой для выделения современной лингвистикой стереотипов, устойчивых форм речи (Т.В. Шмелева, Кв. Кожевникова, Н.Д. Арутюнова, Т.Г. Винокур и др.). М.М. Бахтин писал: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента - тематическое содержание, стиль и композиционное построение - неразрывно связаны в целом высказывания и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем **речевыми жанрами**» [Бахтин 1996, 5: 159]. Понятие высказывания у М.М. Бахтина расширено. Примечательно, что он разграничивал простые, первичные и сложные, вторичные высказывания и речевые жанры, вторые вбирают в себя первые:

«Роман в его целом является высказыванием, как и реплика бытового диалога или частное письмо (он имеет с ним общую природу), но в отличие от них это высказывание вторичное (сложное)» [Бахтин 1996, 5: 161].

Ученый рассматривал возможность гибридных речевых жанров, взаимодействия и борьбы жанров, отталкиваясь от концепции Л.В. Щербы о взаимодействии концентрических кругов языка, согласно которой «язык должен быть представлен в виде концентрических кругов - основного и ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок» [Щерба 1939: 23]. М.М. Бахтин считал речевые жанры типической формой высказываний, но не самими высказываниями [1979: 268]: типическими

для речевых жанров являются коммуникативная ситуация, экспрессия, экспрессивная интонация, объем, концепция адресата и наадресата [1979: 252, 267].

Речевой жанр как системная единица речи (во втором ее значении) выступает объективным феноменом языковой жизни общества, существуя в сознании носителей почти как грамматика и словарь [Гиндин 1988: 41-42]. В.В. Дементьев постулирует жанроцентризм исследований речи, осуществляющихся на пересечении общей теории коммуникации, коллоквиалистики, стилистики, прагматики, лингвистики текста [1997: 109].

А. Вежбицка, рассматривая речевые жанры на основе коммуникативной интенции, считает их составляющими языкового универсума определенной этнической культуры [1997]. Системный характер речи коррелирует не только с системной организацией языка, но и с организующей и регулирующей функцией потребностей человеческой жизнедеятельности, поэтому речь в данном понимании - не только деятельность языка, она есть явление социального, культурного и др. взаимодействия говорящих на одном языке.

Системное рассмотрение речи обусловило вычленение особой отрасли такого ее исследования. Проектом одного из возможных вариантов теории речи в русистике стало ре-чеведение, ставящее перед собой цель - описание системной организации речи, ее жанров, фактуры, сфер, правил и т.д. (Т.В. Шмелева, М.Н. Кожина). Объектом этой дисциплины является речь как беспрерывно повторяющийся процесс об-24

щения на одном языке (*третье* значение). Эта дефиниция исходит из изложенной почти за полвека до опубликования Соссюровского «Курса» концепции И.А. Бодуэна де Куртене, противопоставлявшего язык *in potentia* речи как процессу, реализации потребностей воплощать свои мысли и сообщать о них подобным существам [1963: 77]. Речь в данном понимании соединяет в себе противоположности конкретности, индивидуальности и обобщенности, социальности, так как отражает непрерывный деятельностный процесс говорящих на одном языке порождать и воспринимать речевые продукты - высказывания, тексты. В этом значении речь стала объектом моделирования процессов порождения речи в психолингвистике и теории речевой деятельности.

В настоящем пособии мы не ставим перед собой задачи рассмотрения проблемы языка и речи, используя термин «речь» в приведенных трех значениях в зависимости от аспекта анализа текста и коммуникации.

Поскольку речь является средством организации конкретного текста и одним из способов осуществления вербальной коммуникации, а также предоставляет в пользование говорящих инвариант речевого жанра, она служит одним из объектов лингвистической теории текста и коммуникации.

1.2.2. Текст. Целостной знаковой формой организации речи является текст. Исходя из множественности ракурсов его рассмотрения в гуманитарных науках, текст не имеет однозначной дефиниции. В 1962 году Д.С. Лихачев констатировал отсутствие какой-либо научной работы, в которой было бы детально рассмотрено и обсуждено основное понятие текстологии - текст [1962: 11 б]. Даже в пределах одной дисциплины он не получил удовлетворительного определения в силу множественности подходов к данному феномену.

В «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаева предлагает такие, противоречащие друг другу значения текста: 1) текст как связная последовательность, законченная и правильно оформленная; 2) некоторая общая модель для группы текстов; 3) последовательность высказываний, принадлежащая одному участнику коммуни-

25

кации; 4) письменное по форме речевое произведение [1978:

471]. Данные четыре значения, во-первых не разграничивают инвариант и фактуальное, уровни потенции и реализации; во-вторых, некорректно связывают текст с одним участником коммуникации, что обуславливает смешение понятий текста, произведения и творчества; в-третьих, соотносят текст только с последовательностью высказываний, в-четвертых, абсолютизируют его письменную реализацию.

М.В. Ляпон отмечает наличие четырех концепций текста:

результативно-статической (текст как информация, отчужденная от своего носителя в виде последовательности высказываний, объединенных смысловой связью); процессуальной в отношении к своему производителю (текст как реализация речевой способности индивидуума); каузирующей (текст как продукт активной речевой деятельности человека); стратификационной (текст как наивысший уровень языковой системы) [1986: 3-4]. В связи с коммуникативной переориентацией лингвистики текста, текст определяется одновременно как посредник, средство, процесс и цель коммуникации. Э. Косе-риу называл текстом речевой акт или ряд связанных речевых актов, осуществляемых индивидом в определенной ситуации [Цит. по: Гальперин 1981: 18]. Коммуникативно-ориентированные дефиниции текста описывают его либо как обособленный компонент коммуникации, серединный элемент схемы коммуникативного акта [Кухаренко 1988], либо как неотделимое от коммуникативного процесса, «характеризующееся коммуникативностью предметно-знаковое состояние системы коммуникации» [Сидоров 1987: 55]. В обеих дефинициях есть рациональное зерно, ибо, с одной стороны, текст - материальное знаковое образование, эмпирически осваиваемое, с другой стороны, коммуникация на основе текста органично сопрягает его с процессами порождения и рецепции.

Необходимо выделить ряд причин, обуславливающих отсутствие единой дефиниции текста.

Первая - формально-структурная разноплановость текстов. По способу репрезентации текст разграничивается на устный и письменный, хотя нередко текстом называют лишь 26

письменную разновидность [Радзівська 1993: 4]. Пражский лингвист И. Вахек выделил также печатную разновидность текста, которая, действительно, имеет существенные отличия от написанного от руки, однако терминологически письменная разновидность объединяет данные два типа.

По протяженности текст может ограничиваться словом, словосочетанием, предложением, если они представляют целостную, самодостаточную информацию, ситуативно обеспечивающую понимание ее адресатом (*Не курить. Stop. Берегите лес.* и т.п.), максимально же его состав не ограничен. При формально-структурном изучении текста стержневые понятия для его дефиниции избирались из состава уровневых единиц языковой системы. Х.Вайнрих называл текстом упорядоченную последовательность морфем, состоящую минимально из двух морфем. З.Харрис считал, что текст есть длинное предложение, построенное с помощью набора связок [Новое в зарубежной лингвистике 1978: 162, 374]. М. Хэллiday рассматривал текст как основную единицу семантики, которую нельзя определять как разновидность над-предложения [Цит. по: Гальперин 1981: 18].

Второй причиной отсутствия единого определения текста является функционально-жанровое, стилистическое разнообразие текстов. Каждый текст в процессе коммуникации манифестирует определенный речевой жанр, имеет особую структурно-композиционную, семантико-смысловую, интенционально-прагматическую природу. Для художественного текста наиболее оптимальным считается определение И.Р. Гальперина: текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. Художественный текст называют наивысшей формой репрезентации текста, отмечая его особую эстетическую природу.

27

ду, идейно-художественную интенциональность, ориентацию на морально-этическое воспитание и эмотивно-психологическое воздействие. Кроме того, художественные тексты в реальной жизни культуры, как правило, полифункциональны: «Один и тот же текст выполняет не одну, а несколько (порой - много) функций... Соединение художественной функции с магической, юридической, нравственной, философской, политической составляет неотделимую черту социального функционирования того или иного художественного текста» [Лотман 1996: 21-22]. Тем самым, критерий интенционально-прагматической заданности даже для художественного текста не дает возможности односторонне охарактеризовать этот тип.

Третья причина разнообразия текстовых дефиниций кроется в различии подходов к изучению текста. З.Я. Тураева рассматривает пять таких подходов: *онтологический*, отражающий характер существования текста, его статус; *гносеологический*, выявляющий характер отражения объективной действительности в тексте, а в случае художественного текста - характер отражения реального мира в идеальном мире эстетической действительности; *собственно-лингвистический*, основанный на характере языкового оформления текста; *психологический*, обращенный к характеру восприятия текста, и *прагматический* - к характеру отношения автора текста к действительности, к содержательному материалу [1986: 12-13]. Н.Ф. Непийвода, систематизировав наиболее важные из существующих в гуманитарных науках подходов, выделяет *социально-исторический*, рассматривающий текст как явление культуры, письменный продукт, воплощающий результаты интеллектуальной и духовной деятельности социальной личности; *социально-психологический* - текст как средство воздействия на сознание и поведение социальной личности; *лингвистический* - текст как совокупность языковых единиц различных языковых уровней; *функционально-стилистический* - текст как семантическое пространство реализации языковых единиц; *коммуникативный* - текст как речевой акт; *когнитивный* - текст как следствие и способ

познания [1997: 77]. Исследовательница отмечает, что поместить все эти признаки в одну - синтетическую - дефиницию понятия «текст» представляется не только невозможным, но и не нужным, ибо все эти признаки в той или иной мере рассматриваются при анализе каждого аспекта и основным параметром текста как явления каждый раз выступает разный.

Четвертой причиной разноплановости дефиниций текста являются абсолютизация его формально-структурной стороны, а также ориентация определения текста на одну или несколько категорий. Е.В. Сидоров справедливо отмечает: «Оказывается, далеко не просто выбрать какой-то один определяющий качественный признак текста, на основе которого можно было бы свести все разнообразие отдельных текстов к одному понятию» [1987: 55-56].

В лингвистике текста длительное время текст определялся на основе стержневой категории, каковой считалась связность (ср.: текст - последовательность языковых единиц -предложений на основе непрерывной местоименной связи [Hagweg 1974]; текст - идеальная высшая коммуникативная единица, тяготеющая к смысловой замкнутости и законченности, конституирующим признаком которой является связность, проявляющаяся каждый раз в других параметрах, на разных уровнях текста и в разных совокупностях частных связей [Кожевникова 1979: 49-67]). В качестве базовых категорий различные дефиниции текста используют целостность, интегративность, текстуальность и т.д. К примеру, М.П. Брандес называет текстом «любое связанное знаковое образование, которое выдвигает в качестве предмета изучения текста категории связности, целостности, интегративности и ставит проблему раскрытия базисных механизмов интеграции целого» [1987: 8].

Вопрос об определении текста также связан с проблемой уровневой системно-языковой природы текстов. В 1962 году Э. Бенвенистом была выдвинута перспективная идея критериев для установления уровней языковой системы. Ученый назвал текст одним из автономных уровней системы языка [1965: 438-439]. Несколько ранее советские ученые Б.В. Гор-

29

нунг в статье «О характере языковой структуры» [1959] и Т.П. Ломтев в работе «Язык и речь» [1961] осветили актуальную в те годы в отечественной лингвистике проблему соотношения системно-языковых и речевых закономерностей и, в частности, вопрос об уровне статусе текста. Эта проблема сопрягалась с дискуссией об отождествлении и разграничении высказывания и предложения, высказывания и текста. Б.В. Горнунг, отождествив высказывание и текст, вопреки мнению В.В. Виноградова, утверждал, что текст не должен противопоставляться системе языка, что в тексте и в системе языка действуют одни и те же закономерности [1959: 45]. На этом основании текстовый уровень квалифицировался как наивысший. В. Дресслер рассматривал также два понимания текста, исходя из дихотомии двух уровней в тагмемике К. Пайка, как высказывания на эмическом и этическом уровнях [Новое в зарубежной лингвистике 1978: 114].

В связи с этим в лингвистике текста возникла потребность наименования инварианта определенной совокупности реальных текстов. Такой инвариант стал именоваться **текстемой** (Н.М. Амосова, В. Кох, О.И. Москальская). На основе текстем происходит порождение и восприятие актуализированных текстов. Т.В. Радзиевская считает, что «создание текста детерминировано его таксономической принадлежностью, теми стандартными коммуникативными установками, в которых создается текст определенного класса и которые представляют объективную данность для субъекта текстопорождения» [1993: 5]. Тем самым, текстема представляет собой языковой инвариант, коррелирующий в речевой системе с речевым жанром, а их взаимодействие в речевом-коммуникативной деятельности делает актуализированный текст реальным коммуникативным средством.

Текстема в современной когнитивной лингвистике рассматривается в ракурсе текстового прототипа как модели, схемы определенного класса текстов, включающей иерархически организованные прототипические признаки данного класса: семантические, структурные, интенциональные, ситуативные, интерпретативные, социокультурные и прочие 30

[Ncubcr1 1985: 127]. Протог11111ическое КОИИИиВНое моделирование может осуществляться как путем обобщения наиболее существенных свойств класса текстов, так и на основе использования актуализированного текста как наилучшего образца класса.

Соотношение инварианта текстымы и фактуального текста того же класса может иметь различную меру вариативности и аномальности. Аномальность текста по отношению к текстыме определяется как отклонение от ее стандартных свойств и структуры, использование свойств иных текстым. Текстымы художественных и публицистических текстов имеют наибольшую степень отвлеченности и допуска гибкости.

Аргументом для обоснования текстового уровня языка служит также существование синтагматических и парадигматических отношений. **Парадигматические** отношения обусловлены наличием в совокупностях текстов общих формальных и содержательных компонентов [Кухаренко 1988: 81]. Т.В. Радзиевская дополняет эти компоненты коммуникативными, считая, что статус адресата текста, коммуникативная цель, статус субъекта текстопорождения, характер субъектно-адресатных отношений являются необходимыми составляющими «законов жанра» [1993: 5]. Думается, что общность данных коммуникативных характеристик обеспечивает парадигматические отношения скорее всего в системе речевых жанров, а не текстым. Парадигматическими признаками являются специфика композиции, концепта, функционального стиля, программы адресованности и т.д. В.А. Кухаренко выделяет также индивидуально-авторскую парадигматику, интегрирующим признаком которой является творческий метод автора [1988: 85].

Синтагматика текстового уровня языка имеет двунаправленный характер: с одной стороны, это линейная связь текстов одной текстымы, обуславливающая их эволюцию (ср. роман в первоначальной трактовке как повествование о любви и эволюция романного жанра в реалистической традиции):

с другой, это линейная связь текстов идиостиля одного адресанта (циклы, сборники, трилогии, диалоги, ключевая пробле-31

матика политических выступлений, телепрограмм), одной темы (деревенская проза, научные тексты по определенной проблеме) или одной прагматической направленности (детская литература, литература для садоводов и т.д.).

Системно-языковой статус текстового уровня обеспечивается также **категориальной структурой** как совокупностью сверхпарадигматических свойств, присущих всем текстымам (подробнее см. раздел 5).

Осознавая всю сложность проблемы определения текста, мы используем в качестве рабочего в соответствии с целями нашей теории такую дефиницию: **текст** - целостная семиотическая форма психоречемыслительной человеческой деятельности, концептуально и структурно организованная, диалогически встроенная в интериоризованное бытие, семиотический универсум этноса или цивилизации, служащая прагматически направленным посредником коммуникации.

Текст, средством которого является речь, а одной из целей - осуществление коммуникации, также является одним из объектов лингвистической теории текста и коммуникации, ибо «слияние деятельности общающихся в единый коммуникативный процесс приобретает бытийную, вещественную предметно-знаковую форму в тексте. Текст участвует в обмене коммуникативной деятельностью в качестве предметно-знакового носителя обмена» [Сидоров 1987: 69].

1.2.3. Коммуникация (лат. communicatio -делаю общим, связываю, общаюсь). Коммуникация - это целенаправленный процесс, деятельность, одним из средств которых является речь, а знаковой целостной формой организации -текст. Понятие «коммуникация» также неоднозначно в лингвистике. Г.Г. Почепцов (мл.) отмечает: «Существует около ста различных определений коммуникации. Однако на сегодня мы не имеем такого определения, которое удовлетворяло бы всех. И, возможно, не следует волноваться, ибо, как пишет Дж. Ньюмен, так, как А. Эйнштейн не изменил «законы вселенной», так и любое определение не изменит «законы коммуникации» [1996: 15-16]. Ученый приводит некоторые дефиниции коммуникации, из которых следует, что коммуникация характеризуется целенаправленностью [Baker 1984: 5; Allwood 1977: 10], служит для передачи сообщения [Mortensen 1972: 14], для семантико-символического взаимодействия [Myers, Myers 1980:

Разнообразие дефиниций коммуникации обусловлено, во-первых, множественностью ее способов, лишь одним из которых является словесно-знаковая фиксация передаваемой информации, во-вторых, различием цели информационной передачи (информирование, побуждение, запрет, воспитание, обучение, эмоционально-эстетическое воздействие, дестабилизация и т.д.); в-третьих, дискретностью/недискретностью временных и пространственных параметров порождения текста и его восприятия; в-четвертых, способом адресованности информации (ср.: ретинальная (массовая) коммуникация и аксиальная (конкретно-адресованная)).

Традиционным является разграничение коммуникации на вербальную и невербальную. Е. Гроссе, определяя коммуникацию в целом, учитывает это разграничение, хотя считает, что конечный результат не зависит от выбора знаковых средств: «Коммуникация - акция общения с помощью знаков (языковых и неязыковых), которая служит цели передачи информации независимо от способа и намерений» [1976: II].

Невербальная коммуникация в чистом виде представлена коммуникацией животных как биологически целесообразным совместным поведением, направленным на адаптацию к среде; телепатической связью, паразыком жестов, мимики, кинесики; вторичными коммуникативными системами - математической, компьютерной символикой, искусством, игрой и т.д. В конечном счете, взаимодействие человека с окружающей средой с помощью пяти органов чувств, начинающееся практически от рождения, также является информационным обменом, осуществляющимся в том числе без участия словесных знаков. Нс случайно, Э.Р. Атаян выделил интраобъектную аутокоммуникацию как «коммуникативное отчуждение объекта, его самосуществование без связей» [1981: 4-5], подразумевая тем самым, что любой объект действительности может стать предметом информационного обмена в случае его интериоризации (гносеологического «схватывания» субъектом). Человек, вступая в диалогические коммуникативные отношения с бытием, приобретает комплекс стереотипов. Язык является одним из таких стереотипов, символизируя, репрезентируя в знаковой форме интериоризованное бытие и внутренний рефлексивный опыт этноса. М.М. Бахтин отмечает: «Только мифический Адам, подошедший с первым словом к еще не оговоренному девственному миру, одинокий Адам мог действительно до конца избежать этой диалогической взаимоориентации с чужим словом о предмете. Конкретному историческому человеческому слову этого не дано» [1975: 92]. Тем самым, осваивая язык, человек вступает с ним в интраобъектные аутокоммуникативные отношения.

Информационный обмен с помощью языковых знаков характеризует **вербальную** коммуникацию, хотя только вербальным компонентом она не ограничивается. Вербальная коммуникация по сути своей условна и невозможна в чистом

виде. Включая две несимметричные фазы: психоллинг-воментальную деятельность адресанта и адресата, - вербальная коммуникация накладывается на сопутствующую ей невербальную, ибо даже чтение текста неизвестного автора предполагает обязательную работу сознания читателя (вербальной и невербальной его составляющих). Коммуникация со стороны адресата предполагает не только декодирование семантики языковых знаков, но и раскрытие глубинных смыслов текста, пресуппозиций, авторских стратегий и целевой программы, использование фоновых знаний, учета самой ситуации общения и т.д. Так же и порождение высказываний осуществляется на основе психоментального процесса в сознании адресанта, наряду с вербализацией. Тем самым, вербальная коммуникация представляет собой целенаправленную психоллингвоментальную деятельность адресанта и адресата, результатом которой является информационный обмен, а основным средством - речь. Информационный обмен предполагает передачу различных видов смысла (денотативного, коннотативного, прагмати-34

ческого, эстетического и т.д.), побуждающую адресата к определенному «ответному» действию. «Это ответное действие, - считает В.А. Кухаренко, - может быть внешне выраженным поступком, ответным речевым действием или вербально не выраженным «действием души», по выражению А.П. Чехова, т.е. изменением в мыслях, чувствах, воззрениях» [1988: 79].

Р. Дирвен и М. Веспур [1998: 194] схематически отображают соотношение вербального и невербального в коммуникации, разграничивая средства выражения на вербальные (текст), невербальные и паралингвистические (интерпретационные ключи коммуникации), связанные с интерпретационным базисом говорящего/слушающего - фондом их знаний, идей, чувств (см. схему 1).

Вербальная коммуникация может иметь устную и письменно-печатную разновидность. В связи с распространением технических каналов информации (телевидение, кино, радио), устная коммуникация пополняется новыми речевыми жанрами с нетрадиционными для межличностной устной коммуникации свойствами. В связи с этим некоторые фиксируемые в научной литературе отличительные признаки уст-

35

ной коммуникации [Кожина 1998] утрачивают свою значимость, как-то: синхронность (ср.: текст в записи), малая доступность (ср.: текст в средствах массовой коммуникации), прокурсивность, (ср.: множественный просмотр или прослушивание), неструктурированность, однофазность создания (ср.: возможность перезаписи устных текстов). Эти отличия, скорее, присущи устной спонтанной межличностной коммуникации, чем другим речевым жанрам устных текстов, таким как, например, публичная лекция, телепрограмма, выступление по радио, кинопродукция.

Вербальная коммуникация в различных ее формах с учетом невербальных коммуникативных факторов является одним из объектов лингвистической теории текста и коммуникации и рассматривается как целенаправленная лингвопсихоментальная деятельность адресанта и адресата по осуществлению информационного обмена.

1.2.4. Дискурс. В современной лингвистике термин «дискурс» употребляется в различных значениях. П. Серию, ссылаясь на книгу французского ученого Д. Манженэ, рассматривает восемь дефиниций дискурса [Квадратура смысла 1999: 26-27], однако наиболее употребительными являются преимущественно четыре значения данного понятия.

Первое значение дискурса как текста, высказывания, погруженных в определенную социокультурную ситуацию, связано со временем появления данного термина в лингвистике. Принято считать, что понятие дискурса было введено основоположником трансформационного и дистрибутивного анализа 3. Харрисом в 1952 году. Как одна из сторон дистрибуции дискурс рассматривался 3. Харрисом на основе сети эквивалентности между фразами и цепочками фраз как высказывание, сверхфразовая единица в контексте других единиц и связанной с ними ситуации. В.З. Демьянков, характеризуя подход 3. Харриса как формалистический, подчеркивает, что приемы 3. Харриса нацелены на решение двух взаимосвязанных проблем: а) распространение методов дескриптивной лингвистики за пределы отдельно взятого предложения; б) соотнесение культуры и языка, т.е. языкового 36

и неязыкового поведения [1995: 280].

В лингвистике текста 70-х годов термины «дискурс» и «текст» обычно отождествлялись, что объяснялось отсутствием в некоторых европейских языках слова, эквивалентного франко-английскому «дискурс», его вынуждены были заменить наименованием «текст». Такое терминологическое отождествление привело к тому, что дискурс и текст стали рассматриваться как эквиваленты. Так, в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой дискурс имеет такие версии: «связный текст; устно-разговорная форма текста; диалог; группа высказываний, связанных между собой по содержанию; речевое создание как данность - письменное или устное» [1978: 33]. Для разведения понятий текста и дискурса первоначально использовалось разграничение аспектов, которые они представляли: дискурс - социальный, а текст - языковой. Этому способствовало влияние концепции Э. Бенвениста, считавшего дискурс речью, неотделимой от говорящего, а также работы голландского ученого Т. ван Дойка, рассматривавшего текст как статический объект, а дискурс - как способ его актуализации в определенных ментальных и прагматических условиях [Dijk 1981]. В этом значении дискурс

соотносился и с высказыванием:

«высказывание - это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя оставками в коммуникации; дискурс - это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет» [Квадратура смысла 1999: 27]. Транспонируя это различие на оппозицию текста и дискурса, можно сказать, что текст как высказывание, погруженный в условия его производства и восприятия, функционирует как дискурс.

Данное значение дискурса стало основным и единственным в украинском энциклопедическом словаре 1998 года:

«Дискурс - это связный текст в контексте многих конституирующих и фоновых факторов - социокультурных, психологических и т.д. Дискурс называют погруженным в жизнь текстом, который изучается вместе с теми формами жизни, формирующими его: интервью, репортажи, научные 37

теории... и т.п.» [Штерн 1998: 87].

Второе значение дискурса исходит из первого. Оно стало результатом разработки Т. ван Дейком концепции коммуникативной природы текста. В начале 80-х годов ученый избрал иное стержневое слово дефиниции дискурса - коммуникативное событие. Он подчеркивал: «Дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта... Говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» [ван Дейк 1989: 121-122]. Применительно к письменным текстам ученый отмечает необходимость анализа текстов с точки зрения динамической природы их производства, понимания и выполняемого с их помощью действия. С его точки зрения, дискурс - это существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого - интерес, цели и стили [1989: 53]. В данном суждении заложен событийно-ситуационный аспект понимания дискурса, который стал основой второго значения данного термина как коммуникативной ситуации, интегрирующей текст с другими ее составляющими [Nunan 1993: 6-7], «высказывательной» ситуации, подразумевающей наряду с текстом субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания [Квадратура смысла 1999: 26].

Следует Р. Ходжу и Г. Крессу [1988], Г.Г. Почепцов (мл.) отмечает: «Реально текст и дискурс мы можем рассматривать в соответствии с предложением и высказыванием. Предложение - обычный для нас элемент структуры. Высказывание объединяет в себе как само предложение, так и социальный контекст его использования. На высшем уровне те же отношения повторяются в тексте и дискурсе» [1996: 75]. Тем самым в состав дискурса вводятся экстралингвистические социальные факторы, когнитивные составляющие, предшествующие и результирующие коммуникации [ван Дейк, 38

Кинч 1988]. Представительница современной американской прагматической лингвистики Д. Шиффрин предлагает определять дискурс как интегративно контекстуализированные высказывания, устные и письменные [Schiffirin 1994: 41]. Контекстуальность дискурса сопряжена с другими его признаками и описывается как совокупность «излагаемых событий, их участников, перформативной информации и «не-событий», т.е. а) обстоятельств, сопровождающих события; б) фона, поясняющего событие; в) оценку участника событий; г) информацию, соотносящую дискурс с событиями», определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром [Демьянков 1982: 7]. Следует подчеркнуть, что определение дискурса В.З. Демьянковым, считающееся классическим, проецирует такую контекстуализацию лишь на «произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения», но все же речь идет об обеспечении языком особого коммуникативного события как альтернативного другим событиям.

Основными чертами дискурса во втором значении являются отмеченная выше контекстуальность, а также личностность, процессуальность, ситуативность, замкнутость.

Личностность дискурса двусторонняя: с одной стороны - это конкретное взаимодействие двух индивидуальных сознания (адресанта и адресата), с другой, это выражение себя, своего индивидуального сознания в коммуникативной ситуации (данная проблема активно разрабатывается дискурсивной психологией [см. Ушакова 1997]). П. Серию, сопоставляя говорящего и субъект высказывания, отмечает, что последний приобретает существование только в акте высказывания и представляет собой категорию дискурса, «реальность речи» [Квадратура смысла 1999: 16].

Процессуальность дискурса заложена в рассмотрении его не как завершенного продукта, а процесса, протекающего при наличии как минимум двух участников, в спонтанном общении интерпретирующих высказывание друг друга и совместными усилиями разрабатывающих структуру дискурса в 39

каждый данный момент [Jucker 1995: 124], а в дискретном акте коммуникации процессуальность дискурса заложена в деятельности сопряженной на основе текста фаз порождения и рецепции [Бисималиева 1999: 83]. Ситуативный, событийный подход к определению дискурса позволяет привлечь к исследованию текста множество коммуникативных, социальных и др. экстралингвальных факторов. Г.Г. Кук в книге «Дискурс» отмечает наличие трех контекстов дискурса: текстуального, социального, психологического [Cook 1990: I]. Г.Г. Почепцов (мл.) считает, что «дискурс должен соответствовать нормам языковой ситуации, коммуникативной ситуации и социальной ситуации» [1996: 76]. Ситуативность дискурса обеспечивается его временными и пространственными координатами, которые нередко присутствуют в дискурсивных дефинициях не только в данном значении.

Третье значение дискурса наиболее распространено в современной лингвистической литературе, оно исходит из положения французской семиотической традиции об отождествлении дискурса с речью, преимущественно устной.

В «Объяснительном словаре семиотики» А.Ж. Греймас и Ж. Курте определяют дискурс как тождественное тексту понятие в аспекте семиотического процесса: «В первом приближении дискурс можно отождествить с семиотическим процессом, который... следует понимать как все многообразие способов дискурсивной практики, включая практику языковую и неязыковую...» [1983: 488]. Соотнося дискурс с коммуникативным процессом и накладывая их на соотношение языка и речи, семиотики рассматривали дискурс как строго привязанное к акту речи событие, которое моделирует, варьирует и регулирует языковые нормы и протограмматические формы языкового сознания, переводя его в речь.

В основу изучения дискурса положена деятельностная онтологическая картина речевого общения [Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ 1989: 5], что становится новым аспектом на пути объяснения такого сложного феномена, как использование людьми естественного языка - «орудия социального действия и взаимодействия в условиях конкретных ситуаций общения на основе социальной системы правил, постулатов, стратегий» [Сусов 1983: 15].

Прагматическая дифференциация всего дискурсивного массива языка обусловила метонимизацию термина «дискурс» и использование его в *четвертом* значении как типа дискурсивной практики. Дискурс представляет собой коммуникативно-прагматический образец речевого поведения, протекающего в определенной социальной сфере, имеющий определенный набор переменных: социальные нормы, отношения, роли, конвенции, показатели интерактивности и т.д. [Сухих, Зеленская 1998: 8-11]. Такое значение дискурса используется в функциональной прагматике (И. Ребайн, К. Элих), рассматривающей его как единицы, формы речи, интеракции, которые могут являться частью повседневной речевой деятельности, но могут также проявляться в институциональной области. Основным свойством дискурса в данном понимании является регулярность соприсутствия говорящего и слушающего (интеракции лицом к лицу) [см. Протасова 1999:

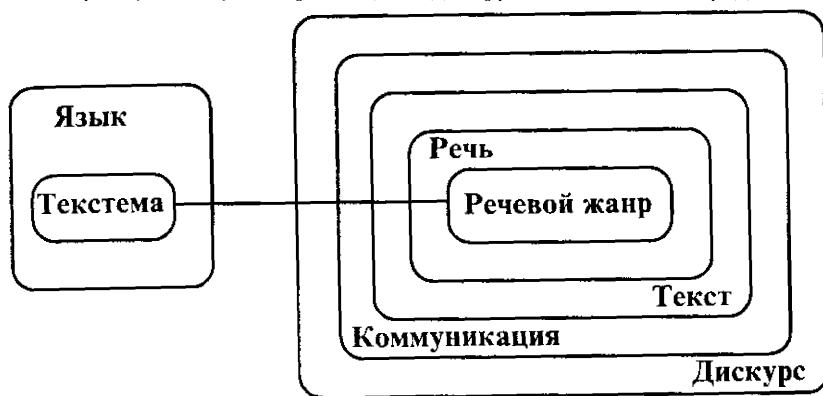
144]. Эти регулярные интеракции рассматриваются в совокупности как взаимодействие представителей определенных социальных групп (врач - пациент, политик - гражданин) или внутри обособленной области общественных отношений (учить - учиться) и т.д. В таких случаях дискурс может в какой-то мере сближаться с понятием «функциональный стиль» или, скорее, подстиль. Ю.С. Степанов считает причиной того, что при живом термине «функциональный стиль» потребовался другой - «дискурс», особенности национальных лингвистических школ: «в то время как в русской традиции... «функциональный стиль» означал прежде всего особый тип текстов..., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англосаксонской традиции не было ничего подобного прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания» [Язык и наука конца XX века 1995: 36]. Ю.С. Степанов, анализируя работу франко-швейцарского лингвиста и культуролога П. Серио, посвященную советскому политическому дискурсу, разъясняет дискурс в понимании П. Серио 41

как «первоначально особое использование языка... для выражения особой ментальности, в данном случае также особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики» [1995: 38-39]. Сам Ю.С. Степанов считает, что дискурс не может быть сведен к стилю - дискурс является неким подъязыком в языке, возможным альтернативным миром в мире языка. Это, по мнению ученого, меняет исходный тезис о языке как системе систем на положение о языке как системе разных систем. Ю.С. Степанов связывает дискурс с особым миром, «за которым встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления, особая семантика», а также собственный идеальный адресат, представляющий собой, по мнению П. Серио, конституирующую черту дискурса [Язык и наука конца XX века 1995: 42 - 44].

Дискурс в метонимическом значении подстиля и формы речи употребляется широко в современной прагмалингвистике и речеведении для выделения совокупности дискурсивной реализации определенного речевого жанра (социально, культурно и т.д. контекстуализированной). В книге Г.Г. Почепцова (мл.) «Теория коммуникативности» [1996] представлена попытка описания общих свойств таких дискурсивных типов (научный дискурс, теледискурс, кинодискурс, политический дискурс и т.д.). Предметом анализа дискурса ученые считают тексты, произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания, наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью [Квадратура смысла 1999: 27].

В настоящем пособии мы используем, в основном, второе значение термина «дискурс» как коммуникативной ситуации в совокупности ее составляющих.

Таким образом, объектами лингвистической теории текста и коммуникации являются все рассмотренные выше понятия, каждое из которых имеет свой аспект и ключевую позицию в данной теории: речь рассматривается как средство коммуникации; текст - как целостная семиотическая форма организации коммуникации; коммуникация - как процесс информационного обмена; дискурс как коммуникативное событие, ситуация, включающая текст и иные составляющие. Соотношение речи, текста, коммуникации и дискурса как объектов представленной теории огрубленно отражено в схеме 2.

РАЗДЕЛ 2.

ВНУТРИЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕЖНАУЧНЫЕ СВЯЗИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА И КОММУНИКАЦИИ

Лингвистическая теория текста и коммуникации использует для анализа своих объектов ключевые концепты и исследовательские аспекты ряда смежных лингвистических дисциплин и других отраслей знания.

2.7. Лингвистика текста

Лингвистика текста является базовой дисциплиной для представленной в данном пособии теории, ибо, с одной стороны, она располагает значительным теоретическим потенциалом исследований текста как макрознакового компонента дискурса, с другой стороны, именно в этой отрасли лингвистики сложилось направление изучения коммуникативно-прагматической стороны текста.

Изменения исследовательских аспектов в лингвистике текста обусловили различные модификации ее определений. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» лингвистика текста квалифицировалась Т.М. Николаевой как «направление лингвистических исследований, объектом которых являются правила построения связного текста и его смысловые категории, выражаемые по этим правилам» [1990: 267]. И.Б. Штерн рассматривает ее как комплексную дисциплину,

исследующую многоаспектную внутреннюю организацию связного текста - семиотическую, семантическую, структурную, коммуникативно-прагматическую [1998:316]. В книге американских ученых Р. Дирвена и М. Веспур «Cognitive Exploration of Language and Linguistics» лингвистика текста определяется как «учение о том, как S (говорящий или писатель) и H (слушатель или читатель) осуществляет коммуникацию с помощью текста и как они порождают или воспринимают связи между предложениями, параграфами, разделами и т.д.» [1998: 194]. Последняя дефиниция свидетельствует о значительно усилившейся тенденции к коммуникативной ориентации текстовых исследований.

Приоритет употребления термина «лингвистика текста» принадлежит румынскому ученому Э. Косериу, в середине 50-х г. XX века выделившему *linguistica del texto*. В этот период закладываются основы данной лингвистической дисциплины, выросшей из анализа дистрибуции сверхфразовых единств и межфразовых связей (Н.С. Пospelов, З. Харрис), дескриптивного исследования набора перспектив единиц текста в тагемике К. Пайка. Сложилась эта дисциплина в атмосфере триумфа формальных грамматик: возникла гипотеза, что можно составить «грамматику текста», ориентированную на текст, генерирующую тексты, но организованную не так, как грамматика предложения [Демьянков 1995: 278-279].

Т.М. Николаева считает, что толчком для создания лингвистики текста стала теория уровневого лингвистического анализа Э. Бенвениста и определение им автономного текстового уровня языка [1978: 12], однако появление данной дисциплины было также подготовлено, во-первых, поворотом лингвистики к изучению речи, во-вторых, ориентацией научного знания середины XX века, особенно европейского, на новую функциональную парадигму, обусловившую переход от синтаксиса к изучению более крупных целостных единиц речи.

Примечательно, что исследования текста первоначально именовались то *суперсинтаксисом* (В. Дресслер), *макросинтаксисом* (З. Харрис), *гиперсинтаксисом* (Б. Палек) как частью грамматики, изучающей средства связности предложений одного речевого произведения (грамматикой контекста [Dijk 1981: 60]); то *транслингвистикой*, *linguistique du discours* - разделом семиотики, объектом которого является «все бесконечное разнообразие фольклорных и литературных текстов, а также словесных (письменных и устных текстов, относящихся к области массовой коммуникации)» [Барт 1978: 442].

Становление лингвистики текста как самостоятельной языковедческой дисциплины происходит в 60-е годы XX века. Свообразным центром ее формирования считают Германию. «Другие региональные лингвистики Европы, особенно те, где укоренились семиотические традиции, а также успешно развивались концепции актуального членения предложения и коммуникативного динамизма, оказались восприимчивыми к текстовой проблематике», - пишет И.Б. Штерн [1998: 316-317]. Действительно, в Германии, начиная с конца 60-х годов выходит целая серия монографий, сборников, научных статей по лингвистике текста (Р. Харвег, Е. Агрикола, Я. Петефи, Х. Изенберг, С. Шмидт, В. Дресслер [см. обзор Новое в зарубежной лингвистике 1978: 57]), но интерес к тексту в той или иной мере проявился и в филологических школах многих стран мира. Так, ученые Пражского лингвистического кружка, выдвигавшие в качестве своих главных подходов функциональный и структурный с преобладанием первого, еще в 1928 году в «Тезисах» рассматривали необходимость формирования лингвистики речи, изучения ее стилей, социального назначения текста. Важным для лингвистики текста стала разработка пражскими учеными теории актуального членения.

Учение Ш. Балли (Женевская школа) о грамматических связях в речи и тексте, их корреляции с внеязыковыми средствами, названными в совокупности **актуализаторами**, также оказало значительное влияние на становление структурно-грамматического аспекта лингвистики текста. Коллега Ш. Балли А. Сеше выделил в 1940 году три лингвистических дисциплины: синхронную, диахронную лингвистики и лингвистику организованной речи. Характеристика им проблематики последней свидетельствует о существенном отличии, внесенном А. Сеше в концепцию Ф. де Соссюра, своего учителя: речь не только предшествует языку, но и не может быть ни в какой момент полностью порождена языком; говорящий и слушающий всегда имеют возможность для инноваций.

Существенный вклад в формирующуюся лингистику текста внесли также Лондонская, Французская функциональные школы, советская филологическая традиция, в частности, текстовая концепция М.М. Бахтина 40-50-х годов.

Первый этап лингвистики текста можно назвать *структурно-грамматическим* (не случайно, первоначально лингвистика текста именуется грамматикой текста (Я. Петефи, З. Шмидт, М. Хэллiday, Т. ван Дейк, О.И. Москальская, Т.М. Николаева и др.)), хотя уже в 70-е годы создаются предпосылки для поворота от текстовой грамматики к *текстовой семантике*. Эти предпосылки заложены в исследованиях по семантике синтаксиса, текстовой связности, а также в сближении лингвистики текста с текстологией, в частности, с ее нарратологическим аспектом, направленным на выявление отношений внутри содержания текста [Демьянков 1995: 279]. На этом же этапе, на базе семиотических теорий, дискурсивного анализа зарождаются коммуникативные ориентиры лингвистики текста.

В рамках структурно-грамматического направления текста внимание исследователей было сосредоточено на средствах и типах связности текста (лингвистика текста именовалась лингвистикой связного текста), принципах ее соблюдения для более адекватного восприятия текста читателем. Выходят в свет грамматика текста Я. Петефи [1971], Х. Изенберга [1972], Т. ван Дейка [1972], О.И. Москальской [1981], монографии по структуре и синтаксису связного текста [Севбо 1969; Гиндин 1971; Dressier 1973; Harweg 1974; Откупщикова 1982; Реферовская 1983 и др.], статьи М. Пфютце, Д. Фивегера, Ц. Тодорова, В.Е. Берзона, Е.В. Падучевой и др., где рассматриваются проблемы кореференции, повтора, замен, анафоры, дейксиса; компоненты структуры текста (абзац, сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство), тема-рематическое членение текста, типология межфразовых логических отношений, импликация, пресуппозиция. Однако ограниченность исследований структурой текста и его грамматическими свойствами не способствовала решению поставленных лингвистикой текста задач, в частности, категориальной стратификации текста, выявления механизма глобальной связности, средств создания целостности текста и т.д. Следствием такого положения дел стал поворот к изучению текстовой семантики, которая вызрела в недрах грамматики текста. Первоначально текстовая семантика сохраняла отпечаток логической структурированности и влияние ключевой идеи текстовой грамматики - линейного соположения единиц, однако очень скоро обратилась к многослойности, разноплановости и глобальности семантического содержания текста. В 1972 году Т. ван Дейк ввел понятие семантической **макроструктуры**, «для того чтобы дать абстрактное семантическое описание глобального содержания и, следовательно, глобальной связности дискурса» [Dijk 1972]. Данные макроструктуры анализировались им на основе связей различных грамматических коннекторов и макроконнекторов и базировались в целом на текстовой грам-

матике. Однако ученый, говоря о локальной связности дискурса, установленной между соседними предложениями, считал, что связность целого не может получить полного объяснения только в терминах локальных связей между пропозициями; для установления некоторой формы глобальной организации и контроля необходимы значения более высокого уровня [ван Дейк 1989: 46]. В конце 70-х годов проблема связности стала рассматриваться в ракурсе глобальной семантической связности, а также в плане семантической эквивалентности как основы объединения предложения в связный текст, исходя из смысловой близости слов, семантического повтора, межфразовых валентностей (Е. Агрикола, В. Дрес-слер, Р. Богранд, С.И. Гиндин, В.Е. Берзон, М.С. Блехман, Е.В. Падучева, В.А. Бухбиндер, И.В. Арнольд и др.).

В рамках семантического направления лингвистики текста разрабатываются проблемы семантических компонентов и смысловой структуры текста, соотношения семантики текста и контекста, содержательных, смысловых категорий текста, его имплицитного плана, семантико-смысловых основ понимания и интерпретации текста и т.д.

Становление семантического направления в лингвистике текста стало началом центробежных тенденций данной отрасли. С конца 70-х годов происходит «расслоение» лингвистики текста: для исследования текста привлекаются различные аспекты смежных наук. Т.М. Николаева отмечает выделение в рамках лингвистики текста двух направлений, объединяемых общими законами связности текста и общей установкой на его цельность: первое связано с коммуникативной контекстуализацией текста и смыкается с прагматикой, психолингвистикой, риторикой, стилистикой, теорией пресуппозиций; второе занимается выявлением глубинных смыслов текста и сближается с герменевтикой [1990: 267-268]. На наш взгляд, центробежные тенденции данной отрасли были обусловлены прежде всего многоаспектностью рассмотрения текста как первичной данности всего гуманитарно-философского познания в различных его трактовках, формированием параллельно с лингвистикой текста общей теории текста - маргинальной филологической дисциплины, находящейся на пересечении текстологии, лингвистики текста, поэтики, риторики, прагматики, герменевтики, семиотики и т.д. Кроме того, середина XX века характеризуется появлением новых теорий и отраслей знания, ориентированных на речь, коммуникацию, и их стремительным последующим развитием. Поэтому расслоение интересов лингвистики текста, на наш взгляд, невозможно ограничить лишь двумя ее направлениями. Лингвистика текста на основе общего объекта находила множественные точки соприкосновения с самыми различными отраслями науки.

Среди основных направлений лингвистики текста, наиболее значимых для обоснования интегративной теории текста и коммуникации, следует выделить коммуникативно-прагматическое, семиотическое и когнитивное.

Как уже отмечалось в 1.1, рассмотрение текста как «лингвистического выражения, используемого в коммуникации между людьми и интерпретируемого слушателем или читателем» [Dirven, Verspoor 1998:194], как средства социально-психологического, эмоционального, эстетического взаимодействия обусловило становление *коммуникативно-прагматического* направления лингвистики текста. З.Я. Тураева подчеркивает:

«Социальное взаимодействие в значительной мере осуществляется через тексты, порождаемые и воспринимаемые личностью. Логика развития науки конца второго тысячелетия привела к активизации исследований максимальной единицы речевой деятельности - текста, и изучению стратегии планирования и управления дискурсом в широком социальном контексте, к пониманию текста как аргумента, с помощью которого меняется картина мира в сознании реципиента» [1999: 17].

Изучение текста обусловило расширение состава текстовых категорий за счет коммуникативных [Iser 1980; Bennet 1989;

Арутюнова 1981; Славгородская 1981; Сидоров 1987; Тураева 1991, 1994; Колсаева 1991; Воробьева 1993; Гетьман 2000 и др.]; формирование коммуникативно-функциональных и прагматических концепций и моделей текста [Watts 1981; Sperber, Wilson 1989; Beaugrande 1990, 1991; Дейк 1989; Почепцов 1987;

Сусов 1990; Радзиевська 1993; Баранов 1993; Cook 1995 и др.];

описание интерактивности автора и читателя, текстовых стратегий, гармонизации и эффективности [Watts 1981; Дейк 1989; Матвеева 1984; Джанджакова 1986; Воробьева 1993; Радзиевская 1993 и др.].

В лингвистику текста данного направления внедряются ключевые концепты прагматики, теории дискурса, теории речевой коммуникации. Т.В. Радзиевская отмечает ряд таких понятий, как-то: «намерение адресата и интенция текста, генеративные типы текстов, категория контактности, прагматическую ситуацию, коммуникативные стратегии автора, прагмакоммуникативные основы стилистики, коммуникативную эффективность, противоречивость и аномальность текста» [1993: III].

Коммуникативно-прагматическую ориентацию имеет также *семиотическое* направление лингвистики текста, исследующее знаковые модели текста, в основу которых положено взаимодействие коммуникантов при посредстве текста. Рассмотрение текста как суперзнака было предложено еще Л. Ельмслевом в противоположность Ф. де Соссюру, называющему знаком лишь слово или морфему. Я. Петефи предложил назвать отрасль, изучающую текст как знак, семиотической текстологией, задачей которой станет реконструкция того, как интерпретатор заставляет текст соотноситься с миром, т.е. того, как происходит понимание одного из объектов мира как знака.

Главной проблемой, стоящей перед семиотикой текста, ученые считают «определение и функционирование вымысла как человеческой семиотической, - в частности, и интерпретативной, - деятельности» [Демьянков 1995: 278]. Для данного направления лингвистики текста значимой стала семиотическая концепция Ю.М. Лотмана, опирающаяся на некоторые положения Р.О. Якобсона, квалифицирующая текст как нерасчлененный сигнал в знаковом пространстве (универсуме) культуры. Ю.М. Лотман рассматривал текст в определенной семиосфере по аналогии с понятием «биосфера» В.И. Вернадского. Ученый характеризует семиосферу как семиотический универсум, единый механизм (если не организм), в котором любой текст становится знаковым актом и рассматривается в соотношении с принципами и закономерностями универсума [1992, 1: 13]. Устанавливая для семиосферы признак отграниченности, Ю.М. Лотман объясняет ее замкнутость как проявление того, что семиосфера не может соприкасаться с иносемиотическими текстами или с не-текстами. Семиосфера имеет полевую структуру со стабильным ядром-доминантой и периферией, которая обуславливает динамизм и сохранение универсума. Вторжение «чужих» для семиосферы текстов является катализатором, ускоряющим механизмы смыслообразования и появления нового языка, иногда как «припоминания» старого. На наш взгляд, появление нового языка связано с возникновением новых текстов, речевых жанров, метода, вводящих в семиотический универсум новый макрознак.

Динамика семиосферы имеет еще один культурно обусловленный аспект, который Ю.М. Лотман называет текстом в

тексте, В.В. Налимов - «следами» прошлых текстов и т.п. Текст как макрознак выступает в данном случае редуцированным, свернутым, формируя при отсылке на него в другом тексте встроенную семиотическую ситуацию, которая меняет всю семиотическую ситуацию в середине того текстового мира, в который его вводят [Лотман 1996: 434]. В процессе декодирования такого текста, по мнению Ю.М. Лотмана, читатель вступает с ним в прагматические отношения. При этом «оба образования отличаются такой степенью сложности, что всегда предполагают присутствие активизации того или иного аспекта структуры текста и преобразование в процессе прагматического функционирования ядерных структур в периферийные, а периферийных - в ядерные» [1996: 433]. Характеризуя семиотическую сущность текста-имени, ученые приписывают ему несколько знаковых свойств: «способность отражать определенную референтную ситуацию, одновременно идентифицируя и характеризуя ее как самостоятельный целостный объект; целостность «правильного» в смысловом и грамматическом отношении текста; несводимость текста к смыслу его составляющих, наличие у него своеобразной «внутренней формы» [Руденко, Сватко 1993:

83]. Внутренняя форма текста, возможно, манифестирует информационное пространство текста, свернутое в виде текстового концепта. О.П. Воробьева, характеризуя текст как макрознак, отмечает единство текстового значения, неделимого смыслообразующего принципа [1993: 29]. Именно концепт, создаваемый и интерпретируемый, представляет смысловую сторону текста как макрознака, его означаемое. Дискурсивно-текстовый знак в этом смысле есть «многомерный информационный комплекс, холистично настраивающийся на вхождение в речь в соответствии с коммуникативными интенциями говорящего и столь же холистично воссоздаваемый слушателем как в нормативном, так и в прагматическом информационном полях» [Телия 1996: 129].

Таким образом, содержательной стороной текстового макрознака является когнитивная структура (смысл), а не значение. Исследование смысла на основе моделирования ментальных конструкторов, стоящих за текстом и опосредующих его порождение и декодирование, является целью актуального и значимого в современной лингвистике текста *когнитивного* направления. Основоположителем данного направления следует считать Т. ван Дейка. Его научные контакты с представителем когнитивной психологии В. Кинчем и написание ими совместной книги «Стратегии восприятия дискурса» (1983 г.) становятся первыми шагами в исследованиях когнитивных механизмов порождения и рецепции текста в дискурсе. Важными в когнитивной концепции Т. ван Дейка являются разработка стратегий восприятия дискурса, когнитивной модели обработки текста с учетом не только психологических механизмов памяти, но и социально-прагматических факторов - различных признаков коммуникантов, их установок, предпочтений, знаний, мнений, чувств, эмоций и т.д.; а также положения о зависимости успешности коммуникации от общей сферы значений и знаний коммуникантов [ван Дейк 1989: 46]; о том, что обработка дискурса производится в соответствии с макроправилами редукции, обобщения, ключевой активации, опущения и организации в памяти реципиента получаемой информации, привлечения им знаний о мире и т.д.

Т. ван Дейк, описывая с когнитивной точки зрения процесс обработки дискурса, вводит понятие **модели ситуации** как когнитивной основы дискурса, которая формируется конкретным индивидом на основе его личностных знаний, опыта, установок, чувств, эмоций, мнений и используется адресатом при понимании текста: активизируя определенные фрагменты моделей ситуации, читатель декодирует текстовые пресуппозиции и импликатуры.

Модель ситуации у Т. ван Дейка индивидуальна, динамична, стратегически подвижна, комплексна, т.е. задействует одновременно все уровни и структуры. Данная модель имеет нейро-физиологическое объяснение, основанное на способности мозга фиксировать повторяемые последовательности внешних событий и сохранять их в виде комбинаций молекул. Так формируются стойкие структуры - матрицы, т.е. программы действий в определенных ситуациях; человек начинает действовать в соответствии с программой [Анохин 1978: 364]. Наряду с моделью ситуации, Т. ван Дейк использует понятия **макро- или суперструктуры**, описывающих специфические типы текстов:

макроструктуры эксплицитно показывают общие топики, или темы дискурса, и одновременно дают характеристику тому, что можно было бы назвать общей связностью (когерентностью) текста, так же как и его общим и основным смыслом [1989:129]. Ученый объясняет понятие суперструктур как конвенциональных знаний о схемах того или иного типа текста [1989: 131], подчеркивая важность глобальных структур, отражающих и тематическое содержание, и схематическую форму в реальных процессах производства и понимания текста.

В когнитивном направлении лингвистики текста концепция суперструктур Т. ван Дейка проецируется на моделирование текстовых схем, прототипов как ментальных образцов текстом (Л. Диге, А. Нойберт, Шрив, Т. Джайвен и др.), которые являются структурами знания, участвующих в порождении и интерпретации текстов и с которыми получатель сравнивает реальный текст [Yamchinska 1999: 53].

Семантика текста определяется когнитологами как ментальная репрезентация мира действительности (В.З. Демьянков, Р. Джекендофф, В.Б. Касевич, В.В. Петров, А.И. Новиков, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, В.Р. Ястержембский и др.). Данное направление оперирует различными ментальными структурами представления концептуального пространства текста: фреймами (Ч. Филмор, О.Л. Каменская, В.В. Гончаренко, Е.А. Шингарева и др.), ментальными моделями (Ф. Джонсон-Лэрд), пропозициональными моделями (А. Пейвио) и т.д. Когнитивное моделирование осуществляется на основе методики концептуальных графов (Дж. Сова), риторических структур (У. Манн, С. Томпсон), что проецируется в компьютерную лингвистику (см. разделы 6, 7).

Когнитивное направление в лингвистике текста, сопрягаясь с коммуникативными исследованиями обращается к моделированию когнитивной деятельности адресанта и адресата через фреймы взаимодействия и событийные фреймы [см. Тарасова 1999]; а также к анализу когнитивных процедур построения и верификации гипотез, инференции в процессе понимания текста, изучению когнитивного механизма интерактивности в аспекте эффективности дискурса.

Характеризуя состояние лингвистики текста на исходе второго тысячелетия, З.Я. Тураева анализирует се современные принципиальные установки: 1) интегративность с различными науками, приближение к идеалу научного всеединства; 2) определение места текста в континууме других текстов в социально-историческом и литературном контекстах; 3) рассмотрение текста в процессе глобального семиозиса в лингвокультурной парадигме; 4) исследование проблемы текстовой референции:

мимезиса как правдоподобия, сходства с реальностью и дие-гезиса - как отказа от связи с действительностью, ее искажение деталями [Riffaterre 1990], 5) анализ антропоцентрически обусловленной коммуникативной асимметрии текста, т.е. всего спектра интерпретационного пространства и т.д. [Тураева 1999: 17-25].

2.2. Теория речевых актов

Объектом теории речевых актов как логико-лингвистического направления науки, изучающей вербальную коммуникацию, является **речевой акт** - единица речевого общения; ситуативно и интенционно обусловленное речевое высказывание говорящего, ориентированное на адресата и его результирующую реакцию. Исследование единицы речи в соотношении с целью, намерениями говорящего, с правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе, а также с учетом реагирования адресата, «попытка взглянуть на речь и на язык через призму действий носителя языка и определить значение как употребление предложения в конкретных обстоятельствах» [Демьянков 1995: 286] обуславливают значимость положений данного направления для интегративной теории текста и коммуникации. Тем более что теория речевых актов стала одним из источников современной прагматики и сейчас рассматривается в единстве с ней для изучения закономерностей интерактивности коммуникантов в определенной прагматической ситуации.

Теория речевых актов сложилась в рамках лингвистической философии как философского течения неопозитивизма, распространившегося в Великобритании под влиянием идей Л. Витгенштейна и Дж. Мура (Г. Райл, Дж. Уисдом, Б. Рассел и др.). Особую роль в становлении данной теории сыграла концепция Л. Витгенштейна об интеракции языка и жизни в социальных речевых играх, о неотделимости речи от форм жизни. Л. Витгенштейн постулировал целенаправленный и регламентированный характер речи как деятельности человека, зависимость речи от правил и конвенций и в связи с этим абсолютизировал инструментальные функции языка (теория языковых игр).

Основоположителем теории речевых актов стал английский философ и логик Дж. Остин, представитель неопозитивизма, названного им переворотом в науке [1986: 25]. В книге «How to do things with words» (1962 г.), созданной на основе его лекций в Гарварде 1955 г., Дж. Остин изложил основные постулаты теории речевых актов, которые перекликались с положениями В. фон Гумбольдта, Ш. Балли, Э. Бенвениста, Е. Кош-мидера, А. Гардинера, К. Бюлера, Л. Витгенштейна.

Вслед за В. фон Гумбольдтом Дж. Остин представил язык в аспекте его деятельности и телеологичности: речь является орудием осуществления целевой установки говорящего в деятельностной ситуации речевого акта.

В наибольшей мере концепция Дж. Остина близка теории языка К. Бюлера, который задолго до появления теории речевых актов высказал два важнейших положения, проецирующихся в исследования речевых актов: 1) о функциях знаков языка: наряду с символическими функциями, знак выражает внутреннее состояние отправителя как симптом и управляет внешним поведением и внутренним состоянием слушателя как сигнал (Дж. Остин также разграничивал высказывания-утверждения, этические суждения, направленные на возбуждение чувств, на предписание поведения или воздействие на него [1986: 24]); 2) считая недостаточным разграничение языка и речи у Ф. де Соссюра, К. Бюлер предложил тетратомию: речевое действие, речевой акт, языковое произведение, языковую структуру; первые два соотношены с говорящим, остальные межличностны, абстрактны [Бюлер 1993: 39-57]. Понятие «речевой акт» у К. Бюлера не разработано и нечетко, однако в противоположность речевому действию - продукту одного человека в конкретной ситуации, речевой акт, очевидно, должен был означать воспринятое и понятое другими речевое действие. Именно вовлеченность в человеческую речь говорящего и слушающего оценивается лингвистами как заслуга К. Бюлера, состоящая в том, что он в правильном свете представил этот, очевидно, простой и тем не менее столь долго остававшийся незамеченным факт (Н.С. Трубецкой). Положение К. Бюлера о соотношении речевого акта и речевого действия также нашло отражение в теории речевых актов. Считается, что речевые действия складываются из действий говорящего и слушающего, речевые акты - действия говорящего: «Речевой акт есть осуществление интенции говорящего посредством речи, это - коммуникативно-целевой аспект речевых произведений..., взятых в целостности их конситуативных связей» [Никитин 1997: 724]. Именно речевое действие как совершение определенных актов, а не высказывание является, согласно теории речевых актов, минимальной единицей вербальной коммуникации.

В концепции Дж. Остина целостность речевого акта обеспечивается тремя речсактовыми операциями, группами действий:

1) **ллокуцией** - «говорением» в сопряженности фонетического (произносительного), фатического (лексикализации и грамматикализации высказывания), ретического компонентов (смыс-лопорождения и референтной соотнесенности); 2) **иллокуцией** (иллокутивными силами), т.е. намерением, целью, продуманным расчетом (информирование, приказ, предупреждение и т.п.); 3) **перлокуцией**, т.е. последствиями достижения результата речевого акта, исходя из влияния говорящего на сознание и поведение адресата (убеждение, понуждение, устрашение, удивление, заблуждение адресата нашими действиями). Такое тройное действие «расширяет интерпретативную грамматику языка - тогда-то и учитывается то обстоятельство, что понимание предложения далеко выходит за пределы буквального значения и самого выражения, и подаваемых с его помощью намерений» [Демьянков 1995: 287-288].

Дж. Остин разграничил пять классов речевых актов в соответствии с иллокутивной силой: 1) **вердиктивы** - решение, мнение, оценка, одобрение; 2) **экзерситивы** (*exercise* - англ. «осуществлять, использовать, проявлять») - приказ, принуждение, предупреждение, совет, назначение; 3) **комиссивы** (англ. *commitment* - «обязательство») - обещание; 4) **бехабитивы** (англ. *behave* «вести себя» и *habit* - «привычка») - извинение, похвала, соболезнование, ругань, поздравление; 5) **экспозитивы** (англ. *exposition* - «толкование, объяснение, описание, показ») - место высказывания говорящего в ходе разговора (*Я доказываю, признаю, отвечаю, допускаю*).

Опираясь на постулаты позитивизма об инструментальности речи и о соответствии смысла высказываний фактам, Дж. Остин ввел понятие **перформативного** предложения (от *perform* - «исполнять, выполнять, делать, осуществлять») в противовес констативу, понимая перформатив как высказывание в ходе осуществленного действия, вводящее истинную пропозицию, соответствующую действию, намерением; *Я завещаю свои часы брату* - слова из завещания; *Нарекаю судно «Королева Елизавета»* - слова, сопровождающие разбивание бутылки с шампанским о нос судна [1986: 26-27]. Перформативы, по Дж. Остину, могут быть эксплицитными типа: *Я держу пари, обещаю, завещаю* - и имплицитными.[^]крытым и) типа: *Иди, т.е. Я приказываю идти*. В случае, если действие, сопровождающееся перформативом, терпит неудачу, то высказывание нельзя назвать ложным, а лишь неуспешным. Этим положением Дж. Остин вводит в теорию речевых актов концепцию Infelicities - **перформативных (коммуникативных) неудач**.

Перформатив, по Дж. Остину, обеспечивает успешность речевого акта, если он удовлетворяет конвенциональным условиям успешности, к примеру, социальным ролям коммуникантов, предопределенности их поведения. Соотнося успех

речевого акта с рядом условий, ученый рассматривает *неудачи* - осечки (*misfires*), или неверности при нарушении преддурных действий, и *злоупотребления* (*abuses*) в случае неискренности речевых партнеров.

Описание перформативов и конкретных высказываний, коммуникативных неудач приводит Дж. Остина к важному выводу о необходимости рассмотрения речевого акта в ситуации, компонентами которой являются коммуниканты и предмет сообщения: «Мы должны учитывать целиком всю ситуацию высказывания - целостный речевой акт» [1986: 56].

Концепция Дж. Остина была критически оценена его последователями. С одной стороны, многие аспекты его теории были перспективными и стали фундаментом для прагматики и теории коммуникации, с другой стороны, в учении Дж. Остина, а с него и «в традиционной версии теории речевых актов остается зияние: концепция не охватила речевые интенции говорящего в полном объеме, а именно, в той части, где 1) они не исчерпываются и не совпадают с интенцией его высказываний и 2) где реальные результаты речей (перлокутивный эффект) расходятся с интенционально-речевыми ожиданиями говорящего» [Никитин 1997: 729].

Главным недостатком концепции Дж. Остина в целом является противоречие между наличием в целостном речевом акте иллокуции, локуции, перлокуции и полным игнорированием перлокуции, следствием чего стало отождествление иллокутивного акта с речевым, а также отнесенность перлокутивного акта и значения к области психологии [Чахоян, Невзорова 1986:17].

Данное противоречие было подмечено английским логиком П. Стросоном. В работе «Намерение и конвенция в речевых актах» (1964 г.) он рассмотрел соотношение намерения и реакции, критически оценил положение Дж. Остина о конвенциональности иллокутивного акта, противопоставив ей общую конвенцию всякого речевого акта. Характеризуя понятие намерения (интенции), он соотносит его с понятием субъективного значения, введенного Х.П. Грайсом в статье «Значение» (1957 г.): «S намерен (i), произнесением X вызвать определенную реакцию (r) у слушающего A» [1986: 137]. Намерение П. Стросон рассматривал как сложное, выделяя намерение, направленное на то, что слушающий должен опознать, и намерение говорящего вызвать у него, слушающего, определенную реакцию [1986: 144-145]. Ответная реакция (*response*), считает П. Стросон, удобнее слова *effect* - результат, эффект, и это справедливо, ибо перлокутивный эффект - это лишь достижение цели говорящего, т.е. ожидаемый говорящим эффект [Yule 1996:49]. В случае же коммуникативного конфликта, т.е. неожиданной реакции адресата необходим иной термин - **реакция**. В современной теории речевых актов используется и более широкое понимание перлокутивного эффекта как реакции адресата вообще. А.П. Портер характеризует иронический речевой акт как контрперформативный, т.е. достигающий перлокутивного эффекта путем иллокутивного провала [1993]. Такое двойственное толкование перлокуции, с одной стороны, как достижения целей говорящего, а с другой, как достижения любого результата, реакции адресата объясняется непоследовательностью теории самого Дж. Остина: за основу он взял высказывания, результаты которых успешны и соответствуют иллокутивным силам говорящего.

Перлокутивный эффект как тип результирующей реакции квалифицируется также двояко: либо как изменение психического состояния адресата [Watts 1981: 32], либо как изменение и в сознании, и в поведении в соответствии с иллокуцией или вне зависимости от нее [Почепцов 1986;

Чахоян, Невзорова 1986].

Замена понятием реакции перлокутивного эффекта стала важным шагом к осознанию речевого акта не только как направленной передачи информации к пассивному или к следующему за иллокутивной силой адресату, но и как движения к конечной цели - управлению деятельностью собеседника [Тарасов 1990: 7]. Исходя из этого, в речевом акте могут быть вычленены иллокутивный и перлокутивный акты: первый воплощает намерение, второй - возможность воздействия.

Американский логик Дж. Серль (монография «Речевые акты» 1969 г.) вслед за Дж. Остином считал все речевые акты иллокутивными, называя их минимальными единицами языкового общения и не рассматривая перлокутивного аспекта речевых актов [1986: 152]. Функции речевого акта он называет **иллокутивными силами** (*forces*). Отмечая несовершенство Остиновской классификации речевых актов, ученый предлагает собственное деление, основанное на параметрах иллокутивной цели, направления приспособления, выраженного психологическим состоянием говорящего и др. [1986: 181-188]: 1) **репрезентативы**, или **ассертивны** - обязывают говорящего отвечать за истинность высказывания (похвальба, жалоба): *Хомский не пишет об ананасах* (пример из [Yule 1996: 53]); 2) **директивы** - принуждение, приказ, просьба, мольба, совет, приглашение: *Не трогай*; 3) **комиссивы** - накладывают обязательство на говорящего исполнить то, что обещает: *Мы не сделаем этого*; 4) **экспрессивы** - выражение психологического, эмоционального состояния говорящего (этикетные) - сочувствие, поздравление, извинение: *Мои поздравления*; 5) **декларативы** - назначение на должность, присвоение имен, званий, вынесение приговора и т.д., строго регламентированные социальными конвенциями: *Я объявляю вас мужем и женой*.

Примечательно, что Дж. Серль дифференцирует, в отличие от Дж. Остина, речевой акт на **произношение, пропозицию**, которая осуществляет референцию и предикацию и описывается на основе глубинных структур, и **иллокуцию**, не вводя понятия перлокуции, внеположенной, по его мнению, речи. Дж. Серль подметил иной ставший перспективным аспект исследования речевых актов, разграничив **прямые** и **косвенные** речевые акты и определив косвенность как передачу говорящим слушающему «большого содержания, чем-то, которое он реально сообщает» [1986: 197]. И. Мэй-баур вслед за Дж. Серлем подчеркивает, что прямые речевые акты передают дословную семантику, а косвенные - недословное содержание, не совпадающее по иллокутивному типу с иллокутивной интенцией [Meibauer 1986: 31].

Косвенные речевые акты основаны на правиле импликации:

эксплицитно манифестируется одно содержание, а имплицитно - передается иное. Исходя из этого, косвенность речевого акта оборачивается его прямым вербальным характером, но косвенным способом репрезентации содержания. Поэтому ученые разграничивают **иллокутивную силу** (интенцию говорящего) и **иллокутивный речевой акт** как иллокуцию самого акта: *Я бы сделал это*, т.е. тебе это нужно сделать (иллокутивная сила - директив, речевой акт - репрезентатив). Адресат переосмысливает либо иллокутивную силу, либо пропозициональный компонент, либо оба одновременно [см. Безуглая 1999: 5]. К примеру, в повести Конан Дойля, склоняя собеседника к тому, чтобы тот стал агентом говорящего, адресант-персонаж осуществляет косвенный (имплицитный) акт: «Для успешного завершения этого предприятия нам требуется доверенный агент. Агент этот должен быть очень способным человеком и в то же время абсолютно надежным.

Разумеется, мы готовы будем хорошо заплатить обладателю подобных качеств» (Конан Дойль, Торговый дом Гердлстон).

Рассматривая прагмасемантическую природу косвенного речевого акта, М.В. Никитин, описывает несоответствие иллюкутивных сил и иллюкутивного акта как несовпадение эксплицитных и имплицитных интенций, имплицитные говорящий строит на игре, взаимодействии эксплицитной интенции высказывания со значимым фоном речи [1997: 729]. Ученый обращается к причинам, по которым прибегают к имплицитности и языковой игре. Языковая игра представляет лишь один речевой акт, имеющий косвенный способ реализации. Возможно выделение двух иллюкутивных сил: направляющей косвенность способа представления смысла и смыслонесущей, т.е. силы вербализации и силы смыслопорождения.

Иной аспект косвенности речевого акта заложен в явлении совмещения различных типов речевых актов с позиций многих слушающих, в том числе сторонних участников [Кларк, Карлсон 1986: 270-321]. Сущность данной концепции в том, что иллюкутивный тип высказывания для адресата и сторонних участников коммуникации может быть различным, а иллюкутивная сила одна. Приводя пример реплики Отелло Дездемоне в присутствии Яго и Родриго: *Пойдем, Дездемона*, Г.Г. Кларк и Т.Б. Карлсон называют речевой акт для сторонних участников **информативом**, подчеркивая, что для Дездемоны данное высказывание - просьба, для Яго и Родриго - информирование. Это положение чрезвычайно перспективно, ибо интенция говорящего располагает ориентацией не только на адресата, но и на всех присутствующих посторонних. Нередко акты, являясь прямыми для одного, для других представляются косвенными. Кроме того, иногда сторонний участник именно и является настоящим адресатом, реагирующим на слова, обращенные к другому (в ресторане женщина в присутствии официанта обращается к своему спутнику:

«*Сюда бы солю*», однако принести соль должен официант).

В 80-е годы теория речевых актов приобрела новые исследовательские ориентиры, стремясь устранить некоторые недостатки и неясности концепций Дж. Остина, П. Стросона и Дж. Сер-ля. Не отрицая значимости данной теории, В.З. Демьянков отмечал ее пунктирный характер, подчеркивая, что «в современной зарубежной лингвистике о теории речевых актов пока еще рано говорить как о завершенной научной концепции» [Новое в зарубежной лингвистике 1986: 234].

Ученые отмечают недостаточность теории речевых актов в качестве базисного концептуального аппарата для построения прагматической теории вербального общения, объясняя это, во-первых, невозможностью всегда соотносить речевой акт только с одним типом, ибо даже в самой тривиальной беседе с помощью одного и того же высказывания говорящие часто совмещают целое множество действий одновременно;

во-вторых, сужением диапазона условий высказывания инвентарем перформативных выражений; в-третьих, отсутствием анализа именно взаимодействия коммуникантов при абсолютизации интенциональной позиции говорящего; в-четвертых, статичностью точки зрения теории речевых актов, игнорированием динамической и стратегической природы живой речи, ее внутренней логики развития и т.д. [Франк 1986:363-365].

Теория речевых актов конца 80-х годов характеризуется прагматической ориентацией, вниманием к обоим аспектам коммуникативной ситуации - иллюкуции и перлокуции. О.Г. Почепцов рассматривает их соотношенность в виде схемы [1986: 54-57] (см. схему 3).

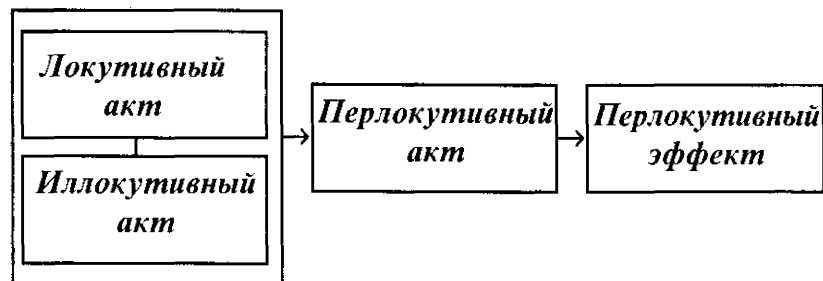

Схема дает представление о неразрывности локутивного и иллюкутивного актов; «перлокутивный акт, в отличие от иллюкутивного акта, связан не просто с локутивным актом, а с локутивно-иллокутивным гиперактом» [1986: 58]. Кроме того, разграничение перлокутивного акта как речевого воздействия на объект и перлокутивного эффекта как достижения иллюкутивной силой успеха позволяет рассматривать неуспешные акты с точки зрения адресанта, что получило дальнейшее развитие в лингвопрагматике.

К концу XX века теория речевых актов накопила значительный теоретический потенциал, который используется в прагматике и общей коммуникативной теории. К числу наиболее весомых речеактовых исследований нужно отнести создание различных классификаций речевых актов на основе их намерений, целей, направленности, перформативности, выражения психологического состояния говорящего, постакторечевой интенции, статусов адресанта и адресата, имплицитности и т.д.

Среди наиболее известных следует назвать классификацию речевых актов Г.Г. Почепцова, основателя Киевской прагмалингвистической школы [см. Почепцов 1981], а также классификацию перформативных глаголов Ю.Д. Апресяна [1995а], транспонируемую на речевые акты. В зарубежной лингвистике детальные классификации речевых актов разработаны Д. Вундерлихом, Дж. Личем, Г. Баллмером, А. Веж-бицкой и др.

Основными направлениями теории речевых актов последних десятилетий являются описание успешности/неуспешности речевых актов, сложных речевых актов, модели, структуры, цели, языковых средств различных типов речевых актов и т.д. [см.: Падучева 1985; Почепцов 1986; Чхетлаш 1986; Карабан 1989; 2000; Тарасов 1990; Porter 1993; Callebaut 1994; Attal 1994; Mochsler 1996; Серль 1999; Минкин 1997, 1999; Шевченко 1998, 1999, 2000; Безуглая 1999; Андриенко 1999; Ейгер, Шевченко 2000 и др.].

Данные направления теории речевых актов интегрируются с прагматикой, дискурсивным анализом, исследованиями диалога и коммуникации.

2.3. Лингвопрагматика

Понятие «прагматика» в современной науке рассматривается широко. Дж. Лич сравнил развитие прагматики с процессом колонизации, ставшим последней стадией постепенного перехода лингвистики от узкой дисциплины, изучающей физические данные речи, к более широкой, рассматривающей ее в единстве формы, значения и контекста [Цит. по: Дигоева 2000: 168]. Группа французских ученых объединяет под эгидой прагматики лингвистические аспекты коммуникации: семантику и синтаксис - и нелингвистические принципы реализации дискурса и контекста как референтной ситуации.

Нелингвистические аспекты должны, по их мнению, стать объектом анализа теории реализации (performance), а лингвистические ~ теории компетенции (competence), вобрав в себя психо- и социолингвистику [Moeschler et al. 1994: 35]. Такое широкое толкование прагматики способствует возникновению суждений о том, что «ни один исследователь... не возьмет на себя смелость заявить, что он знает, что является и что не является прагматическим в исследовании языка» [Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики 1984: 6].

Очевидной представляется тенденция современной прагматики к сближению с общей коммуникативной теорией, к обогащению ее данными других антропологических наук. Л.М. Минкин подчеркивает: «Развитие прагматики вышло за рамки интегрированного с семантикой и синтаксисом раздела общей семиотики; прагматика превратилась в общую теорию коммуникации, предполагающую, что интерпретация вербальной коммуникации будет неполной, если она базируется только на определенных фактах и высказываниях, которые известны партнерам по общению» [1998: 21].

В целях выявления предмета данной дисциплины следует обратиться к ее истокам и последующей интеграции с различными отраслями гуманитарного знания. Формирование **прагматики** (греч. pragma - дело, действие) как отрасли семиотики, изучающей отношение субъектов, воспринимающих и использующих в процессах коммуникации какую-либо знаковую систему к самой знаковой системе, происходило в непосредственной связи с теорией речевых актов [Anscombre, Ducrot 1988: 174], ибо общефилософской методологической основой обеих был позитивизм, а в начале XX века - неопозитивизм как феноменологические субъективно идеалистические учения. Ответвлением позитивизма стал прагматизм, возникший в 70-х годах XIX века в США, основоположник которого американский логик Ч. Пирс (1839-1914 г.г.) рассматривал мышление как средство приспособления индивида к среде в целях достижения им успеха, познавательные процессы - как орудие удовлетворения субъективных интересов индивида. Именно Ч. Пирс заложил основы прагматики, осознав важность взаимодействия субъектов практической и коммуникативной деятельности в процессе семиозиса. Если в европейской семиотике Ф. де Соссюра знаковый процесс рассматривался исходя из свойств самого знака *suī generis*, то в американской прагматике семиозис стал прежде всего коммуникативной деятельностью знакового средства и субъекта, воспринимающего знак. Ч. Пирс ввел триаду семиозиса: знаковое средство, обозначаемый объект и интерпретанту.

Интерпретантой он считал действие на интерпретатора в процессе семиозиса различных факторов - эмоций, логических рассуждений, поведения, энергетики и т.д. Это действие фиксировалось как значение, но особенное, только отнесенное к следствию, практическому результату, которые способствуют успешности, эффективности общения. Интерпретанта знака коренится в навыке, считал Ч. Пирс, подразумевая под навыком - способность реагировать под влиянием знакового средства на отсутствующий объект.

Соединение философии прагматизма Ч. Пирса с неопозитивизмом, в частности, с лингвистической философией (см. 2.2.) в рамках философии науки осуществил американский философ Ч.У. Моррис. Вслед за Ч. Пирсом и Л. Витгенштейном, своим современником, он рассматривал значение в неразрывной связи с условиями его употребления (контекстом, ситуацией, целями участников коммуникации и т.д.), обнаруживая тем самым и приверженность к бихевиоризму, ибо значение, по Ч. Моррису, сужалось до уровня эмпирического опыта индивида, его чувственного восприятия как реакции на стимул. Анализ ученым трех измерений языкового семиозиса: семантики, синтактики и прагматики [1983: 42] - стал основополагающим для **лингвистической** прагматики, рассматривающейся как отношение языковых знаков к их интерпретаторам. Хотя Ч. Моррис определял прагматику как раздел семиотики, и как ветвь философии языка, и как составную часть науки о сигнализации, он оперировал лингвистическим материалом в его отношении к коммуникативной деятельности интерпретатора. В отличие от Ч. Пирса, Ч. Моррис постулировал пятикомпонентную структуру семиозиса коммуникативной ситуации: знака, интерпретанты, интерпретатора, сигнификата и денотата [1983: 39]. Если семантика, по Ч. Моррису, обращалась к отношению знаков к десигнату, синтактика - к отношению знаков друг к другу, то прагматика рассматривала знаки в отношении интерпретаторам. По мнению Р. Монтегю, значимость данной теории Ч. Морриса в том, что внимание обращено и на тех, кто использует лингвистические выражения, и на возможные ситуации их использования [1981: 223].

Важным в семиотико-прагматической концепции Ч. Морриса представляется рассмотрение потенциальной интерсубъективности любого знака, как основного средства развития свободы личности и социальной интеграции [1983: 70-76]. Тем самым, в семиозисе реализуется интерактивность личностей на основе знаковых средств, что стало главным тезисом лингвопрагматики. «Интегрирующее действие человеческого начала приводит к тому, что автономность прагматики в ряду выделенной Ч. Моррисом триады (семантики, синтактики и прагматики - **Е.С.**) становится все более условной. Прагматика движется навстречу семантике, обогащая наши знания о смысловом и функциональном потенциале языковых единиц и преобразуя методы лингвистических исследований; составляющие триады наполняются специальным лингвистическим смыслом» [Ляпон 1986: 6].

Современная лингв. прагматика интегративна по своей природе, ибо прагматическое значение высказываний остается непонятым вне его информативного (семантического) содержания, которое зависит от грамматической (синтаксической структуры) [см. Минкин 1999: 6]. Лингвопрагматика - это одна из отраслей прагматики, лингвистическая дисциплина, изучающая использование и функционирование языковых знаков в речевой коммуникации во взаимосвязи с интерактивностью ее субъектов, их особенностями, интенциями, реакциями, самой ситуацией общения и т.д. [см. Штерн 1998: 250]. Применительно к тексту А.М. Пятигорский ориентировал сферу прагматики на исследование субъективной ситуации создания текста как единовременного акта поведения автора в соотнесенности с воспринимающим объектом, модель которого заложена субъектом автора [1962:144-154]. Тем самым, объектом лингвопрагматики являются языковые единицы, в смысловой структуре которых заложена эвристическая активность участников коммуникации. Прагмалингвистика сосредоточивает свое внимание на личностных факторах языкового общения, на их фокусировке в речевых средствах.

Наряду с лингвопрагматикой, направлениями прагматики являются **социопрагматика**, обратившаяся к проблемам социокультурного взаимодействия, «социолингвистического поведения индивида» [Schiffrin 1994]; и **когнитивная прагматика**, основные положения которой сформулировал Т. ван Дейк: «фундамент, на котором построены прагматические теории, является, с одной стороны, концептуальным, проявляющимся в общем анализе деятельности и взаимодействия, с другой, - эмпирическим (исследования психологических и социальных особенностей порождения и восприятия речи в процессе коммуникации)» [1989: 12].

Современная когнитивная прагматика, названная Дж. Кас-пером «метапрагматикой», пытается объяснить природу дискурса через фрагменты концептуальных систем коммуникантов, их сознания: модели ситуации, суперструктуры, установки, фреймы интерпретации, сценарии - и такие феномены когниции, как представления, желания, нормы, оценки, мнения, фоновые знания и т.д. Наряду с этим, когнитивная прагматика выявляет когнитивные фильтры дискурсивных имплицатур, через которые проходит информационный обмен коммуникантов.

Когнитивная прагматика сопрягается с положениями аналитической философии и функционально-истинностной семантики, в частности, с концепцией языковых структур истинностного знания (к примеру, пропозиции, или предикатно-аргументной структуры Г. Фреге), с теорией логического исчисления предикатов таких структур (А. Тарский), с положениями о точках референции (Р. Монтегю), о пресуп-позициях (Г. Фреге).

В последней трети XX века активизируются психолингвистические исследования в ракурсе **функциональной прагматики**. Ее основоположники И. Ребайн и К. Элих, ученики Д. Вун-дерлиха, создали свою школу, обратившуюся к изучению различных аспектов устной звучащей разговорной речи, ее экспериментальному исследованию под углом зрения социальных ситуаций, в которых она используется. Данная отрасль прагматики представляет собой теорию функционально-прагматического анализа дискурса, основывающуюся на концепциях К. Бюлера, традиционной лингвопрагматики, немецкой классической психологии. Объектом данной теории являются общественно выработанные образцы речевого поступка, которые входят в систематически организованную общую конфигурацию поведения, обладающую внутренней структурой [см. Протасова 1999: 142-143].

Представители этого направления пользуются собственным терминологическим и методическим аппаратом, но многие понятия близки теории речевых актов. Функциональная прагматика активно использует понятие «текст», рассматривая его как материализацию речевого поступка в общеречевой ситуации, наряду с соответствующим рецептивным действием слушающего, вовлекая тем самым в круг текстов устную репрезентацию. Основными результатами функциональной прагматики являются экспериментальные исследования дискурса различных типов (врач/пациент, учитель/ученик; детский, юридический и др. дискурс).

Современная функциональная прагматика интегрирует для изучения конкретной социально-речевой ситуации различные типы прагматик и потенциал психолингвистики. Диалог прагматики с различными отраслями знаний является объяснимым и закономерным, ибо речевое общение не может быть исследовано само по себе, оно предполагает вовлеченность прежде всего человеческого фактора, который является сложным многокомпонентным феноменом коммуникации.

Современная лингвопрагматика также не может быть ограничена только языком и речью, она неизбежно должна обращаться к психологическим, социальным, политическим, культурным и др. факторам коммуникативного взаимодействия. Спектр ее исследований чрезвычайно широк, а объем данного пособия не позволяет осветить все ее направления. Используя четыре исследовательских позиций данной отрасли, предложенные Н.Д. Арутюновой [1990: 390], перечислим лишь наиболее важные ее ориентиры.

С позиций говорящего (адресанта) лингвопрагматика исследует его мотивы, намерения, интенции, явные и скрытые, обуславливающие иллокутивный тип общения и манифестирующиеся в определенных речевых единицах, к примеру, в перформативах, Г.В. Эйгер и И.С. Шевченко рассматривают мотив как отправной момент формирования интенции речевых актов, то, что в отражаемой человеком реальности побуждает его к совер-

шению действий и поступков и направляет его речевую деятельность. Мотив определяет интенцию - желание добиться неречевого эффекта и произвести с этой целью определенные речевые действия [2000: 11-12].

Интенция обуславливает речевые стратегии адресанта и его речевую тактику. Проблема коммуникативных стратегий в прагмалингвистике имеет обширную литературу [см.:

Goffmann 1967; Lakoff 1973; Gumperz 1982; Leech 1983; Чхе-Тиами 1986; Brown, Levinson 1987; Дейк 1989; Wierzbicka 1991; Романов 1992; Радзлевська 1993; Yule 1996; Fernando 1996;

Caffi 1999; Ярхо 2000; Тарасова 2000 и др.]. Стратегии заложены не только в коммуникативной компетенции адресанта, но и в оценке им компетенции адресата, обуславливая тактику осуществления коммуникации, построения текста. Исследование и типологизация коммуникативных стратегий связана прежде всего с разработкой 1967 году Х. Грайсом четырех кооперативных принципов-максим речевого поведения адресанта [Grice 1975: 45-46].

Первый принцип - **количества**: 1) Сделай свое высказывание настолько информативным, насколько требуется; 2) Не делай свое высказывание более информативным, чем требуется. Дж. Грин [Green 1989: 89], объясняя этот принцип, подчеркивает, что вторая максима количества, возможно, не нужна, так как она сопрягается с максимой релевантности. Так считал и сам Х. Грайс. Однако, на наш взгляд, такая двойная максима количества необходима, и отсутствие ее при переводе (ср. «Твое высказывание должно быть достаточно информативным» [Штерн 1998: 144]) меняет суть принципа. Количество информации, передаваемое говорящим, должно соответствовать цели говорящего, пониманию им психологического, эмоционального, интеллектуального состояния своего собеседника, ибо перегруженность или недостаточность информации становится одним из факторов коммуникативного шума и может привести общение к **коммуникативному цейтноту**, т.е. условиям невозможности продолжения коммуникации. Несоблюдение этой максимы иллюстрирует Дж. Юл в книге «Прагматика» на примере такого сценария: женщина сидит на скамье в парке, большая собака лежит напротив на земле, мужчина подходит и садится на скамью.

Мужчина: *Ваша собака кусается?*

Женщина: *Нет.*

(Мужчина пытается погладить собаку. Собака кусает его).

Мужчина: *Ох! Вы же сказали, что ваша собака не кусается.*

Женщина: *Она не кусается. Но это не моя собака [Yule 1996: 36].*

Второй принцип - **качества**: твое сообщение должно быть правдиво [1. Не говори того, что ты считаешь неправдивым;

2. Не говори того, о чем у тебя нет адекватных данных). Передаваемая информация, считает Х. Грайс, должна быть качественной, т.е. правдивой и адекватной.

Третий принцип - **отношения**: Будь релевантным, говори в соответствии с темой общения.

Четвертый принцип - **манеры речи**: 1) Избегай неясных выражений; 2) Избегай двусмысленности; 3) Будь краток, из-

бегай ненужной избыточности; 4) Будь регламентированным. Д. Франк подчеркивает сходство Грайсовских принципов ко-операции с риторическими *virtutes elocutionis* (достоинствами слога): *aptum* - соразмерностью, упорядоченностью, адекватностью; *latinitas* - чистой латынью как языковой правильностью; *perspicuitas* - прозрачностью, очевидностью как ясностью или понятностью для слушающего; *ornatus* -украшательством как выражением, приятным для слушающего и т.д. [1986: 371]. С этими принципами исследовательница связывает оптимальную интерпретацию речи слушающим и прогнозирование этой интерпретации говорящим. Безусловно, лингвопрагматика в данном аспекте обращается к риторической проблематике, ибо в риторике значительное внимание уделяется образу оратора, от которого зависит во многом отношение аудитории, а также речевой тактике говорящего, строящейся с помощью двух видов средств: средств риторической психологии и риторической логики. Еще Аристотель в «Риторике» дал рекомендации для построения образа оратора и образа предмета речи. Современная неориторика непосредственно связывается с теорией и практикой коммуникации и имеет сугубо прагматическую ориентацию, исходящую из эффективности речи адресанта [Безменова 1984: 37-83]. Эффективность общения определяют также постулаты искренности и мотивированности [Гордон, Лакофф 1985], вежливости, сохранения лица [Leech 1983; Brown, Levinson 1987], рациональности, смягчения и т.д.

С позицией адресанта в современной лингвопрагматике связаны также проблемы косвенных смыслов высказываний (намек, иносказание); пресуппозиций и имплицатур говорящего, его характеристики как информационного, психологического, социального и т.д. феномена; его оценок собеседника и высказывания, соотносительности сообщаемого с действительностью и т.д.

Одним из прагматических аспектов позиции адресанта является рассмотрение его интерпретационной сущности. Т.М. Дридзе, выделяя две прагматики: прагматику коммуникатора и реципиента, - считает, что «коммуникатор, создающий текст, одновременно является интерпретатором как своего собственного текста, так и множества разнообразных текстов, толкуемых им в духе времени, ситуации, определенного языкового контекста, определенной языковой системы и т.д.» [1972: 35]. Интерпретационная сущность адресанта в том, что создавая текст, сообщение, он интерпретирует его в соответствии с прочитанным или услышанным, вступая в диалогические отношения с чужим словом.

Второй исследовательской позицией лингвопрагматики является адресат. Данная позиция обуславливает изучение перло-кутивного эффекта или реакции адресата, создание их типологии, анализ коммуникативной компетенции реципиента, знания им правил вывода косвенных и скрытых смыслов, пресуппозиций, эвристической активности интерпретатора и т.д. Фактор адресата является доминантой многих прагмалингвистических исследований, рассматривающих его как проявление индивидуально-конкретной, реальной сущности, наряду с лингвистической сущностью, обладающей достаточно высоким уровнем абстрактности, модельности (см. 4.1; 5.9). Прагмалингвистика связывает проблему адресата с понятием интерпретанта, которая рассматривается тройко: либо как непосредственно проявляющаяся интерпретация в ходе коммуникации, либо как воздействие текста на интерпретатора после осмысления, либо как воздействие, отразившееся на изменениях поведенческого навыка [Johansen 1986: 96].

Третья позиция лингвопрагматики - интерактивность коммуникантов - ориентирована на исследование форм речевого взаимодействия, его различных сторон: социальной, психологической, этикетной, личностной и т.д. Интерактивность, диалогичность имеет глубокие психологические и прагматические основания. Л.П. Якубинский подчеркивал естественную склонность человека к диалогу [1986: 33], противостоящую эгоцентризму, монологичности человеческого самовыражения. В связи с последним Н.В. Бардина утверждает: «Несмотря на содержательную эгоцентричность своего высказывания, говорящий определенным образом его социализирует. В результате монолог приобретает форму социальной игры в диалог» [1997: 88]. На наш взгляд, общение нельзя считать только игрой в диалог. Порождая речь, люди используют контактоустанавливающие элементы, стремятся проникнуть в психологию, цели «другого», что обусловлено собственными целями и диалогической этнокультурной ритуальной традицией [Розеншток-Хюсси 1994; Пигалев 1999]. Прагматическое стремление быть понятым трансформируется в когнитивную стратегию понять того, кто должен понять тебя. Перефразируя Л.Н. Толстого, можно сказать что разговора нет не только от эгоизма, но и от недостатка ума. Поэтому трудно согласиться с положением Н.В. Бардиной о диалоге как недостижимом идеале. Верно лишь то, что мы не можем абсолютно адекватно понять другого, но приложить все усилия для гармонизации своего и чужого сознания необходимо и можно, иначе всякое развитие науки, культуры и общества было бы поставлено под сомнение.

Одной из наиболее актуальных проблем современной лингвопрагматики в данном аспекте является изучение **митигации** (термин впервые введен в *Rhetorica ad Herennium* в 86-82 г.г. до н.э.). Митигация обозначает широкий спектр обусловленных метапрагматическими стимулами коммуникативных стратегий, позволяющих говорящему повысить эффективность своих речевых действий; одну из форм управления дискурсом [Тарасова 2000: 5]. Хотя митигацию приписывают говорящему, она осуществляется им только в интерактивном процессе в соотношении с адресатом, представляя собой коммуникативно-стратегическое приспособление их друг другу. К. Кэффи выделяет две функции митигации: инструментальную и эмоциональную, - первая обеспечивает успешность коммуникативных действий, вторая регулирует эмоциональную дистанцию и создает психологический комфорт в общении [Caffi 1999: 883].

Е.В. Тарасова на основе теории социопсихолингвистического взаимодействия как способности говорящего сознательно или бессознательно приспосабливаться к адресату, настраиваться на него, предлагает три категории такой «настройки»-стратегии: 1) речевую конвергенцию - уподобление речи адресанта и адресата или их взаимодополнение; 2) речевую дивергенцию - подчеркивание различий коммуникативного поведения; 3) поддержание коммуникативного равновесия - говорящий не изменяет своим речевым привычкам по той или иной причине [2000: 6]. Б. Фрейзер выделяет два типа митигации: эгоистическую (*self-serving*) и альтруистическую (*altruistic*): первая - в пользу адресанта, как бы избегание ответственности за коммуникацию, отстранение от нее (*Я говорю, но за это не отвечаю*); вторая - в пользу адресата, направлена на смягчение эффекта-высказывания для собеседника [Fraser 1980: 341].

Четвертая позиция лингвопрагматических исследований ориентирована на ситуацию общения. С этой целью анализируются проблемы референции высказываний, их пространственно-временной и др. дейксис, т.е. указание на время и место ситуации, причину, цель и т.п.; влияние коммуникативной ситуации на тематику и формы высказываний, контекстуальное влияние и т.д.

Данные исследовательские позиции, безусловно, не ограничивают круг интересов прагмалингвистики, тем более что

на современном этапе развития она обнаруживает ярко выраженные тенденции к интеграции с различными отраслями знаний и одновременно к собственной дифференциации.

Построение лингвистической теории текста и коммуникации невозможно без учета основных положений и ключевых понятий, позиций лингвопрагматики, ибо прагматический фактор является интегрирующим в «диалогическом» взаимодействии.

2.4. Психолингвистическая теория текста и коммуникации

Одним из аспектов психолингвистических исследований является анализ психоментальных процессов, сопровождающих порождение речевого высказывания, текста, сопутствующих протеканию коммуникации и обеспечивающих восприятие, понимание и интерпретацию речевого (текстового) продукта адресатом. Порождение и восприятие речи, текста в процессе коммуникативного взаимодействия являются двумя важнейшими проблемами психолингвистики. Однако эти процессы находятся в поле зрения и когнитивной лингвистики, речеактовых и прагматических теорий, поэтому при анализе данных процессов мы будем исходить из психолингвистического аспекта, учитывая разработку данных проблем в иных отраслях науки о языке и речи.

Сегодня психолингвистика и теория речевой деятельности воспринимаются в единстве, однако первая сформировалась в 50-х годах XX века в США и первоначально охватывала концептуально неоднородные направления психолингвистики США и Западной Европы, вторая же развивалась в СССР на основе концепции Л.С. Выготского (30-е годы XX века) в рамках Московской психологической школы и тяготеющих к ней региональных школ Советского Союза [подробнее см.: Сениаа-нова 1999:42-56].

Анализ **порождения текста** в современной европейской психолингвистике опирается на концепции мотивированности речи и фазово-ступенчатой природы речепорождения Л.С. Выготского и его последователей (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкин, Т.В. Ахутина, А.А. Леонтьев и др.), а также учитывает положение об интенциональности как свойстве любого акта сознания, используемое в феноменологии Э. Гуссерля и позднее в теории речевых актов и психолингвистике.

Уровень мотива является первым в деятельностных моделях порождения речи. Л.С. Выготский писал, что «порождение речи осуществляется от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредствованию ее во внутреннем слове, затем - в значении внешних слов и, наконец, в словах» [1956: 375].

Важным представляется разграничение мотива, установки и интенции (коммуникативной цели). Л.С. Выготский дифференцировал мотив и установку как «неясное желание» и «фиксированное отношение между мотивом и речью» [1982:163]. Мотив речепорождения формируется как неосознанное побуждение на грани его предосознания - установки. Если **мотив** - это «основная побудительная сила в психической деятельности, ...познавательная-эмоциональная психологическая система, выполняющая функцию регулятора поведения» [Дубров, Пушкин 1990: 58], то установка - это состояние, также предшествующее сознательным психическим процессам, но влияющее на их протекание, возникновение которого зависит от потребностей, действующих в данном организме и от объективных уровней удовлетворения этих потребностей [Узнадзе 1966]. Д.Н. Узнадзе отмечал наличие управляющей инстанции и в сфере мышления. Скорее, она ближе к тому, что Л.С. Выготский называл установкой, а Дж. Серль - интенцией. Если мотив - это психологический образ, гештальт будущего текста, а **установка** - это предосознанная готовность, предвосхищение коммуникативной деятельности, детерминированное такими факторами, как ситуация, адресат и т.д., и детерминирующая речевое действие, манеру поведения, то **интенция** - это проверенное осознанное когнитивное намерение речи, влияющее на пропозициональный компонент внутренней программы речи, избрание стиля, способа осуществления программы, общего плана текста. Дж. Серль в интенции усматривал «главную составляющую сознания и то свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положения дел внешнего мира» [1987: 96]. А.А. Леонтьев также отмечал, что «каждое речевое действие имеет особую промежуточную цель, подчиненную цели акта деятельности, в который он входит, и побуждаемую общим для этого акта деятельности мотивом» [1999: 63]. В концепции Т.В. Ахутиной [1989] вторым этапом рече-порождения является движение от мотива к мысли (речевой интенции), тем самым данные понятия разведены. В речеактовой модели И.С. Шевченко отправным служит интенци-ональный аспект, включенный в антропоцентрический блок [1998: 43], мотив же исключен из модели, но определяет ее интенцию. Как отмечают Г.В. Эйгер и И.С. Шевченко, структура интенции включает в себя такие компоненты: 1) формирующееся на основе того или иного мотива осознанное намерение, желание добиться определенного неречевого эффекта; 2) необходимость произвести определенные речевые действия для достижения намеченной цели; 3) конкретную мотивировку речевого действия как непосредственный «толчок», побуждение к совершению интендируемого речевого акта [2000: 12].

Применительно к порождению текста мотивом может быть неосознанное стремление к созданию новой теории, информированию, эмоционально-психологическому воздействию, воспитанию, влиянию и т.д. В.П. Белянин считает, что мотив создания текста может выходить и за пределы реально существующей ситуации и отражать разнообразные представления автора текста о затекстовой ситуации [1988: 18]. Установка (цель) направляет эти мотивы в конкретную дискурсивную ситуацию, интенция же выступает непосредственно осознанной речекоммуникативной целью, предвещающей создание текста и обуславливающей стратегическую программу формирования целостного текста или высказывания. Н.Ф. Непийвода справедливо подчеркивает: «Коммуникативной цели подчиняются все другие параметры текста, в том числе коммуникативная стратегия. Коммуникативная стратегия - это тот «план действий», употребляемый автором для достижения своей цели» [1997: 87]. При этом учитываются факторы последовательности размещения смысловых частей, их языкового оформления, ориентации на общий или сходный запас фоновых знаний, на одинаковые или сходные ценностные установки, выбор речевого жанра и т.д. Стратегичность речи обусловлена особенностями адресатов и учитывает их возможные типы реагирования. Исходя из этого, когнитологи делают вывод о том, что порождение речи - результат взаимодействия стратегий с тематической структурой текста на фоне презумпций говорящего об аудитории [см. Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 129].

Интенция и стратегии обуславливают формирование ментальной структуры текста - **замысла** будущей его схемы [Лурия 1975: 61]. Е.С. Кубрякова считает, что в формировании замысла огромную роль играют процессы мышления с их предметным содержанием, в отличие от формирования мотива, обусловленного человеческими эмоциями [Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи 1991: 50]. Понятие замысла целого текста в психолингвистике было

транспонировано Н.И. Жинкиным [1958; 1982]. С его точки зрения, содержательный аспект текста в виде иерархии подтем и субподтем (предикаций разного уровня) предполагает при своей реализации ориентацию на адресата коммуникации и, в частности, наличие у этого последнего некоторых знаний, общих с говорящим, не выраженных в тексте и «домысливаемых» адресатом. Н.И. Жинкин отождествляет замысел с мыслью в понимании Л.С. Выготского.

Замысел является когнитивной основой **внутреннего программирования** - следующего этапа текstopорождения: формирующаяся мысль разбивается на отдельные составляющие, препарируется соответственно структуре будущего высказывания. Это этап подготовки мысли к объективации, этап начинающейся речемыслительной деятельности, связанный с поиском схемы будущего высказывания и его языкового типа [Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи 1991: 5].

В основе внутреннего программирования лежат, по мнению А.Р. Лурия [1975: 38], схемы семантической записи с ее потенциальными связями и глубинно-синтаксические структуры, как они рассматриваются у И.А. Мельчука и А.К. Жолковского в порождающей модели «Смысл <-> Текст» [Мельчук 1974; 1995]. В изложении А.А. Леонтьева, внутреннее программирование представляет собой упорядоченную иерархию пропозиций нелинейного характера [1999: 114]. По Н.И. Жинкину, кодом внутреннего программирования является предметно-схемный или предметно-изобразительный код. И.А. Зимняя подчеркивает: «В процессе говорения смыслообразующий уровень выявляется в образовании коммуникативного смысла и коммуникативного намерения, реализующихся в замысле собственного высказывания и затем развертывающегося в его программу» [1985: 7].

В психолингвистике принято расчленять процесс порождения речи на этапы, уровни, стадии, однако при этом считается, что такое разграничение условно и служит лишь процедурой анализа явления. В действительности же этапы процесса порождения реализуются параллельно, путем взаимодействия всех компонентов сознания адресанта: мышления, чувствований, ощущений, интуиции и трансценденции [Юнг 1996]. Мышление является лишь одной из сфер активации сознания при порождении речи, текста [см. Налимов 1984; 1989; 1993; Бахтияров 1997: 12]. В интуитивизме (А. Бергсон) в качестве бессознательного стимула творчества анализируется интуиция как высшая форма познания, а в эстетике персонализма (Э. Мунье, П. Рикер, П. Тибо, О. Монжен и др.) таким стимулом считается трансценденция - вдохновение автора религиозным идеалом, его личностным отношением к богу.

Кроме того, в продуцировании речи, текста участвует такой граничный компонент сознания, как коллективное бессознательное, архетипы которого рефлексируют в феноменах культуры, мифах, литературе, языковой системе. А.А. Залевская, рассматривая процессы понимания текста, пишет: «Сознание человека существует только в сочетании с неосознаваемым при постоянном взаимодействии перцептивного и когнитивного, когнитивного и аффективного, вербального и невербального, континуального и дискретного, как и многих других аспектов психической деятельности индивида» [1992: 26]. К.Г. Юнг в 1919 г. ввел понятие архетипа, извлекая его из античных философских традиций (Филон Иудей, Ириней, Дионисий Ареопагит) как гипотетическое, несозерцаемое наследуемое психологическое свойство, которое, переходя в сферу сознания, перестает быть рефлексом бессознательного и архетипом. В 30-е годы XX века Л.С. Выготский высказал перспективный и важный тезис о неизменности коллективного бессознательного и его фиксации в виде языковых «следов», в частности в художественном творчестве. Архетипы бессознательного «проявляются лишь в творчески оформленном материале в качестве регулирующих принципов его формирования, иначе говоря, мы способны реконструировать изначальную основу прообраза лишь путем обратного заключения от законченного произведения искусства к его истокам» [Юнг 1991: 283].

О существовании бессознательного знали, начиная с Гегеля, а в XX веке структурализм приложил усилия к тому, чтобы показать, что бессознательное, будучи областью стихийно протекающего, иррационального опыта, тем не менее представляет собой систему регулярных зависимостей, подчиненных определенным правилам, и вполне поддается рациональному анализу. Считается, что бессознательное структурировано в соответствии с теми законами, которые управляют естественными языками, именно поэтому язык становится в XX веке привилегированным полем антропологических (К. Леви-Стросс), культурологических (М. Фуко), психологических (Ж. Лакан) исследований [см. Барт 1994: 20]. Реконструированию архетипов бессознательного на основе языка посвящены работы К. Леви-Стросса. Выявление архетипов, по его мнению, «позволяет понять огромное количество образов мифологического мышления, которые до сих пор отбрасываются как абсурдные и бессодержательные» [Лев1-Строс 1996: 350].

В психоэстетике (Р. Богранд, Х. Блум, Н. Холэнд, М. Гримод и др.), основывающейся на фрейдизме и структурном психоанализе Ж. Лакана и воспринимающейся нередко как конгломерат когнитивной психологии и психоанализа, используются модели толкования поэтических текстов, исходящие из участия бессознательных процессов в художественном творчестве (к примеру, модель аналогии (отражение эдипова комплекса в тексте); медицинская модель, рассматривающая влияние болезненного расщепления психики, патологии на порождение текстов и т.д.)

[см. Блум 1998].

Вторжение бессознательного, бесспорно, происходит на до-вербальном этапе, демонстрируя неожиданные рефлексy на последующем, лингвистическом этапе. Этому множество свидетельств в исследованиях текста и отдельных его фрагментов (А.Н. Веселовский, Дж. Фрезер, Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров, Дж. Кэмпбелл, И. Фрай и др.).

Порождение текста/высказывания задействует два интегрированных нейрофизиологических механизма: сознательную психическую деятельность и автоматически бессознательную. Бессознательная деятельность использует уже готовые формулы, клише, закрепленные в памяти адресанта, некие стереотипы речевой деятельности. Н.Ф. Непийвода подчеркивает: «Автор произведения беспокоится прежде всего о том, чтобы адекватно передать информацию - организовать основной текст. Метатекст (вспомогательный текст) формируется автоматически, на уровне подсознания» [1997: Юб].

Сознательная и бессознательная деятельность адресанта, поддерживаемая интенцией, на этапе внутреннего программирования, планирования и упорядочения концептуального содержания [Patten 1988: 2] обуславливает процесс выбора (коагуляции как коммуникативного взвешивания [Schlesinger 1971]) в структуре мышления пакетов информации досимволических единиц, которые станут коммуникативным центром высказываний.

При создании целостного текста на этапе внутреннего программирования из языковой компетенции и дискурсивного со-чания адресанта извлекаются прототипический образец-текст--е дискурсивный коррелят - речевой жанр. В соответствии с законами жанра, интенцией и стратегией на этапе перехода к внешней речи когнитивная схема получает реальное языковое оформление. Исходя из концепции И. Шлезингера и Х. Хормана, коагуляция актуализирует протовербальные ком-

поненты с приложенными к ним четырьмя правилами реализации: 1) реляционным, приписывающим каждому протовербальному элементу грамматические и фонологические характеристики; 2) лексикализацией, выбирающей нужные лексемы; 3) согласованием; 4) интонационными правилами [Schlesinger 1971; Hoermann 1981].

В зависимости от типа речевого жанра, стратегической программы адресанта, обусловленной адресатом и ситуацией общения, одна и та же информация может иметь разную вербальную кодировку. При порождении письменных текстов осуществляется дополнительная осознанная корректировка их вербального плана (редактирование).

Переход от внутреннего программирования к внешней речи (тексту) осуществляется на этапе речи при переводе программы на объективный код на основе координации и интеграции всех языковых уровней [Норман 1978: 48-49; Schwarz 1992] с учетом механизма контроля [Рубинштейн 1959]: дискурсивного контекста, рекурсивных связей, установок, интенций и т.п.

Проблема восприятия текста рассматривается в психолингвистике в связи с его порождением, ибо процессы, протекающие при восприятии, считаются в целом конверсивными процессам текстопроизводства. Однако здесь не может быть полного соответствия, подобного тому, что постулируется Э. Лен-небергом: «механизм понимания в своей основе не различается с механизмом планирования высказывания при его продуцировании» [Lenneberg 1967: 106], ибо если при порождении говорящий базируется на собственных представлениях и понятиях, не отрицая также «голоса чужих» (по М.М. Бахтину) и ориентируясь на фактор адресата, то при восприятии сознанию реципиента в большей мере навязывается чужое сознание, хотя интерпретация, безусловно, имеет свободу вариативности.

Важным для анализа проблемы восприятия текста нам представляется учет двух моментов. *Первый* связан с обязательной нетождественностью порождаемого и воспринимаемого смыслов текста, а нередко, наряду с этим, и с неотождественностью авторского замысла и порождаемого смысла текста, который, отчуждаясь от автора, обладает иным содержанием. В герменевтике и философии Ф. Шлейермахер, Э. Гуссерль, Г.-Г. Гадамер не разграничивали авторское и адресатное сознание, требуя понимать автора лучше, чем он сам себя понимал. В структуралистской текстологии длительное время существовала теория понимания текста как дублирующего отражения в сознании читателя замысла автора. Б.В. Томашевский, отрицая возможность ориентации на конкретную психологию случайного читателя-индивида, отстаивал понятие идеального читателя [1928: 138], который был бы зеркальным отражением автора. Концепция пассивного понимания, замкнутого в языке, лежала в основе европейской лингвистической семантики середины 50-х годов, что обусловлено использованием гумбольдтовских положений о том, что процесс выражения мысли и понимание есть различные действия одной и той же языковой силы [Гумбольдт 1984: 77]. М. Хайдеггер также считал, что человек отвечает не на речь других субъектов, а на сказ самого языка, говорит сам язык, а мы лишь прислушиваемся к говорящему бытию, давая сказать его сказу [Онтологическая проблематика языка в современной западной философии 1975: 16].

Альтернативной данным теориям была диалогическая концепция М.М. Бахтина, опирающаяся в том числе и на суждения А.А. Потебни и его последователей. Так, А.А. Потебня считал, что передать мысль можно только тому, кто готов ее воспринять, так как язык только возбуждает умственную деятельность человека, который, понимая, что ему говорят, думает своей собственной мыслью, формирует мысль из своего собственного материала [1993: 95]. Считая язык медиумом личности (автора), М.М. Бахтин подчеркивал: «Понимание не повторяет, не дублирует говорящего, оно создает свое представление, свое содержание, и говорящий и понимающий вовсе не остаются каждый в своем собственном мире; напротив, они сходятся в новом, третьем мире, мире общения, они обращаются друг к другу, вступают в активные диалогические отношения» [1996: 209]. Положение о третьем мире при отрицании тавтологичности, дублированности понимания у М.М. Бахтина является нечетким и, очевидно, подразумевает некоего абсолютного Другого наднад-ресата - Бога, судии в последней инстанции. Однако третьим может быть и сам отчужденный текст, создающий собственные психоментальные стратегии понимания.

Второй момент проблемы связан с разграничением этапов восприятия текста: собственно восприятия, понимания и интерпретации. Наличие такого разграничения является предметом дискуссии в истории герменевтики. Философы по-разному оценивали понимание и объяснение, то отождествляя, то дифференцируя их (см. 2.6). В современной психолингвистической теории текста восприятие понимается широко, одновременно употребляясь в узком значении собственно восприятия как сенсомоторного опознания слов, их значений, содержания предложений, сверхфразовых единств, формирования представлений. А.А. Потебня подчеркивал:

«воспринять - еще не означает понять», такой же мысли придерживался и И.И. Жинкин [1982: 78].

Собственно восприятие сменяется пониманием - воссозданием концепта текста, осознанием авторских и текстовых стратегий, «последовательным изменением структуры воссоздаваемой в сознании ситуации и процесса перемещения мыслительного центра ситуации от одного элемента к другому, созданием некой картины общего смысла текста» [Брудный 1975; Зимняя 1976: 33], внутренней программы речевого общения [Леонтьев 1999: 134]. Г.И. Богин рассматривает понимание широко и расчленение, выделяя его типы: «понимание семантизирующее, т.е. приписывающее знаку некоторый референт; понимание когнитивное, позволяющее увидеть связи и отношения в кругу множества референтов; понимание распрямляющее, позволяющее восстановить системомыследеятельностную ситуацию и мир смыслов продуцентов текста» [1999: 7]. Такое рассмотрение понимания предполагает и стадию собственно восприятия как первого этапа понимания.

Конечным результатом понимания является интерпретация как перевод понятого содержания и концепта в словесно-знаковую форму интерпретатором, как высказанную рефлексию [Богин 1999: 10]. А.А. Леонтьев определяет подобным образом понимание: «это процесс перевода смысла этого текста в любую другую форму его закрепления, например, реферат, аннотация, резюме» [1999: 141]. Изданного определения неясно, кто является адресантом сжатого текста: читатель или автор исходного текста. Интерпретация художественного текста рассматривается В.А. Кухаренко в монологическом ключе как освоение идейно-эстетической, смысловой и эмоциональной информации художественного произведения, осуществляемое путем воссоздания авторского видения и познания действительности [1988: 6], однако далее она указывает на зависимость различий в интерпретации от ряда факторов: личной таблицы знаний, тезауруса, психологии и других свойств индивидуального читателя [1988: 7]. Следует подчеркнуть, что среди факторов, детерминирующих интерпретацию, должен рассматриваться и сам текст, и авторский замысел, допускающий свободно-вариативную интерпретацию.

Таким образом, проблема восприятия текста имеет три аспекта анализа и рассматривается нередко

дифференцирование.

Первый этап - **собственно восприятие** - базируется на оппозиции в психолингвистике двух теорий восприятия речи:

моторной, опирающейся на формирование нового перцептивного образа, и **сенсорной**, исходящей из использования наличествующего в памяти слушающего эталона [Леонтьев 1999: 127-131]. Дискуссионным является также вопрос об эталоне: им считают фонему, морфему и слово, склоняясь все больше к слов-ному компоненту. Наиболее оптимальной и подтвержденной экспериментальными данными, по мнению Р.Л. Солсо [1996:

327], является модель **логогена** Дж. Мортон и Д. Бродбента - суммирующего устройства, аккумулирующего при восприятии информацию, поступающую от речевых сигналов, содержащуюся в контексте, и образ слова, хранящийся в долговременной памяти. В когнитивной психологии вводится понятие **фильтра**, просеивающего информацию, пропускающего существенную и блокирующего несущественную, причем экспериментально установлено, что этот фильтр действует на этапе восприятия как физических, так и содержательных характеристик информации [Broadbent 1958; Найссер 1981]. **Автономные** модели восприятия, ориентированные только на слово независимо от знаний о мире и прочих факторов, уступают место более перспективным **интерактивным** моделям, которые рассматривают протекание операций по принципу bottom-up and top-down (снизу вверх и сверху вниз): все уровни восприятия постоянно взаимодействуют, причем активное участие в процессе принимают контекст и фоновые знания [Schwarz 1992: 148-162]. Собственно восприятие не является когнитивным процессом воссоздания смыслов, а лишь апперцепцией семантического содержания высказываний, результатом которой является формирование представления.

В отличие от собственно восприятия, **понимание** - когнитивная операция «усвоения внутренней, глубокой системы подтекстов или смыслов» [Лурия 1979: 249], перевода натурального языка на внутренний [Жинкин 1982: 37]. «Оперируя с текстами по нормам коммуникации, присущим определенной культуре, субъект присваивает этот опыт, внедряет его в собственное сознание. Тем самым он понимает текст» [Антипов 1989: 17]. Понимание текста связано с соблюдением ряда условий формирования концепта текста и целевой схемы [Kintsch 1979; 1984]. *Первым* является сканирование воспринятой информации в памяти адресата. А.А. Брудный характеризует этот процесс так: «Читаемый текст как бы монтируется в сознании из последовательно сменяющих друг друга отрезков, относительно законченных в смысловом отношении» [1976]. Ученый представляет понимание в виде смыкающей модели, которая интегрирует то, что происходит в тексте и в сознании читателя [1998: 162]. Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн описывают сканирование, исходя из концепции герменевтического круга М. Флациуса, как челночную операцию восприятия - от части к целому и от целого к части, которая осуществляется одновременно [1991: 154]. Г.П. Щедровицкий [1987] предлагает технику понимания также на основе герменевтического круга - одновременной фиксации рефлексии во всех поясах системомыследеятельности. Г.И. Богин называет эту технику современным пониманием герменевтического круга как перевыражения фиксации пробужденной рефлексии, которое идет по кругу, соединяющему точки фиксации [1999: 8-12]. *Вторым* условием понимания служит соотнесение информации со знаниями в языке (речевыми жанрами или схемами суперструктур, метатекстом, клишированными структурами, существующими, по мнению С.А. Васильева, на нейролингвистическом уровне, через призму которых воспринимаются тексты и события [1988: 172]).

Жанроопределение считается одной из техник понимания в герменевтике. В психолингвистике опознание стереотипов в тексте рассматривается в ракурсе установки, которая обеспечивает инерционность восприятия и возможную игру с ожиданиями в целях обновления эстетических чувств и установок.

Третье условие - соотнесение воспринятого с собственным опытом адресата, его типовой программой ситуации и языковым кодом этой ситуации, фоновыми знаниями, т.е. общими для автора и адресата знаниями о предмете обсуждения [Серль 1986: 197; ван Дейк 1989: 55], что позволяет декодировать текстовые импликатуры и пресуппозиции, подтекст. Это условие определяет рефлексивность понимания, ибо задействует «рефлексивную реальность реципиента таким способом, который позволяет перевыразить осваиваемую текстовую ситуацию в тех следах уже пережитых онтологических картин, которые хранятся в его рефлексивной реальности» [Богин 1999: 7]. В психологии такая рефлексия адресата получила название **эмпатии** как вчувствования (термин введен американским психологом Э. Титченсом в 1909 г.). Эмпатия предполагает зависимость успешности понимания от возможности для реципиента найти в тексте отражение себя самого, своей жизни, опыта (Р.Г. Лотце, Т. Липпе). Причем, по Л.С. Выготскому, вчувствование задействует сознательные и подсознательные механизмы реципиента.

Четвертое условие - соотнесение воспринятого со знаниями адресата об адресанте, социо-культурной ситуации создания текста и т.д. *Пятое* - выведение основного концепта-макропропозиции на основе тематических выражений или тематически ключевых слов, терминов, макроконнкторов {но, однако, напротив, более того и т.д.) [ван Дейк 1989: 59-60]. Лингвисты и психологи описывают данное условие как мыслительную операцию конденсации, смыслового сжатия [Жинкин 1982: 143] на основе коагуляции - высвечивания одной информации и редуцирования другой. Процессы редукции (компрессии) текста до уровня линейного минитекста - набора ключевых слов, по мнению Л.Н. Мурзина и А.С. Штерн, отображают предикативную смысловую организацию исходного текста и обусловлены нейрофизиологически как процесс запоминания в новой импульсной перекодировке [1991: 34]. Сукцессивный перцептивный процесс преобразуется в симультанный образ, информация конденсируется, то, что воспринималось последовательно, трансформируется в одновременную целостную мыслительную картину [Ломов, Беляева, Носуленко 1986: 8].

Конечным результатом понимания является приобретение сознанием адресата психокогнитивной модели текста, безусловно, неотожествимой с психокогнитивной моделью текста у адресанта. «Любая попытка стать на место другого, «влезть в чужую шкуру» может быть встречена скептическим английским *If A-were a horse... {Будь я лошадью}* [Ан-типов 1989: 19], но это не означает, что чужого вовсе нельзя понять, его можно стремиться понять и тогда понимание наиболее оптимально.

Исходя из герменевтических традиций, понимание рассматривается также как реконструкция смысла текста с опорой на **интерпретационную гипотезу** (Э. Бетти). Возникая в сознании адресата по мере продвижения по тексту, гипотезы разрешаются лишь по окончании чтения, слушания и обуславливают рекурсивный характер понимания, т.е. возврат к уже воспринятому ранее (ср.: теорию гипотез Ф. Шлейер-махера). В модели восприятия текста И.А. Зимней также используется тезис о вероятностном прогнозировании при раскрытии предметного содержания чужой речи через анализ всей иерархии смысловых связей высказывания... и последующий пространственный синтез всех предварительных решений

[Зимняя 1973]. Ю.Н. Караулов выделяет в смысловом осознании текста четыре фазы: смысловое прогнозирование, вербальное сличение, установление смысловых связей и смыслоформирование [1987: 51]. В психолингвистике прогнозирование рассматривается как **антиципация** (термин введен в психологию В. Вундтом) - опережение представлений, предвидение дальнейшего содержания, ибо читатель ожидает в дальнейшем того, чего хочет сам. Если его ожидания обмануты, то это можно объяснить либо неподготовленностью читателя, несовпадением фоновых знаний, либо авторской стратегией (эффект обманутого ожидания).

В научной коммуникации, в отличие от художественной, прогнозирование соотносится с особым типом **верификации** - оценкой текста по шкале «истинность/ложность», имеющей градуальный характер: спектр читательских оценок колеблется от полного и безоговорочного согласия, через частичное согласие до категорического несогласия, вплоть до квалификации сообщения как лженаучного [Колегаева 1991: 34-35].

Результаты понимания фиксируются в процессе **интерпретации** - собственно читательской или адресатной вербализации воспринятого и понятого. А.А. Леонтьев подчеркивает:

«Вообще понятно то, что может быть иначе выражено» [1999: 142]. Ученый вводит термин «образ содержания текста» как итог, конечный результат понимания. Когнитивная схема текста в сознании адресата и есть этот образ, но интерпретация предполагает лингвистическую репрезентацию этого образа исходя из сознания воспринимающего текст: его ментального лексикона - знаний о языке и в языке; оценок, интуиции, чувствований, ощущений, образов и т.д. П. Рикер разграничивает понимание и интерпретацию как процессы проникновения в другое сознание (первое) и понимания, направленного на зафиксированные в письменной форме языковые знаки (второе) [1995: 4]. И понимание, и интерпретация

как перевыражение отражают в сознании реципиента рефлексии рефлексии чужого сознания, но не само сознание. Реципиент строит собственный модельный мир понятого для чего используется внутренние психомыслительные ресурсы адресата в проекции на чужое сознание автора. Сущность интерпретации справедливо усматривают в установлении и/или поддержании гармонии в мире интерпретатора, что может выражаться в осознании свойств контекста речи и в помещении результатов такого осознания в пространство внутреннего мира интерпретатора [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 31].

Создание нового текста о тексте как интерпретация может иметь различный характер в зависимости от целей интерпретатора и интенций самого текста. Мы выделяем такие виды интерпретации: 1) пересказ (изложение), т.е. подробное или менее подробное формирование с помощью языка текста о тексте (пересказ книги, фильма, беседы, полный и подробный конспект и т.д.); 2) резюмирование (аннотирование) - сжатое изложение концепта или основной темы исходного текста; 3) анализ - разбор текста с различных позиций (например, лингвистический, филологический, философский, исторический, логический, культурологический анализ текста); 4) диалог - использование исходного текста как опоры для создания собственного (нового) текста адресатом, который становится адресантом и вступает в диалогические отношения с чужим текстом, цитируя его, используя его основные идеи, понятия, термины и т.п.; 5) перевод как перенесение в инокультурное сознание на ином языке собственной интерпретации переводчиком оригинального текста.

Повышение степени свободы интерпретации заложено в амбивалентности самого текста, его текстеме, в них же заложен и предел степеней свободы, ограничивающий меру понимания и интерпретации текста.

2.5. Паралингвистика

Как уже отмечалось, вербальная коммуникация невозможна в чистом виде: «как бы ни были важны вербальные средства общения, реальный процесс взаимодействия личностей включает также и средства невербальные» [Чанышева 1984:

3]. По подсчетам О.Я. Гойхман и Т.М. Надеиной, коммуникативное взаимодействие осуществляется на 60-80% за счет невербальных средств, и только на 20-40% за счет вербальных [1997: 4]. Сопровождающие речь, текстовую коммуникацию средства названы **паравербальными**, или паралингвистическими (от греч. яра - около), а раздел лингвистики, изучающий типы, функции данных средств и их связь с вербальной сферой общения, - **паралингвистикой**.

Данный термин впервые был применен в 40-х годах XX века американским лингвистом А. Хиллом, хотя еще в XVIII веке некоторые аспекты современной паралингвистики были затронуты в трудах французского философа Э. Кондильяка, выдвинувшего идею первичности языка жестов и аналогии с ними звуков человеческого языка. В XIX веке функции жестов и мимики стали объектом изучения Ч. Дарвина и В. Вундта.

Становление паралингвистики как самостоятельной дисциплины произошло в 50-60-х годах XX века в рамках американского неогумбольдтианства и антропологической лингвистики (Э. Сепир, Дж. Боллинджер, А. Хилл, Р. Холл, А. Браун, Дж. Трэгс и др.). В европейской лингвистике проблема паравербальных средств рассматривалась в работах Ш. Балли, включавшего в состав актуализаторов - средств превращения языка в речь - неарти-кулированные знаки, жесты, мимику и т.п.; и представителей Пражского лингвистического кружка. В советском языкознании еще в 30-е годы проводились экспериментальные исследования по экстраординарной фонетике (Н.В. Юшманов), которые стали основой для дальнейших паралингвистических разработок. Е.Д. Поливанов приблизительно в это время исследовал мелодику и жесты в речевом процессе, считая, что они подлежат ведению лингвистики. Л.В. Щерба в последней своей работе указал на одну из задач лингвистики - изучение языка жестов. С 60-х годов паралингвистические проблемы рассматривались в работах психологов, текстологов, лингвистов (Б.А. Успенский, И.Н. Горелов, А.А. Леонтьев, Т.М. Николаева, Г.В. Колшанский, В.Д. Девкин, 3.3. Чанышева, К.У. Геворкян, Л.И. Маевская и др.).

Паралингвистические средства являются составляющей речевого действия, наряду с речевым актом, и выполняют важнейшую контактоустанавливающую функцию. Р.К. Потапова [1998: 3] рассматривает речевую коммуникацию как цепочку состояний, в которой производство, прием и передача вербального сообщения являются лишь частью процесса коммуникации в целом. Подчеркивая огромную роль паралингвистических средств в процессе общения, американский социолог Т. Шибутани приводит любопытный пример. К числу симптомов одного из нервно-мышечных заболеваний - болезни Паркинсона - относится так называемое «масковидное лицо», лишенное способности к мимике, а также отсутствие в речи голосовых модуляций. Хотя в интеллектуальном отношении страдающие этой болезнью вполне нормальны и могут поддерживать беседу на любую тему, врачи и сиделки часто жалуются на чувство неуверенности, возникающее у них при общении с такими пациентами [цит. по: Панов 1983: 218].

Одной из проблем современной паралингвистики является систематизация и типологизация паравербальных средств, хотя общепризнанным фактом является отсутствие системности данных средств: «Паралингвистические средства никогда не

образовывали систему в том же смысле, в каком ее образует естественный язык» [Николаева, Успенский 1966]. Однако ученые пытаются обосновать их системную уровневую природу и вычленили единицу. В качестве такой единицы используются **кинема**, **кине** или **кинеморф** (Р. Бэрдуистел), формирующие систему, коррелируя непосредственно с речевыми сегментами. «Системность паравербальных средств, - подчеркивает Г.В. Колшанский, - возможна только в соотношении с языком, и объединить их можно только по функции в речи, а не по материальному статусу» [1974]. Стремление лингвистов систематизировать кинемы связано с аналогией системности в языках жестов (или **параязыках**), которые не являются паралингвистическими средствами, а формируют самостоятельные семиотические системы, план выражения которых строится на жестикуляторно-мимической основе (параязыки Америки, Африки, Австралии, Океании и др.).

Минимальной знаковой единицей параязыков является **хе-рема** (от греч. *heir, heiros* - рука), т.е. жест. Число херем сравнимо с числом фонем. Так, в амслене 55 херем, в шведских жестовых языках глухих - 64, в южно-французских - 53 [Беликов 1990: 153]. Параязыки характеризуются своей грамматической категориальной системой, не изоморфной системе национального языка (так, в языке глухих США прилагательное - подкласс предикатов, а не имен, в глаголе выражено число объекта, в том числе двойственное) и т.д. Вспомогательным для параязыка жестов является мимический компонент (взгляд, движение тела и т.д.), функции которых шире, чем функции паравербальных средств звукового языка [Зайцева, Фрумкина 1981] (например, мимические наречия, дейксис, отрицание, вопросы и т.д.).

Проблема типологии паралингвистических средств рассматривается на основе разграничения устного, письменного или печатного характера вербальной коммуникации, что предполагает противопоставление *непосредственных* и *опосредованных* кинем: первые сопутствуют устной речи, непосредственному контакту с говорящим, вторые существуют в письменном и печатном тексте как знаковые маркеры контакта читателя с текстом (см. работы Ла Барра, Н.В. Нака-шидзе, Г.В. Стариковой, А.В. Филиппова и др.). К.У. Геворкян разграничивает кинемы трех типов: нормы (жесты), мимику (микрожесты) и телодвижения (макрожесты) [1991: 78].

Кинемы непосредственного взаимодействия в свою очередь можно подразделить на фонационные (тембр, темп, пауза, тон, мелодика, высота, сила, громкость, индивидуальные особенности произношения, характер дыхания и т.д.); мануальные (жесты), мимические (движения мышц лица), пантомимические (движения тела, головы, ног), ситуационные (зрительные ощущения собеседником цвета кожи, одежды, общей манеры поведения говорящего). Последний тип кинем практически не исследовался, ибо традиционная классификация кинем исчерпывается тремя компонентами: фонацией, кинесикой и графическими средствами в тексте [Николаева, Успенский 1966; Колшанский 1974].

Однако ситуационные кинемы важны в процессе устной коммуникации и нередко становятся главными факторами ее эффективности. Этот момент удачно обыгрывает А. де Сент-Экзюпери в «Маленьком принце», где одежда говорящего служит средством то коммуникативного провала, то удачи:

«У меня есть веские основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется астероид Б-612. Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но ему никто не поверил, а все потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые!

К счастью для репутации астероида Б-612, турецкий султан велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье. В 1920 году тот астроном снова доложил о своем открытии. На этот раз он был одет по последней моде - и все с ним согласилось».

Манера речевого поведения, социально, этнически и культурно обусловленная, сопровождающая коммуникативное воздействие и опосредующая интерактивность коммуникантов, названа речевым этикетом.

«Глубокий смысл имеет вежливость, с помощью которой мы подчеркиваем взаимный интерес» [Почепцов 1987: 33]. Этикетная вежливость передается не только вербально, но и предречевым коммуникативным признаком, показателем готовности к коммуникативному акту. Этикетными паравербальными характеристиками являются дистанция собеседников, модуляция речи, их расположение, движение по отношению друг к другу (вставание, приподнимание шляпы, поцелуй руки и т.д.). Так, старинный обычай предписывает членам ингушской семьи располагаться в определенном порядке: в центре первой линии - глава семьи, справа и слева - родственники в порядке убывающей значимости, место справа оценивается выше, чем место слева, кровный родственник преимущественнее свойственника, старший возраст также [Гольдин 1983: 40].

Кинемы письменной и печатной коммуникации - графические. Это почерк, многоточие, подчеркивание, жирный шрифт, курсив, дефисация, краска, пометки и рисунки на полях, схемы, рисунки, диаграммы, таблицы, фото, картинки и т.д. Функция этих кинем - способствовать эффективности коммуникации, пониманию и воздействию, научению (например, школьные учебники без паравербальных средств были бы неэффективны). Письменная и печатная коммуникация также имеет свой паравербальный этикет (например, алфавитный порядок расположения авторов коллективной монографии свидетельствует о равноправии пишущих).

В художественном тексте коммуникативное взаимодействие персонажных антропоцентров предельно вербализовано, при этом маркерами паравербального взаимодействия героев являются авторские описания их внешности, манеры поведения, речи. Слова и фрагменты, относящие читателя к паравербальному взаимодействию коммуникантов, названы **авторскими квалификаторами речи персонажей** (в драматургии они представлены в ремарках) и «выполняют различные стилистические задания, повышая информативную емкость текста, поскольку в нем средствами вербального языка воссоздаются вторичные коммуникативные системы» [Чанышева 1984: 69; Потапова 1997] или модельные коммуникативные ситуации.

Современная паралингвистика ориентирована на исследования универсальных и этнических аспектов кинем. Этнические кинемы являются непосредственным рефлексом культуры, трактуемой в антропологии как «целостный образ жизни людей, социальное наследие, которое индивид получает от своей группы» [Клакхон 1998: 38].

В этнографии существует деление на контактные и неконтактные культуры, обусловленные функцией такого паравербального средства, как взгляд, сопровождающий речь: в контактных культурах взгляд при разговоре семиотически значим (арабы, латиноамериканцы, народы юга Европы), в неконтактных культурах (индийцы, японцы, северные европейцы) взгляд практически не значим. А.С. Баронин отмечает: «Индийцы племени навахо

учат детей не смотреть на собеседника... Японцы при разговоре смотрят на шею собеседника, куда-то под подбородок, таким

образом, что глаза и лицо партнера находятся в поле периферийного зрения. Прямой взгляд в лицо, по их пониманию, невежлив. У других народов, например у арабов, считается необходимым смотреть на того, с кем разговариваешь. Человек, мало смотрящий на собеседника, кажется представителям контактных культур неискренним и холодным, а «неконтактному» собеседнику «контактный» кажется навязчивым, бестактным; даже нахальным» [2000: 239]. Славяне принадлежат к контактной культуре, однако считается дурным тоном рассматривать в упор незнакомого человека, на что может последовать негативная реакция.

Дистанция в речи является также функционально-значимой для многих народов. А. Пиз подчеркивает, что разница представлений о дистанции коммуникации японца и американца приводил их общение в постоянное движение:

«японец, чья интимная зона представляет 25 см, постоянно делал шаг вперед, чтобы сузить пространство. При этом он вторгается в интимную зону американца, заставляя его отступать на шаг назад» [1995: 41]. Дистанция речи имеет этнопсихологическое объяснение (склонность к интроверсии и к экстраверсии), как и различия в речевой жестике. Английский психолог М. Арджайл установил, что в среднем на протяжении часового разговора финны используют жестикуляцию 1 раз, итальянец - 80, француз - 120, мексиканец - 180 раз [Баронин 2000: 241].

Функциями паравербальных средств, сопровождающих коммуникацию, являются информативно-изобразительная, эмотивная, экспрессивная, интерактивно-дейктическая и др. В плане соотношения с языковыми средствами паралингвистические нередко обуславливают элиминирование, свертывание, замещение языковых форм, служа средством речевой экономии. Взаимодействие вербальных и паралингвистических средств характеризуется следующей комбинаторикой [Потапова 1997:

13]: повторением (паравербальные средства дублируют вербальные); контрдикцией (противоречием данных двух типов); субституцией (заменой паравербальными средствами вербальных); дополнением (паравербальные модифицируют вербальные); акцентированием (повышение внимания с помощью паравербальных средств); регулированием (паравербальные используются для того, что регулировать коммуникативный поток между индивидами).

Учет научного потенциала паралингвистики необходим для общей коммуникативно-текстовой теории, ибо паравербальные средства встроены в коммуникацию, определяя ее концептуальное и прагматическое пространства.

2.6. Стилистика

Выбор знаково-языковых способов осуществления вербальной коммуникации является одной из управляющих сил дискурса и основывается на свойстве естественных языков обладать множественностью выразительных средств [Балли 1961: 122] исходя из асимметрического дуализма языкового знака. Именно это свойство является предметом стилистики, исследовательский потенциал которой используется в лингвистической теории текста и коммуникации.

И.В. Арнольд определяет стилистику как отрасль лингвистики, исследующую принципы и эффект выбора и использования лексических, грамматических, фонетических и вообще языковых средств для передачи мысли и эмоций в разных условиях общения [1990: 7]. А.Н. Мороховский ориентирует стилистический ракурс выбора этих средств на их целевое назначение - достижение определенных прагматических результатов [Мороховский и др. 1991: 10].

Стилистика как лингвистическая дисциплина обладает разветвленной дифференциацией направлений исследования и в соответствии с ними модифицирует ключевые концепты и подходы к изучению языкового (речевого) материала.

В соответствии с разграничением языка и речи в стилистике выделяют **стилистику языка и речи** (стилистику единиц и стилистику последовательностей [Скребнев 1975]): первая исследует специфику языковых подсистем, называемых функциональными стилями и подязыками, а также коннотативные свойства различных языковых средств; вторая изучает отдельные реальные тексты исходя из значащих отклонений от нормы языка [Арнольд 1990: 7]. Размежевание данных типов стилистики постоянно соотносилось с обратным процессом - поисками путей их интеграции. Стилистику языка обычно считали базой стилистики речи. Г.О. Винокур в 1925 году, считая стилистику наукой, изучающей употребление языка, т.е. речь, остерегался индивидуальности речи, а значит и индивидуальности стиля (как в школе К. Фосслера), поэтому рассматривал стиль в рамках языковой системы. «Задача стилистики, - писал он, - состоит в том, чтобы научить членов данной социальной среды активно-целесообразному обращению с языковым каноном, препарировать лингвистическую традицию в таком отношении, которое позволило бы говорящим активно пользоваться всеми элементами, заключенными в ее широких рамках, в зависимости от конкретной социальной и бытовой обстановки, от цели, которая предполагается за каждым данным актом индивидуального говорения» [1925: 23].

К.А. Долинин разграничивает четыре направления стилистики: стилистику языка (описательную), **функциональную стилистику**, базирующуюся на обобщенном понятии стиля сообщения и изучающую большие классы текстов, объединенных по функциональному, жанровому, ролевому признаку; стилистику индивидуальной речи и **сопоставительную**, - отмечая существование еще двух направлений: **практической стилистики и стилистики текста** (на пересечении сфер функциональной стилистики и стилистики индивидуальной речи) [1987: 68]. Принято считать, что стилистика принадлежит не только лингвистике, но и литературоведческому циклу дисциплин. При стилистическом изучении текста с позиций его декодирования (восприятия) (Л.В. Щерба, Ю.С. Степанов, М. Риффатер) используется база данных двух стилистик [Арнольд 1990: II].

Разграничение типов стилистики зависит от разработки ключевого понятия данной отрасли - **стиля**. В соответствии с типом стилистики стиль получает различные атрибуты:

языковой, речевой, функциональный, индивидуальный и т.д. Не обращаясь к проблеме их разграничения, рассмотрим основные дефиниционные составляющие понятия «стиль». В современной стилистике существует свыше 100 дефиниций стиля. Их стержневыми определителями избираются различные слова в зависимости от разделения стилистики языка и речи. С позиций стилистики языка, квалифицирующей стиль как некий *инвариант* множества сходных фактуальных значений и средств в реальных текстах, стили определяются как *подсистемы*, характерные для различных сфер общения. Именно так стиль рассматривался Ш. Балли, который впервые в мировой лингвистике определил цели и задачи стилистики («Трактат по французской стилистике», 1909 г.). Полемизуя с К. Фосслером, считавшим стилистику центральной лингвистической дисциплиной и сводившим ее к изучению индивидуальных стилей, Ш. Балли связывал стили с эмоциональным (аффективным) выражением. Ученый соотносил понятия нормы общенационального языка и его различных подсистем

(стилей), различающихся системой эмоциональных, экспрессивных выразительных средств.

Инвариантность стиля как подсистемы стала основанием для обоснования его как абстракции, обобщения, основывающихся на группах текстов, которые обслуживают коммуникативные сферы [Одинцов 1980: 24]. Ю.С. Степанов также использовал при определении функционального стиля стержневое понятие «подсистема»: «Функциональный стиль - это исторически сложившаяся, осознанная обществом подсистема внутри системы общенародного языка, закрепленная за теми или иными ситуациями общения... и характеризующаяся набором средств ... выражения и скрытым за ними принципом отбора этих средств из общенародного языка» [Цит. по: Долинин 1987: 73]. Однако в данной дефиниции стиль-подсистема связывается, кроме того, с ключевыми понятиями *ситуации речи* и *принципа отбора* средств выражения. Именно эти понятия были положены в основу стиля стилистикой речи и функциональной стилистикой. Ситуации речи обуславливали особенности функций языка. Пражская лингвистическая школа, опиравшаяся на работы Ш. Балли, связывала стиль с *функцией* языка в той или иной сфере общения. В.В. Виноградов также разграничивал стили на основе функций общения, сообщения, воздействия. В 1955 году ученый определил стиль как «общественно осознанную и функционально обусловленную, внутренне объединенную *совокупность* приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения» [1963: 6]. В данном определении стиль приобретает предметное содержание *совокупности*.

В противовес предметности стиля как подсистемы, совокупности, в стилистике в качестве стержневых понятий использовались более абстрактные функциональные понятия закономерностей, свойств {К.А. Долинин), способа (К. Гаузенблас) и даже стереотипа языкового поведения (А.Н. Мороховский) и т.д.

Анализ множественных дефиниций стиля позволяет выделить в них различные параметры его характеристики. *Первым* является ситуативность (коммуникативность), т.е. привязанность приемов и средств выражения к определенной речеситуативной ситуации. Р. Харвег рассматривал два варианта понятия стиля: типологический и топологический. Второй вариант предполагает определенность стиля на основе мест, в которых он реализуется, к примеру:

одно или все произведения автора, публицистический орган, литературный жанр или литературная эпоха [1980: 213].

В современной русской стилистике и речеведении ситуации общения обуславливают деление стилей как сфер на бытовую, деловую, научную, политическую, религиозную, эстетическую [Шмелева 1999: 28]. В английской стилистике исследователи используют понятие стиля для художественного текста, а для других коммуникативных ситуаций вводят термин «регистр». Регистр сочетает в себе ситуативные условия общения, устную или письменную форму и ролевую структуру коммуникации [Арнольд 1990: 246].

Второй параметр стиля связан с первым и рассматривается в ракурсе целенаправленной деятельности. Данный параметр обоснован еще на заре становления стилистики в 30-40-е годы XX века в Пражской лингвистической школе. Именно пражцы впервые обосновали соотношение стиля и акта речи. Понятие стиля у них соответствовало совокупности речевых актов, интенционально объединенных и комбинирующих, исходя из выбора говорящего, определенные средства языка. Стиль связывался, в частности, со способом протекания целенаправленной деятельности (К. Гаузенблас). И.Р. Гальперин, определяя стиль языка как систему взаимосвязанных языковых средств, которые служат определенной цели коммуникации, подчеркивал, что выбор языковых средств прежде всего зависит от этой цели [Galperin 1971:18]. К.А. Долинин, соглашаясь с мнением П. Гиро, отмечает, что о чем бы ни шла речь, слово «стиль» подразумевает специфический способ действия, т.е. какие-то отличительные признаки, характеризующие человеческую деятельность и ее продукты [1987: 7]. Деятельность и целенаправленность стиля в соотношении с ситуативностью обуславливают недостаточность ограничения стиля лишь языковыми или речевыми средствами, для этого следует учитывать и совокупность определенных прагматических условий осуществления коммуникации. **Тем** самым стиль проецируется в лингвистическую теорию текста и коммуникации как составляющая любого дискурса.

Третьим параметром стиля служит избирательность - понятие, употребляющееся почти в каждом его определении. Избирательность предполагает осознанный выбор адресантом (автором) определенного типа языкового поведения, речевой деятельности, обуславливающей в свою очередь, манеру поведения и выбор языковых средств. Специфика такого выбора у исследователей различна: выбор производится из наличествующей в языке подсистемы или на основе существования некоего варианта языка или подязыка (субязыка). Выбор средств может опираться прежде всего на инвариант речевого жанра, интенционально заданного коммуникативного каркаса. Это положение рассматривал М.М. Бахтин. Постулируя связь стиля с речевым жанром, он считал, что «стиль неразрывно связан с определенными тематическими- единствами и - что особенно важно - с определенными композиционными единствами: с определенными типами построения целого, типами его завершения, типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения (к слушателям или читателям, партнерам, к чужой речи и т.п.)» [1996, 5: 164]. Отмечая слабость стилистики языка, находившейся в то время (50-е годы XX века) в прямой зависимости от тезиса об общенародном единстве языка, ученый, с одной стороны, говорил о существовании стиля как определенного «целого» инварианта, с другой, оспаривал жесткую детерминированность рамок стиля в монолингвистической стилистике, относя его к живой речи. Подвергая критике Виноградовское положение об ограниченности, замкнутости стиля как системы средств выражения (точку зрения о стилях как частных кодах одной системы выдвигал и Р.О. Якобсон), М.М. Бахтин использует понятие гибридности: «В процессе речевого общения, в процессе обмена мыслями (в широком смысле) стили, жаргоны, формы не лежат рядом друг с другом, а находятся в сложных взаимоотношениях взаимодействия и борьбы, пересечения, взаимопроникновения; таковы и их взаимоотношения в активном речевом сознании говорящих» [1996, 5: 293].

На фоне стилистической дискуссии середины 50-х годов идеи М.М. Бахтина были революционны, ибо он, не отрицая понятия «стиль», ввел понятие речевого жанра, которое отвергалась практически всеми участниками дискуссии и тем более в связи со стилем. Ученый, в отличие от В.В. Виноградова и его сторонников, подходил к стилю с функциональных речевых позиций, а не с позиций языка и его стилиевой дифференциации. В этом аспекте сторонником М.М. Бахтина стал Ю.С. Сорокин, выдвигавший функционально-целевой принцип деления на стили, считавший предметом стилиевого разграничения речь, коммуникацию, использование языка [1954: 82].

Парадигматическая связь стиля с речевыми жанрами проецируется на современную концепцию речевой системности. М.Н. Кожина отмечает: «В процессе функционирования языка в речи во внешней среде происходит не только реализация системы языка, но и формирование иного рода системности - речевой. Это не просто модификация системы языка в рамках

той же системы, но иное построение на принципиально иной основе. Такая системность вряд ли формируется на основе

переключения на другой регистр (М. Хэллiday) языковой системы» [1993: 51-58; 1998]. Тем самым выдвигается перспективный тезис о том, что выбор стиля осуществляется в рамках системы речи на основе общих типологических черт совокупности речевых жанров.

Данное соотношение стиля с речевыми жанрами обуславливает *четвертый* его параметр - стереотипичность (типологичность). Этот параметр рассматривается в ракурсе традиций культуры (А.А. Леонтьев), обуславливающих наличие в ней определенных речевых жанров и стилей. К.А. Долинин предполагает, что «функциональные стили и вообще речевые жанры отражают не только и, может быть, не столько специфику коммуникативной деятельности, которую они обуславливают, сколько традиционное представление о данного рода деятельности, сложившееся в данной культуре, ее (деятельности) социальный статус» [1987:75].

Выбор языковых средств того или иного стиля определяется стереотипам в сознании носителей языка, типологическими знаниями об употреблении «нужных слов в нужном месте». Стереотипичность стиля связана с коммуникативными стереотипами социальных ролей, объектов ролевой деятельности, прагматических целей, пространственно-временных и социальных ориентиров дискурса и т.д. В этом смысле стиль становится «символически значимым свойством человеческой деятельности», типовым соотношением между означающим и означаемым, соотносящимся с определенной речесомму-никативной ситуацией [Долинин 1987: 13].

Учитывая данные четыре параметра, мы используем в качестве рабочего такую дефиницию: **стиль** - это парадигматическое свойство речевой системы определенного языка; ситуативно обусловленный стереотипный способ осуществления вербальной коммуникации как целенаправленной человеческой деятельности на основе общественно осознанного выбора определенных языковых средств и принципов их интеграции в речи.

Сложность и дискуссионность проблемы определения стилей обусловила различие подходов к их классификации. Д.Э. Розенталь, анализируя различные типологии стилей, пишет: «Расходятся точки зрения и на систему стилей литературного языка. В основу классификации кладутся разные принципы, не всегда совпадает используемая для обозначения близких понятий терминология, различно число выделяемых стилей» [1987: 21].

Развитие в настоящее время новых речевых жанров, особенно в средствах массовой коммуникации, обусловило «расслабление» строгой системы стилей речи. Гибридность их резко возрастает. В связи с этим возникает потребность соотносить стиль с моделью поля. Идею такого моделирования выдвигает М.Н. Кожина, вводя понятие **функциональной семантико-стилистической категории** на основе разработанной в русистике концепции А.В. Бондарко. Функциональная семантико-стилистическая категория характеризует язык в реальной речевой деятельности, в реальной (а не только потенциальной) коммуникации, включая компоненты неязыковой действительности [Кожина 1989: 13-14]. Функциональная семантико-стилистическая категория представляет систему речевых средств разных уровней, обусловленную речевыми целями и путями их достижения в различных сферах.

Степень ее наполненности и гармоничности является признаком полноценного стиля [Непийвода 1997: 8]. Думается, можно говорить не только о данной категории, но и **функциональном поле стиля**, ядром которого является относительно стабильные речевые жанры и актуализированные тексты с набором традиционных для того или иного стиля целей, речевых средств, особенностей интерактивности; а периферией - гибридные, маргинальные жанры и тексты, использующие средства других стилей, что обуславливает зоны пересечения функциональных полей стилей. Ю.Г. Перлина моделирует стилистическое поле на основе лишь типа текста, а не стиля, однако интересным представляется ее замечание о периферии: «На периферии стилистического поля располагаются всевозможные жанровые модификации и гибридные образования, удерживаемые в орбите макрополя как минимум одной доминантой и набором факультативных стилистических черт...» [2000: 294].

Одной из важных задач функциональной стилистики, наиболее актуальных для лингвистической теории текста и коммуникации, всегда оставалось рассмотрение **фигур речи** как стилистических приемов. Первоначально фигуры речи изучались в античной риторике и поэтике как искусство прозаической и поэтической речи (Аристотель V в. до н.э., Анаксимен IV в. до н.э.; Горгий V-IV в.в. до н.э., Цицерон I в. н.э., Квинтилиан, Цецилий I в. н.э. и др.). Фигурой речи считалось обновление формы речи при помощи некоего искусства. Такое обновление, считал сицилийский софист Горгий, возможно путем «обмана», т.е. создания иллюзий на основе метафор и так называемых «горгиевых фигур».

Фигура речи в стилистике не имеет однозначного определения, что связано с неоднозначностью толкования данного термина в самой риторике, а также с различным пониманием выразительных и изобразительных средств и с разнообразием классификаций стилистических средств вообще [см. Арнольд 1990: 55]. И.Р. Гальперин определял **стилистический** прием как «намеренное и сознательное усиление какой-либо типической, структурной и/или семантической черты языковой единицы (нейтральной или экспрессивной), достигшее обобщения и типизации и ставшее таким образом порождающей моделью» [Galperin 1971: 29-30]. И.В. Арнольд подвергает сомнению намеренность и целенаправленность стилистических приемов, ибо у читателя нет данных, намеренно или интуитивно употреблено выразительное средство [1990: 55]. В стилистике декодирования предлагается, наряду с рассмотрением отдельных элементов как стилистических приемов, подход более высокого уровня к описанию текста как целостной единицы на основе принципов **выдвижения** (foregrounding) как «способов формальной организации текста, фокусирующих внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающих семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» [Арнольд 1990: 63]. Главными и наиболее 106

изученными типами выдвижения являются **сцепление** как появление сходных элементов в сходных позициях, **конвергенция** как схождение в одном месте пучка стилистических приемов и **обманутое ожидание** как нарушение предсказуемости. Однако типы выдвижения все же базируются на стилистических приемах, для характеристики которых классическим является приведенное выше определение И.Р. Гальперина.

Не рассматривая вопроса о множественности их классификаций, разграничим наиболее регулярные фигуры речи на фонетико-смысловые, графико-смысловые, семантико-смысловые, структурно-смысловые.

К числу **фонетико-смысловых** фигур относятся **звукоспись**:

ассонанс (от лат. *assono* - откликаюсь) - звуковой повтор однотипных гласных: *Принакрытые сереньким ситцем этих северных бедных небес* (Есенин); **аллитерация** (от лат. *ad* - к, при, *littera* - буква) - звуковой повтор согласных: *Я недаром вздрогнул. Не загробный вздор* (Маяковский); **созвучие** - повтор совокупности звуков: *Волна на волну набегала, волна*

погоняла волну (Лермонтов). **Фонетико-графической** фигурой является *графой* - графическая фиксация индивидуальных произносительных особенностей говорящего; *Кэк Смэтришь! Кэк смэт-ришь, казак?* (Шолохов) [Кухаренко 1988: 18].

Графико-смысловые фигуры представлены *дефисацией* - дефисным написанием цельного слова с определенной выразительной целью: *Не по-ни-ма-ю!*; *анаграммой* - графической зашифровкой слова: *Ну вот теперь у вас для разговоров будет Дня на три тема. И верно в вас к себе участие возбудит не Миллер - Эмма* (Лермонтов) - зашифровка *Ми-л-лер - Михаил Лермонтов*; *Эмма* - М. Мартынов; кавычками - как выразительным средством: *Ты знаешь, что за «дело» тебя ждет?*;

вопросительным, восклицательным, вопросительно-восклицательным и другими знаками: *За короткий срок Царев еще дважды уличался в серьезных нарушениях закона, но каждый раз его освобождали от уголовной ответственности; ссылаясь на то, что он характеризуется положительно (?!), правонарушение совершил впервые (?!) и чистосердечно раскаялся (!!)*; фонетическим каламбуром - столкновением сходных звучаний в разных словах: *Даже к финским скалам бурым подвезжаем с каламбуром - и другими средствами (многозначием, отсутствием знаков препинания).*

Семантико-смысловые фигуры - наиболее обширная группа, частью которой являются **тропы**. Когнитивная природа тропов могла бы быть охарактеризована как репрезентация языковыми средствами неистинной, не соответствующей пропозиции информации, высвечивающейся в ассоциативно-терминальной части концепта. Ю.М. Лотман подчеркивал, что троп как фигура речи одновременно включает в себя и элемент иррациональности (эквивалентность заведомо неэквивалентных и даже не располагаемых в одном ряду текстовых элементов), и характер гиперрационализма, связанный с включением сознательной конструкции непосредственно в текст риторической фигуры [1992, 1: 160]. Тем самым троп в целом творчески интенционален (в этом его рации) и по своей когнитивной природе семиотически неистинен, иррационален. Ю.М. Лотман отмечал: «В неориторике последних десятилетий делаются многочисленные попытки уточнить значения как тропов вообще, так и конкретных их видов (метафора, метонимия, синекдоха, ирония) в соответствии с современными лингво-семиотическими идеями» [1992, 1: 170]. Р.О. Якобсон выделял два вида тропов:

метафору как замещение понятия на парадигматической оси структуры языка (*in absentia*) и метонимию как замещение на синтагматической оси (*in praesentia*), - разграничивая их функционально: метафору - для поэзии, метонимию - для прозы [Jakobson 1963: 67]. Дискуссия о троповых представителях лже-ской группы и У. Эко состояла в определении звена первичности переноса: от метонимии к метафоре или от синекдохи к метафоре и метонимии - и завершилась рассмотрением общей природы и механизма порождения тропов в тексте.

Семантико-смысловые фигуры лишь отчасти имеют природу тропов. К ним относятся: **метафора** - скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго [Арнольд 1990: 83] (в когнитивной науке концептуальная метафора объясняется как процесс понимания одной концептуальной области в терминах другой [Lakoff, Johnson 1980: 5]): *В его голосе был лед*, - в том числе **олицетворение** (прозопопея); **аллегория** - «выражение отвлеченной идеи в развернутом художественном образе с развитием ситуации и сюжета» [Арнольд 1990: 88];

метонимия - семантический перенос по смежности {*Только слышно по улице где-то одинокая бродит гармонь*}; **сравнение** -образная трансформация грамматически оформленного сопоставления (*Гарун бежал быстрее лани* (Лермонтов));

гипербола - преувеличение (*Тысячу раз тебе говорил*); **мейо-зис** (греч. meiosis) - преуменьшение (*это влетит в копеечку, осиная талия*); в том числе **литота** - прием отрицания отрицания через преуменьшение (*Не без твоей помощи. Это недурно*); **ирония** (греч. eironia - притворство) - употребление слов в смысле, противоположном буквальному: англ. *to enjoy her majesty's hospitality* - пользоваться гостеприимством ее величества, т.е. сидеть в тюрьме (Ирония может распространяться на весь текст и «приобретать общесемиотическую значимость» [Мороховский и др. 1991: 183]); **амплификация** (лат. amplification - расширение) - нагнетание синонимических тропов или однородных конструкций: *Я вас прошу, я вас очень прошу, я умоляю*; **антитеза** (греч. antithesis - противоположение) - противопоставление контрастных понятий: *Я царь, - я раб, - я червь, - я бог* (Державин); *Была без радостей любовь, разлука будет без печали* (Лермонтов); **оксимо-рон** (греч. oxymoron - остроумно-глупое) - сочетание противоположных, семантически несовместимых понятий: *Жар холодных чисел* (Блок); **перифраза** - замена понятия его дескрипцией, может быть основана на метафоре, метонимии:

Все флаги в гости будут к нам: типами перифразы являются **эвфемизм** и **табу** (*позаимствовал* вместо *украл*); *glass maintenance engineer* - мойщик окон, т.е. инженер по поддержанию стекол в порядке; *серый* вместо *волк*; **семантический каламбур** - игра слов, намеренное соединение двух значений (мерцающее значение) с целью создания комического эффекта: *В приемном сидел сногшибательный секретарь -любого сшибет с ног*; **паронимическая аттракция** - сочетание паронимов: *В теле - как в тюрьме, в душе - как в тюрьме*; *Божеству ли с убожеством спорить* (Цветаева) [см. Северская 1988: 212-223]. Особо рассматривается **эпитет**, который совмещает экспрессивность семантики с определенной синтаксической позицией. Это определение или обстоятельство метафорического, метонимического или экспрессивно-эмоционального типа, передающие субъективное отношение автора [Арнольд 1990: 88]: *тополей седая стая* (Багрицкий).

К структурно-смысловым фигурам относятся **анафора** (греч. anaphora - вынесение вверх): *Где носит все печать проклятья. Где полны ядом все объятья. Где счастья без обмана нет* (Лермонтов); **эпифора** (греч. epiphora - повторение) - повтор конечных строк: *Не станет нас! А миру хоть бы что. Исчезнет след! А миру хоть бы что* (Хайям); **симплога** (греч. symploke - сплетение) - сочетание анафоры и эпифоры: *Этот человек сделал все, чтобы увидеть Вас. Этот человек специально приехал, чтобы увидеть Вас*; **анадиплозис** (подхват) - слово, которым заканчивается первое предложение, начинается второе: *Придет он большое, как глоток. Глоток воды во время зноя летнего* (Рождественский); **рондо** (охват) - слово, начинающее одно предложение, заканчивает второе предложение: *Благодарю! Вчера мое признание и стих мой ты без смеха приняла; Хоть ты страстей моих не поняла, Но за твоё притворное внимание благодарю* (Лермонтов);

эллипс (греч. ellipse - выпадение, опущение) - пропуск структурно необходимого элемента: *Не тут то [было]. Море не горит* (Крылов); **умолчание** (апосиопеза) - умышленное незавершение высказывания: *Вот он вернется. И тогда..*; **парцелляция** (фр. parcelle - частица) - разделение предложения на отрезки или присоединение короткого предложения к длинному {**пуант**}: *И снова. Гулливер. Стоит. Сутулясь* (Антокольский); **параллелизм** - тождество синтаксического построения двух контактных предложений: *В каком году -рассчитывай. В какой земле - угадывай* (Некрасов); **градация** (лат. gradatio - повышение) нагнетание или ослабление силы однородных выразительных средств: *Не жалею, не*

зову, не плачу (Есенин); *Дама, не боящаяся самого дьявола и даже мыши* (Твен); **инверсия** (перестановка) - изменение обычного порядка слов, частей предложения: *Твоих оград узор чугунный* (Пушкин); **аполойну** - объединение двух предложений в одно высказывание: *Там сидит человек тебя ждет*; **пролепса** - наличие вербального замещающего перед местоимением: *Кофе-то, он горячий*; **солецизм** (греч. soloikismos) - неправильный языковой оборот, не нарушающий смысла: *Сколько время?*; *играть значение*; **бессоюзие и многосоюзие** (асиндетон и полисиндетон) - отсутствие союзов или наличие однотипных союзов в предложениях: *И липы чахли. И смородинник в бурьяне чах, и малина по огородам одичала* (Астафьев).

К числу гибридных семантических и структурных фигур принадлежат хиазм и зевгма: **хиазм** (греч. chiasmus - перекрещивание) - перемена позиций двух смежных отрезков текста: *Мы едим, чтобы жить, а не живем, чтобы есть*; **зевгма** - соединение грамматически и семантически разнородных слов и сочетаний: *Я пил чай с женой, с лимоном и с удовольствием*.

Выбор фигур речи и принципов выдвигания зависит от типа тексты, речевого жанра, авторских целей и стратегий, определяющих сильные позиции сообщения, и т.д.

2.7. Герменевтика

Герменевтика (от греч. hermeneutikos - разъясняющий, истолковывающий) - наука, возникшая еще в античности, первооснова современной интерпретации текстов. В древности герменевтика рассматривалась как искусство толкования текстов, их перевода, основанное на грамматическом исследовании языка, изучении исторических данных, связанных с конкретным типом литературного произведения. Тем самым, герменевтика была учением об интерпретации внутреннего, глубинного смысла исторических текстов.

Неугасающий донныне интерес к герменевтическим проблемам объясняется тем, что любое знание (философское, историческое, филологическое и т.д.) имеет интерпретационный характер. В.Г. Кузнецов подчеркивает: «Интерпретация есть неустранимый момент, форма и способ функционирования философских знаний. Новое философское знание всегда является результатом интерпретации» [1991: 4]. Следовательно, в основе герменевтики лежит глубокая диалогичность. Вступая в диалог с текстами, гуманитарное знание преодолевает собственную энтропию и порождает энтропию, являющуюся толчком к познанию и новому знанию.

Возникновение герменевтики имело глубокие психокогнитивные основания: интерпретаторы «вчувствовались» в текст, моделировали содержание текста на основе собственной когниции и психики. Герменевтика возникла в пограничных областях философии, психологии, риторики, лингвистики, находящихся в одном историко-культурном контексте, и длительное время была философским учением, объектом которого был текст, а предметом - его понимание. Г.А. Антипов подчеркивает: «Границы герменевтики довольно неопределенны. Существует весьма разные трактовки ее предмета. Герменевтику рассматривают как искусство и теорию истолкования текстов, как формулу историзма, методологию гуманитарного познания, методологию научного познания вообще, философскую онтологию и способ философствования, вид социальной терапии и т.д.» [1989: 23]. Истоки герменевтики следует искать в древнегреческой философии и филологии как искусстве понимания изречений жрецов, оракулов. Возникновение термина связано с именем бога Гермеса - посредника между волей богов и людьми. Герменевтические исследования времен античности, ориентированные на диалогические соотношения познающего субъекта и текста как объекта познания, оказали влияние на становление антропоцентрического подхода к текстовому анализу, а также культурологического направления в текстологии. Однако «герменевтическую традицию, - считает Г.А. Антипов, - нельзя изображать в виде некоего непрерывного гомогенного потока, периодически наполняемого новыми именами, фактами и суждениями, без качественных скачков, смены одних фаз другими» [1989: 25].

Не претендуя на роль такого описания, мы остановимся лишь на тех герменевтических теориях, которые имеют отношение непосредственно к лингвистической теории текста и коммуникации.

Особенно плодотворным была разработка учения о текстах и их толкованиях в Александрийской школе, вобравшей в себя достижения греко-латинской и восточной философии. Основными герменевтическими направлениями данной школы были контекстуально-историческое изучение текстов на основе контекста эпохи, антропоцентрически-адресат-ный подход к толкованию текста с позиций читателя, разработка грамматики текста (Аполлоний Дискол), в частности, связей различных акциденций (частей речи), анафорических элементов текста; нормирование литературного языка на основе аллегории и аналогии (ср. Пергамская школа придерживалась обратного принципа - аномалии).

В средние века герменевтика становится учением об интерпретации священных текстов, в частности. Библии (**экзегетика**). В трудах Августина (354-430 г.г. н.э.), библейского герменевта, содержатся важные положения, актуальные и сегодня для теории текста и коммуникации: о собственном и переносном значении слов, тропах, о понимании и объяснении (понимая, объясняя) на основе контекстуальной интерпретации, о боговдохновенности текста и читателя как соразмерности творческих потенциалов автора и адресата, рассматривающей Ф. Шлейермахером как принцип конгенальности, а сейчас - как коммуникативная универсалия гармонизации. Поскольку еще в античной герменевтике зародился спор об однозначности или многозначности знака, Августин, сторонник однозначности, полемизировал с многозначными теориями интерпретации.

В эпоху протестантизма (XVI в.) в герменевтике примиряются теории одно- и многозначности на основе контекста, который обуславливает многозначность в принципе однозначного слова, текста, порождая смысл в противовес значению. Введя понятие герменевтического круга М. Флациус постулирует его как взаимное отношение интерпретируемого слова (части) к целому (контексту). Этот принцип чрезвычайно важен для лингвистической теории текста и коммуникации, ибо в нем уже были заложены контекстуально-ситуативная погруженность текста, его дискурсивная природа. Герменевтический анализ у М. Флациуса рассматривался как челночная операция от знака к значению, затем к смыслу в контексте (от части к целому) и от целого контекста к смыслу, значению, знаку (от целого к части). Наверное, в этих двух векторах и усматривал М. Флациус различие между пониманием и интерпретацией как целью и методом. Важной и перспективной была также идея М. Флациуса об обязательном учете при герменевтическом анализе цели и замысла автора, что позднее нашло отражение в концепции интенциональности и мотивированности текста, коммуникации. В мысли М. Флациуса об усложнении понимания текста в зависимости от отдаленности автора и интерпретатора также заложено зерно идеи Х. Рейхенбаха о троичности текстового времени.

Эпоха Возрождения придала герменевтике особое значение, ибо она возродила наследие античности, и на основе исторического подхода герменевтика обратилась к его переводу и интерпретации. Важнейшими герменевтическими принципами

становятся учет исторического контекста, целевая установка интерпретации на согласие и сокращение дистанции между автором и читателем, выявление логических и психологических основ герменевтики (Ф. Аст, Ф. Бэкон, И. Хладениус). Возникает перспективная ныне в лингвистике текста идея разграничения понимания и интерпретации (объяснения): объяснять значит излагать понимаемое (Ф. Аст), т.е. понимание предшествует интерпретации.

Философский общеметодологический статус науки герменевтика приобретает в XIX веке в работах Ф. Шлейермахера. Введя понимание в философскую понятийную систему, ученый рассматривает его диалогически: как абстрактный диалог автора с читателем, так и естественный диалог последнего с текстом. Ф. Шлейермахер соединил языковое и психологическое «взаимобитие» понимания как объективное и субъективное на основе предметно-содержательного и индивидуально-личностного порождения текста. Критикуя Ф. Аста за различие понимания и интерпретации, он относил первое к толкованию смысла текста, а второе - к диалогу читателя с автором. Философ расширил понятие герменевтического круга до уровня диалогических отношений текста как отдельного с богатством языка и историей времени автора как целого. Двухвекторность понимания от части к целому и от целого к части осложняется у Ф. Шлейермахера новым вектором - сменой гипотез о целом, их синтезом, рекурсивным пониманием части.

Примечательно, что учение Ф. Шлейермахера о четырех способах понимания нашло отражение в положениях о двойственности смысла текста и вариативности его интерпретации: автор и читатель исходят из речи на основе общности языка, из их знаний языка, и речи как фактов души, т.е. смысла, порожденного авторским сознанием и интерпретируемого читательским «я».

Герменевтический лозунг Ф. Шлейермахера понимать его труд лучше, чем он сам, подвергался критике последователями, однако глубина его логики в том, что интерпретатор, отдаленный от автора и изучающий его язык и эпоху и видящий текст в его последующей диалогичности, может увидеть больше и объяснить точнее. В. Дильтей усматривал в этом лозунге идею бессознательности творчества, которое переводится интерпретатором в знание. А.А. Потебня возвел этот лозунг в закономерность: «Слушающий может гораздо лучше говорящего понимать, что скрыто за словом, и читатель может лучше самого поэта постигать идею его произведения» [1976: 181].

Современником Ф. Шлейермахера был создатель собственно лингвистической герменевтики В. Гумбольдт, выдвинувший принципы деятельности понимания как деятельно-стности духа в языке (см. раздел 1), важности языка для процессов взаимопонимания, внутренней формы языка, связывающей воедино звук и идею, т.е. лингвистическое сознание. По мнению В.Г. Кузнецова, «В. Гумбольдт, сохраняя психологию в качестве научного стандарта, вводит в основание герменевтических методов языкознание» [1991: 91]. Законом понимания текста Гумбольдта - Потебни является объективность субъективизма адресата: «Люди понимают один одного не таким образом, что на самом деле передают один другому знаки предметов, а таким образом, что затрагивают то же звено цепи чувственных представлений и понятий, дотрагиваются до той же клавиши своего духовного инструмента... Понимание другого осуществляется через понимание самого себя» [Потебня 1976: 112].

В конце XIX и начале XX в. последователи Ф. Шлейермахера В. Дильтей, Э. Гуссерль, Ф. Ницше, М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, Э. Бетти и др. осуществили перевод идей герменевтики в философско-методологический контекст, выявив в ней статус универсальной методологии, направленной на рассмотрение понимания как момента бытия человека, а языка как дома этого бытия. Важнейшими положениями этих философов, актуальными сегодня, стали: 1) тезис об интерпретации как универсальной категории, систематизирующей хаос реальности (Ф. Ницше), т.е. человек как гносеологический центр категоризует мир, используя для этого язык; 2) разработки феноменологической редукции как «ухода в альтернативный мир» текста (Э. Гуссерль); 3) положение об антиципации, т.е. предвосхищающем, прогностическом чтении текста с ожиданием определенного смысла (М. Хайдеггер); 4) концепция о противопоставлении эмпирически познаваемого и познаваемого лишь путем приписывания разумом смысла (А. Уайтхед), т.е. некоего внутреннего рефлексивного опыта, по Дж. Локку;

5) тезис об интерпретационной гипотезе предрассудка, на которую опирается понимание (Э. Бетти, Г.-Г. Гадамер); 6) положение о духовно значимом переживании реципиентом усмотренного смысла при освоении мира (В. Дильтей); 7) предположение о встроенности при порождении текста внутренней программы интерпретации (Э. Бетти).

С герменевтическими проблемами связано также направление логического позитивизма (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн и др.). Абсолютизируя логический анализ языка как средство очищения науки от бессмыслицы, позитивисты опирались на такие принципы, актуальные для герменевтической проблемы понимания: 1) Всякое знание есть знание о том, что дано человеку в чувственном восприятии; 2) То, что дано в чувственном восприятии, абсолютно достоверно для нас; 3) Все функции знания сводятся к описанию. Г. Фреге выдвинул концепцию идеального языка без алогизмов, нелепостей, неоднозначности, неточности, присущих человеческим языкам. Лишь такой идеальный язык будет истинным, не обманутым грамматикой, и не потребует контекста, необходимого для определения смысла слов естественных языков. Логические позитивисты оперировали предложением, а не текстом, однако их суждения о невозможности понимания составных частей отдельно от целого (Л. Витгенштейн) могут быть экстраполированы на текст. Причем контекст у Л. Витгенштейна распространяется не только на языковое целое, но и на все «правила языковой игры», т.е. ситуации общения, в том числе выбор тактики субъекта в игре.

Постулируя изоморфизм логической связи терминов высказывания и предметной ситуации мира, Л. Витгенштейн выводил из него понимание, которое возможно лишь на основе определенности смысла в его отношении к миру, т.е. истинности предложения. Если смысл предложения соответствует действительности, и мы знаем этот факт действительности, то предложение истинно и может быть познано. Любую проблему, по мнению логических позитивистов, можно решить средствами символической логики. Следует отметить, что оперируя только логическим языком истинности, Л. Витгенштейн сделал первый шаг к когнитивной теории моделирования структур репрезентации знаний, а именно пропозиции как логического образа фактов. В когнитивной науке наиболее близки герменевтической логике Л. Витгенштейна Н. Хомский и его последователи, постулирующие главенство формы языка для процессов понимания [см.: Хомский 1965: 473]. В.Г. Кузнецов, отмечая значимость теорий логических позитивистов для семантического анализа искусственных языков, подчеркивает, что все же в реальном общении «приходится учитывать информацию, не только явным образом выраженную в языке, но и содержащуюся в языковых выражениях скрытно, неявно» [1991: 105].

Кроме того, не все может быть логически формализовано и не всегда это необходимо. Это обусловило признание современными логическими позитивистами факта вспомога-тельности метода логической формализации для решения

философских проблем.

В СССР рассмотрение герменевтической проблематики в 70-80-е годы имело критическую направленность. В сборнике «Герменевтика: история и современность (Критические очерки)» в одной из статей было отмечено, что герменевтика «служит пропаганде идеалистического подхода к искусству, является основой идеалистической концепции в искусствоведении и теории литературы. В этом еще раз проявляет себя ее реакционность» [Куркина 1985: 279]. В конце 80-х годов критический взгляд на герменевтику сменился возрастающим интересом к ее проблематике, обозначившимся выходом в свет ряда монографий А. Михайлова, В. Кузнецова, С. Кошарного, А. Брудного, Г. Богина и др., переводами на русский язык зарубежного герменевтического наследия. Поворот советской и постсоветской лингвистики к новым исследовательским ориентирам обусловил необходимость изучения герменевтических технологий, направленных на эффективность преодоления расстояния между текстом и его адресатами. Эти технологии как техники понимания обобщены в исследованиях Тверской герменевтической группы. Г.И. Богин пишет, что просвещенная часть населения одновременно пользуется при понимании несколькими техниками, а всего в обществе «растворено» более ста техник, уже обнаруженных нами, а ведь есть еще не обнаруженные [1999:

12]. Ученый систематизирует эти техники в виде шести групп: 1) техники усмотрения и построения смыслов; 2) использование «рефлексивного мостика»; 3) расклеивание смешиваемых конструктов; 4) техники интерпретационного типа;

5) техники перехода и замены; 6) выход (по воле субъекта) из ситуации фиксации рефлексии в духовное состояние, являющееся объективацией рефлексии. Некоторые из этих техник разрабатываются в современной компьютерной лингвистике, к примеру, в многоуровневых моделях интерпретации [118

речи и ее продуктов (модель «Смысл <-> Текст», моделирование фреймовых структур, сцен, сценариев с использованием средств смыслового расширения текста, техника «понятие > значение» для построения тезаурусов и т.д.). Данные модели представляют собой попытку схематизации процессов понимания и успешно применяются для решения прикладных задач.

Герменевтика сегодня - это методология, вторгающаяся в целый ряд отраслей знания и позволяющая осознать, что понимание текста - многоаспектный процесс, обеспечивающий познавательно-креативную сущность интерпретационной деятельности человека, погруженного во всеобъемлющую диалогичность. Принцип диалогичности позволяет различать модели понимания автора текста, его современников-интерпретаторов и более поздних интерпретаторов. Именно диалогичность стала отправным моментом современной герменевтики, систематизировавшей факторы интерпретации, которые необходимо учитывать как критерии оптимальности понимания (ср. высказывания о комплексности текстологического анализа Д.С. Лихачева: «Важны не столько отдельные факты, сколько их сочетания, их система» [1964: 51]). Обосновывая комплексный подход к пониманию, Л.М. Баткин, опираясь на Э. Бетти и М.М. Бахтина, писал: «Все дело в том, чтобы в исследовании сознательно встретились и «чужой язык» и свой, исследовательский язык, и толкуемый автор и его современный толкователь... Должны ясно различаться (но это возможно лишь в последовательно проведенном, теснейшем диалогизировании, в постоянном смысловом сопоставлении и соприкосновении), во-первых, прошлый смысл для себя; во-вторых, мой смысл, современный; но, в-третьих, высшая задача: дать оба смысла вместе, друг через друга, хотя и неслиянными» [1986: 114].

Понимание не может быть объектом только лингвистической герменевтики, ибо предполагает множество сопутствующих факторов, не имеющих отношения к языку как таковому (личный опыт, знания об авторе, о культуре, о науке, психологическое и эмоциональное состояние, фоновые [119

знания и т.д.). Однако современная лингвистическая теория текста и коммуникации не может не учитывать данные факторы, поэтому проблема понимания проецируется непосредственно в изучение дискурса как совокупности составляющих и факторов, обеспечивающих осуществление коммуникации. Тем более, что современное состояние лингвистики характеризуется экспансионизмом в нее других отраслей знания. В фокусе лингвистической теории текста и коммуникации связываются воедино все аспекты понимания текста, ибо он - исходная точка всякой гуманитарной дисциплины [Бахтин 1979: 292], а его понимание обеспечивает все сферы существования и деятельности человека и «соединяет в единый узел познание и общение» [Брудный 1998: 6].

120

РАЗДЕЛ 3. ТЕКСТОВО-ДИСКУРСИВНЫЕ МОДЕЛИ

Одной из актуальных проблем коммуникативной теории является моделирование ситуации информационного обмена и воздействия, каковой служит дискурс. Р. Барт назвал скандальной ситуацией в науке, при которой существует множество способов подробнейшим образом описать отчужденный от человека заверченный продукт его речевой деятельности, но нет ни одной сколько-нибудь удовлетворительной модели живого производства устного текста, возникновения неуловимой структуры дискурса» [Барт 1994: 503].

Модель коммуникативной ситуации (дискурса) представляет собой системную корреляцию определенных составляющих, опосредующих информационный обмен и коммуникативные действия, а также соотношение некоторых операций, результатом которого является передача информации от источника-адресанта через его текст к реципиенту-адресату. «Слияние деятельности общающихся в единый коммуникативный процесс приобретает бытийную, вещественную, предметно-знаковую форму в тексте. Текст участвует в обмене коммуникативной деятельностью в качестве предметно-знакового носителя обмена..., в нем «сливаются» обе коммуникативные деятельности в виде сопряженной знаковой модели» [Сидоров 1987: 69]. В данном случае речь идет об изокультурной и монологической коммуникации, ибо межкультурная коммуникация, опосредованная переводом, имеет несколько иную, более усложненную структуру по причине наличия еще одного субъекта - переводчика как интерпретатора, и еще одного текста - перевода.

В научной литературе монологическая коммуникативная ситуация моделировалась по-разному в зависимости от фокуса ее рассмотрения (технического, культурного, философского, семиотического, эстетического, лингвистического и т.д.) и типа (к примеру, письменная, устная; художественная, научная и т.д.). Коммуникативные модели отображали различное количество составляющих дискурса, различную направленность связей между ними. Однако в целом все коммуникативные модели базировались на одном традиционном звене связи «адресант - текст (сообщение) - адресат» вне зависимости от разграничения персональной и надперсональной коммуникации.

Обычно оппозиция *персональной и надперсональной* коммуникации в лингвистике текста рассматривается с позиций

адресата: «В первом случае адресатом сообщения выступает конкретное (для отправителя) лицо или группа лиц. Во втором - сообщение адресуется анонимной (для автора) аудитории, исчисление которой в принципе невозможно» [Колегаева 1991: 5]. Отсюда вытекает деление коммуникации, исходя из количества собеседников, чаще адресатов, на внутреннюю (внутренний диалог одного человека), межличностную (диалог двух), коммуникацию малых групп (3-5 человек), публичную (20-30 и более), организационную (100 и более), массовую (1000 и более) [Почепцов 1996: 7]; или разграничение коммуникации на аксиальную (axis - ось), т.е. конкретно адресованную, и ретивальную (rete - сеть), т.е. массовую, где адресат - тот, кто находится в зоне передачи [Брудный 1998: 88]. Однако, на наш взгляд, оппозиция пер-сональности и надперсональности коммуникации прежде всего обусловлена коммуникативным поведением и речью адресанта-автора. М.М. Бахтин подчеркивал: «Всякое высказывание всегда имеет адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т.п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает» [1996, 5: 337]. Тем самым персональность заложена во всякой коммуникации, в том числе и в надперсональной. В семиотическом словаре А.Ж. Греймаса и Ж. Курте такое явление получило название *фокализации*, которая служит для того, чтобы «обозначить функцию, возлагаемую 122

говорящим на когнитивного субъекта, называемого наблюдателем, с целью введения этого субъекта в нарративный дискурс; эта процедура позволяет таким образом понять либо всю совокупность повествования (recit), либо только определенные прагматические программы» [1983: 549]. Такой субъект может квалифицироваться как планируемый адресат. Диалог автора с планируемым адресатом дает возможность адресанту в большей мере сосредоточиться на предмете речи и на своем отношении к нему, право на известную независимость от слушателя [Бахтин 1996, 5: 217]. А исходя из того, что даже зная собеседника, мы можем лишь предположить зону его понимания и реагирования, но не знать абсолютно, то всякая персональная коммуникация трансформируется в надперсональную, ибо адресант исходит из сферы собственного сознания и понимания. М.М. Бахтин и его последователи несколько иначе понимают надперсональность - как заложенную также в авторском сознании и стратегиях адресованность наадресату, «абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени (лазеечный адресат)» [1996, 5: 337]. Наадресат у М.М. Бахтина - это некий третий (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной совести, народ, суд истории, наука и т.д.): «Автор никогда не может отдать всего себя и все свое речевое произведение на полную и окончательную волю наличным или близким адресатам (ведь и ближайшие потомки могут ошибаться) и всегда предполагает (с большей или меньшей осознанностью) какую-то высшую инстанцию ответного понимания, которая может отодвигаться в разных направлениях» [1996, 5: 338]. М.М. Бахтин и его работы являются яркой иллюстрацией планирования такого наадресата в обстановке непонятости и неразделенности бахтинских позиций его временем. Апеллируя к суду времени как к наадресату, М.М. Бахтин прогнозировал будущего читателя своих работ, планируя его активно-ответное отношение. На наш взгляд, персональная и надперсональная коммуникация способны сочетать наадресатность с конкретной адресо-123

ванностью, потому что наиболее идеальным адресатом для адресанта служит он сам в случае гармонизации его сознания, ибо дисгармоническое сознание автора влечет к конфликтной расщепленности его программы адресованности.

И еще один важный аспект оппозиции персональности и надперсональности оказался забытым современной коммуникативной теорией в связи с рассмотрением данной антиномии с позиции автора-адресанта. Персональной может считаться также коммуникация с известным реципиенту автором, говорящим. Это как визуальное, пускай даже с незнакомцем, устное общение, так и письменная коммуникация (письмо от знакомого лица, распоряжение начальника, текст, автор которого и его творчество известны адресату и т.д.). Надперсональная коммуникация - та, автор которой неизвестен или не знаком читателю по причине временной отдаленности, коллективности и анонимности порождения текста и т.п. В последнем случае адресант как бы не должен быть составной частью коммуникативной модели, но все же его «я» или «мы» заложено в продукте его (их) лингвопси-хоментальной деятельности, поэтому всякая надперсональная коммуникация в этом аспекте становится персональной. Принимая же во внимание все ту же отделенность и неадекватность сознанию: авторского, заложенного в тексте, и читательского, - можно также сказать, что всякая персональная коммуникация для адресата является и надперсональной. Как видим, границы персональности и надперсональности двойственны и нечетки, поэтому данная оппозиция не меняет состава основного звена модели «адресант ~ текст - адресат», как не меняет его и то, что письменная коммуникация может иметь «отсроченную реализацию» [Колегаева 1991:

б], ибо буквенный код позволяет расширить ее в пространстве и времени [Жинкин 1982: 26].

3.1. Модель К. Бюлера

Моделирование коммуникации на заре XX века представляло собой примитивную схему соотношения языка с говорящим и собеседником или основывалось на семиоти-124

ческом представлении простого знака. В книге «Теория языка», написанной в 1921 г. и изданной лишь в 1934 г., К. Бюлер выдвигает оригинальную концепцию языка как органа, восходящую к Платону, утверждавшему, что язык есть орган для того, чтобы один человек мог сообщить другому нечто о вещи. Ученый обращается к феномену речи, который, по его словам, «постоянно возникает и в ходе взаимодействия между Я и ТЫ или в объединении МЫ, где это бывает совершенно регулярно. Одинаково далеки от истины закона все слишком обобщенные правила мудрых учителей, которые занимаются этим меняющимся, подобно погоде, явлением человеческой речи» [1993: 30].

Ученый предлагает собственную модель полного конкретного речевого события в совокупности с жизненными обстоятельствами, в которых оно встречается до некоторой степени регулярно. К. Бюлер [1993: 34-38] размещает язык в центре пространства в окружении предметов и ситуаций, отправителя и получателя (см. схему 4), коррелирующих с языком функционально в плане репрезентации, экспрессии и апелляции.

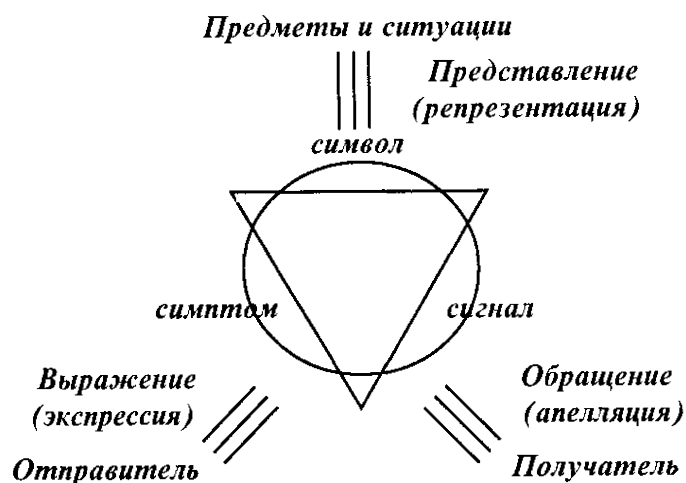

Схема 4

Круг в середине, по К. Бюлеру, символизирует конкретное языковое явление, три переменных фактора призваны поднять его тремя различными способами до ранга знака. «Три стороны начерченного треугольника символизируют эти три фактора. Треугольник включает в себя несколько меньше, чем круг (принцип абстрактивной релевантности). С другой стороны, он выходит за границы круга, указывая, что чувственно данное всегда дополняется апперцепцией. Множество линий символизирует семантические функции (сложного) языкового знака. Это *символ* в силу своей соотнесенности с предметами и положением дел; это *симптом* (примета, индекс) в силу своей зависимости от отправителя, внутреннее состояние которого он выражает; и *сигнал* в силу своего обращения к слушателю, чьим внешним поведением или внутренним состоянием он управляет так же, как и другие коммуникативные знаки» [1993: 34].

До К. Бюлера язык нередко связывался лишь с репрезентациями окружающего предметного мира и мира понятий по причине «бесчеловечности», по выражению Ю.Н. Кара-улова, научной парадигмы лингвистики того времени, т.е. отсутствия в ней антропоцентризма, исключая гумбольтов-скую традицию [Алпатов 1998: 275]. Значимость фактора субъекта практической и коммуникативной деятельности задолго до К. Бюлера рассматривал в своей семиотико-прагматической концепции Ч. Пирс. Примерно в одно время с написанием и изданием «Теории языка» К. Бюлера в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» обосновывались такие функции языка, как социально обусловленная, интеллекту-ализованная и аффективная (выражение эмоций вне связи со слушателем), поэтическая, направленная к самому знаку и изучавшаяся в связи с поэтическим стилем литературного языка. И все же, по нашему мнению, К. Бюлер первым предложил простейшую коммуникативную модель на основе трех семиотических функций языка, обосновал речевое действие и речевой акт в их единстве (см. 2.2.1), позиции коммуникантов в знаково-речевом процессе, использующих язык как симптом для выражения своей внутренней сущно-

126

сти и как сигнал для руководства и управления поведением адресата [1993: 40]. Репрезентационная функция языка рассматривалась ученым в соответствии с концепцией Ф. де Сос-юра о произвольности языкового знака: знак есть лишь репрезентант, символ означаемого и не имеет с ним никакой естественной связи. К. Бюлер, полемизируя с Ф. де Сос-юром в вопросе о независимости языка от отдельного говорящего, считал, что это положение действует лишь в определенных пределах: оно не реализуется при той степени свободы, когда осуществляется истинное «наделение значением» языкового знака или когда общность принимает инновации говорящих, творчески относящихся к языку [1993: 57].

57]. Тем самым К. Бюлер приходит к тезису об интересубъектности речи, ее конкретности применительно к участникам речевого акта. В предисловии к переизданию «Аксиоматики» Э. Штрекер пишет: «Повторное открытие партнера по речи представляет собой специальную заслугу Бюлера перед лингвистикой» [Бюлер 1993: XIX].

Тринадцатью годами ранее издания книги К. Бюлера в США выходит в свет ставшая основополагающей не только для американской лингвистики книга Э. Сепира «Язык». Э. Сепир, ученый широкого профиля, рассматривал язык в сопряженности с идеями других гуманитарных наук. В.М. Алпатов отмечает: «Такой широкий подход к предмету исследований выделял ученого не только среди американских лингвистов, но вообще среди языковедов его эпохи. Даже систематически выходившие за пределы внутренней лингвистики пражцы не занимались столь разнообразным кругом проблем» [1998: 210]. Э. Сепир не разрабатывал коммуникативной модели, более того, он даже считал, что коммуникативный аспект языка преувеличен, однако важным для рассматриваемой здесь проблемы является выделение им функций языка: главной - *символической*, представляющей средства для обозначения любых объектов; производных от нее *коммуникативной*, *экспрессивной*, определяющей как выражение себя говорящим, так и истолкование его речи слушающим; *социальной*, солидаризирующей человека с его

127

сообществом и устанавливающей контакт в нем (ср. фатическая функция у Р.О. Jakobson), *социально-культурной*, сохраняющей и воспроизводящей культуру, и, наконец, функции *воздействия* (ср. перлокуцию Дж. Остина и прагматические теории). Книги К. Бюлера и Э. Сепира были написаны приблизительно в одно время, поэтому влияние одного на другого было практически исключено. Однако их идеи функционального и антропоцентрического подхода к языку были чрезвычайно плодотворными для последующего решения проблемы текстово-дискурсивного моделирования.

3.2, Модель Р.О. Jakobsona

Функциональный подход к языку и к семиотическому процессу пражцев, К. Бюлера и Э. Сепира был транспонирован на коммуникацию Р.О. Jakobsonом. Уже работая в США, Р.О. Jakobson предложил модель коммуникативного акта, включающую шесть функционально обеспеченных компонентов (базисных функций коммуникации) [1985: 317] (см. схему 5).

Контекст

Адресант Сообщение Адресат Контакт Код
Схема 5

Характеризуя сущность своей модели, Р.О. Якобсон писал: «Мы анализируем сообщения с учетом всех относящихся к ним факторов, таких, как неотъемлемые свойства сообщения самого по себе, его адресанта и адресата, либо действительного, либо предполагаемого адресантом в качестве реципиента. Мы изучаем характер контакта между этими двумя участниками речевого акта; мы стремимся выявить код, общий для адресанта и адресата; мы пытаемся найти характерные общие черты, а также различия между операциями кодирования, осуществляемыми адресантом, и способностью декодирования, присущей адресату. Наконец, мы пытаемся определить место, занимаемое данным сообщением в контексте окружающих сообщений, которые либо при-128

надлежат к тому же самому акту коммуникации, либо связывают вспоминаемое прошлое с предполагаемым будущим, и мы задаемся основополагающим вопросом об отношении данного сообщения к универсуму дискурса» [Якобсон 1985: 319].

Структура модели Р.О. Якобсона содержит три момента, противоречащих иным положениям ученого.

Первый момент связан с наличием одного сообщения и неразграничением при этом двух точек зрения на него кодирующего и декодирующего. Как уже подчеркивалось ранее, Р.О. Якобсон отмечал обязательность различения двух подходов к тексту со стороны обоих участников коммуникации, указывая на два пути, которыми идут говорящий (от смысла, значения к речевому сообщению) и слушающий (от речевого сообщения к значению на основе вероятностных принципов). Однако в собственной модели это различие им не учтено и может быть выявлено лишь на основе функции контакта.

Вторым противоречивым моментом коммуникативной модели Р.О. Якобсона является отсутствие в ней компонента цели. Работая в составе Пражского лингвистического кружка, будучи одним из его основателей, Р.О. Якобсон выдвинул требование «анализировать все свойства языка, связанные с тем, что язык является инструментом, под углом зрения задач, для выполнения которых эти свойства предназначены» [1964: 374]. Ученый разрабатывал целевую модель языка, однако отождествление цели и функции языковых единиц, очевидно, стало причиной того, что цель не была перенесена им на коммуникативную модель.

Третьим противоречивым моментом концепции Р.О. Якобсона является несоответствие компонентного состава модели важному положению о соотношении сообщения с универсумом дискурса. Понятие универсума дискурса у Р.О. Якобсона не определено, однако по косвенным суждениям (например, о том, что лингвистика, исследующая обмен словесными значениями, должна входить в один комплекс наук с культурной антропологией, исследующей другие типы обменов в обществе), можно предположить, что таким универ-129

сумом является накопленный этносом или человечеством коммуникативный опыт, коррелирующий с системой культуры, науки, литературы. Эту идею Р.О. Якобсона развили М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман. Коммуникативная модель разрабатывалась Р.О. Якобсоном в одной из статей 1961 года «Лингвистика и теория связи» и позднее в работе «Лингвистика и поэтика» [1975], а также в ряде последующих статей на основе революционного на тот период функционального принципа смежности таких наук, как теория связи, кибернетика, лингвистика, литературоведение, поэтика, стилистика, теория информации и т.д.

Функционализм модели Р.О. Якобсона заключается также в выделении шести возможных функций коммуникации, сопряженных в идеальном (абстрактном) дискурсе, но асимметричных в реальном общении. При этом ученый связывал доминирование той или иной функции с определенным актом речи или с типом намерения, иллокуции (в терминологии Дж. Остина). Адресант реализовал *эмотивную* функцию как способ выражения своего «я», *конативную* как апелляцию к адресату; *референтивную* как кодирование говорящим определенного факта действительности, воспринимаемого в знаковой форме и декодируемого адресатом; *поэтическую* как создание автором определенной художественной формы сообщения, стиля; *метаязыковую* как использование адресантом языкового кода и доведения его до сознания адресата; *фатическую* как функцию поддержания и сохранения контакта с собеседником.

Семиотичность модели Р.О. Якобсона заключается в различении им кода и сообщения. Использование кода, каковым является язык, позволяет коммуникантам преобразовывать информацию указанными нами ранее способами: от смысла к тексту и от текста к смыслу. Адресант на основе текста (сообщения) может варьировать кодовые процессы и дозировать количество информации (ср. *Я играл на фортепиано и Я клавишей стаю кормил с руки* (Пастернак)), поэтому важным для процессов кодирования и декодирования, по Р.О. Якобсону, считается значение, в отличие от асемантического принципа в дескриптивизме и генеративно-трансформационном анализе З. Харриса, а затем и Н. Хомского. Положения Р.О. Якобсона о кодировании и декодировании нашли отражение в генеративной семантике и в перспективной комплексной многоуровневой модели «Смысл → Текст» И.А. Мельчука, А.К. Жолковского, Ю.Д. Апресяна, которые базируются на соответствии семантического компонента модели и глубинно-синтаксических корреляций исходя из данных о коммуникативной организации смысла.

В целом, модель Р.О. Якобсона стала базовой для последующих моделей, однако в отличие от его концепции, не учитывала многих составляющих коммуникативной ситуации, различия смыслов адресанта и адресата, а также замыкалась на абстрактном адресанте и сообщении, не принимая во внимание психоментальную, социальную и культурную сущность коммуникации. Е.Ф. Тарасов считал одним из главных недостатков модели Р.О. Якобсона также отсутствие положения «об общности коммуникативных средств и знаний коммуникантов» [Общение. Текст. Высказывание 1989: 23]. Примечательно, что это положение использовалось вне лингвистики Д.К. Берло, считавшем предпосылкой коммуникации общность коммуникативных навыков, установок, знаний социальной системы, культуры.

3.3. Информационно-технические модели коммуникации Р.О. Якобсон, подчеркивая различия кодирования и декодирования информации в акте коммуникации, отмечал наличие шума, помех при восприятии сообщения, хотя не ввел шум в компонентный состав модели. Считая шумом различие языковых систем коммуникантов на уровне опоры на коды (металингвистическая функция), ученый опирался на принципы теории связи, технические модели коммуникации.

В 40-50-х годах XX века коммуникация рассматривалась в двух ракурсах: лингвистическом и в качестве особой области молодой тогда математической теории информации. «Растаскивание» коммуникации по двум отраслям знаний вызывало либо призывы к интеграции коммуникативной теории (К. Леви-Стросс), либо критическое неприятие одной из

сторон (М. Хайдеггер).

Напротив, представители математической теории информации активно внедрялись в язык, считая его оптимальным средством информационного обмена. У. Эко цитирует слова одного из американских математиков, основателей математической теории информации У. Уивера (Вивера): «Когда я с кем-то разговариваю, мой мозг служит источником информации, а мозг моего собеседника - адресатом, мой речевой аппарат - передающим устройством, его ухо - приемником» [Эко 1998: 36]. В 1949 году У. Вивер и его коллега К. Шеннон предложили техническую метамодель передачи информации, своеобразную контактно-релейную схему (в СССР подобные исследования проводились академиком А.Н. Колмогоровым) (см. схему 6).

Схема 6

«К моменту появления в научной литературе этой схемы, -подчеркивает Е.Ф. Тарасов, - лингвистика не имела развитого понятийного аппарата для анализа речевого общения, так как речевое общение традиционно находилось на периферии или вообще за пределами исследовательских интересов языковедов» [Общение. Текст. Высказывание 1989: 20]. Данная техническая схема послужила одним из факторов 132

обращения лингвистики к речевой коммуникации.

В дальнейших разработках речевой коммуникации неоднозначное толкование получили компоненты данной модели, которые стали рассматриваться с лингвистических позиций. Так, каналом связи в лингвистике считается среда не только в физическом, но и в социальном, историческом и культурном смысле [см. Мороховский и др. 1991:15]. Уточнялось также понимание компонента шума. В технической модели, в отличие от модели Р.О. Якобсона, шум, возникающий в канале, модифицировал сигнал, поступающий от передатчика, в сигнал получателя. Понятие шума в акустике и радиоэлектронике рассматривалось как явления различной природы, обусловленные факторами внешнего и внутреннего порядка: дробовым эффектом, беспорядочными звуковыми колебаниями, фликкер-эффектом, тепловым и космическим излучением и проч. В речевой коммуникации источниками шума могут служить канал, коммуниканты и код. В теории информации для уменьшения риска ошибки из-за шума применяется введение и усложнение кода.

У. Эко предлагает несколько иную информационно-техническую модель коммуникации (см. схему 7); введя код как систему вероятностей, которая накладывается на равнове-

Схема 7

133

роятность исходной системы, обеспечивая тем самым возможность коммуникации.

Код устанавливает: 1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) окказионально-взаимоднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому [Эко 1998: 38-45]. Язык и речь с их системностью являются таким кодом. Одним из путей усложнения кода, считал У. Эко, является ввод элементов избыточности, снимающий энтропию - неупорядоченность, т.е. приведение неупорядоченности в совокупность вероятностей, организующихся в системе таким образом, что поведение ее становится предсказуемым [1998: 43]. Языковой код обладает высокой степенью избыточности. Многие исследователи указывали на тот факт, что возможности совершенствования литературной формы связаны с наличием в языке высокой избыточности [Гальперин 1974: 36]. Исходя из формулы величины информации всякого языка А.Н. Колмогорова:

$Y = h^{\wedge} + h$, где h - величина информации языка, h^{\wedge} - избыточность языка, т.е. возможность передать одно содержание разными способами (лингвистическая энтропия), причем при $h^{\wedge} = 0$ поэзия невозможна [Ревзин 1962: 229]; лишь баланс системы языка и избыточности может привести к коммуникативному обмену информацией. Г.Г. Почепцов (мл.) отмечает значительную предсказуемость человеческого языка, приводя слова К. Шеннона

о 50% предсказуемости английского языка [1996: 10]. В любом языке существует две тенденции: к избыточности, повышающей предсказуемость и уменьшающей энтропию коммуникации, и к экономии, также повышающей предсказуемость, ибо снятие несуществующих компонентов может повысить скорость обработки информации. Кроме того, «многие сжатые речения ... обладают способностью разворачиваться в большом количестве вариантов» [Гальперин 1974: 35].

В современной теории информации фундаментальной считается несколько модифицированная модель передачи информации (см. схему 8).

134

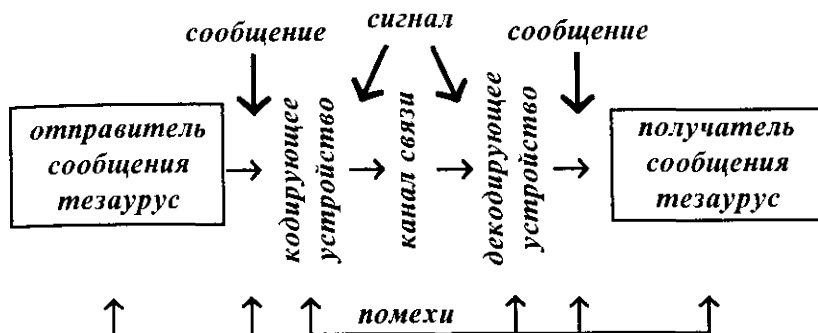

Схема 8

Характеризуя данную модель, А.Н. Мороховский отмечает значимость в ней компонента блока памяти, или тезауруса, у получателя и отправителя сообщения. Данный блок представляет собой не только запас знаний, которыми обладает человек, но и всю совокупность его чувственного и эстетического опыта [Мороховский и др. 1991: 14]. Важным в данной модели является возможность ее транспонирования на вторичные коммуникативно-семиотические системы особого кодового характера (поэзия, музыка, живопись и т.д.). Разграничение отправителя и кодирующего устройства, получателя и декодирующего устройства подчеркивает асимметрию сигнала для адресанта и адресата, отраженную в наличии двух сообщений. При этом помехи постоянно сопровождают информационную передачу, в отличие от модели К. Шеннона и У. Вивера, где шум - принадлежность канала. Коммуникативный шум в данной модели возможен при несовпадении тезаурусов, несовершенстве кодовых устройств, самого кода, несоответствии среды общения.

Данная информационно-техническая модель является перспективной, но остается линейной, незамкнутой, не учитывающей погруженности живой коммуникации в бытие и культуру, а также целевых и стратегических аспектов общения.

135

3.4. Семиотические модели текста, дискурса

Моделирование коммуникативной ситуации как семи-озиса изменило сущность самой семиотики, существенно расширив ее границы. А.Ж. Греймас и Ж. Курте подчеркивали: «Поскольку термин «дискурс» неуклонно стремится отождествиться с термином «семиотический процесс» и даже стать метонимическим обозначением той или иной частной семиотики в целом..., то заново встанет проблема определения семиотики (как объекта познания и как предмета науки, конструируемого описанием)» [1983: 491]. А.Ж. Греймас предлагает семь компонентов коммуникативной ситуации:

субъект; объект; адресат; субстанция, способствующая или мешающая коммуникации; пространственный и временной конкретизаторы и субстанция, к которой принадлежит субъект или частью которой является объект. Однако моделирование дискурса им осуществлено не было, а значит не были установлены корреляции данных компонентов.

Семиотической можно назвать условную модель Ю.М. Лотмана, которая вытекает из всей его концепции. Г.Г. Почепцов (мл.) предлагает представить ее в таком виде [1996: 12] (см. схему 9):

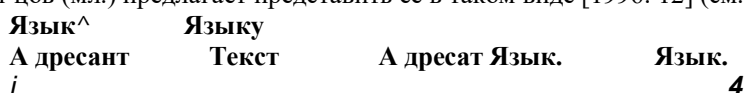

Схема 9

На наш взгляд, эта схема дана упрощенно, достаточно вспомнить приведенное нами ранее положение о семиосфере и семиотическом универсуме. Опираясь в том числе на данную модель, попытаемся изложить сущность коммуникативной концепции Ю.М. Лотмана.

Прежде всего, любой текст, по Ю.М. Лотману, погружен в семиосферу и универсум, причем «части входят в целое не как механические детали, а как органы в организм» [1992, 1: 17]. Каждый текст сам представляет собой целое, замкнутое своей структурной самостоятельностью. По отношению к целому 1"

универсуму текст обнаруживает свойство изоморфизма. «Подобно тому как лицо, целиком отражаясь в зеркале, отражается так же и в любом из его осколков, которые, таким образом, оказываются и частью, и подобием целого зеркала, в целостном семиотическом механизме отдельный текст в определенных отношениях изоморфен всему текстовому миру, и существует отчетливый параллелизм между индивидуальным сознанием, текстом и культурой в целом» [Лотман 1992, 1: 17-18]. Адресант и адресат, по Ю.М. Лотману, не изоморфны, однако они порознь изоморфны семиосфере, это позволяет им обмениваться информацией, т.е. коммуницировать.

Оценивая модель Р.О. Якобсона как существенный вклад в семиотическую науку, Ю.М. Лотман модифицирует ее на основе тезиса о том, что «в механизме культуры коммуникация осуществляется минимум по двум, устроенным различным образом каналам» [1992, 1: 76]. В едином механизме культуры обязательно наличествуют изобразительные и словесные связи - два различных канала передачи информации, что, как отмечает ученый, в модели Р.О. Якобсона отсутствует. Исходя из идеи деавтоматизации литературного языка, ученый вводит в коммуникацию «Я - ОН» четыре языка: два словесных и два изобразительных на основе перехода «Я - Я¹» к «ОН - ОН¹» через текст. Ю.М. Лотман [1992, 1: 77] представляет отношения «Я - Я¹» в схеме 10 таким образом:

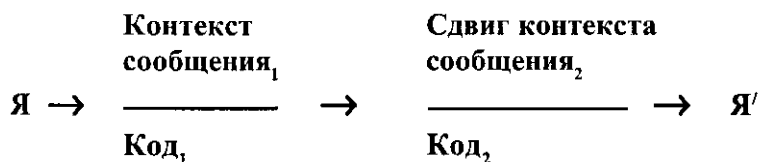

Схема 10

«Текст в канале «Я - Я'» имеет тенденцию обрастать индивидуальным значением и получает функцию организатора беспорядочных ассоциаций, накапливающихся в сознании личности. Он перестраивает ту личность, которая вклю-

137

чена в процесс автокоммуникации» [1992, 1: 83].

Словесный язык «Я» - это механизмы устойчивости, гарантирующие текст от искажения, от индивидуальной вариативности кодирующих устройств [1992, 1: 26]. Однако эта индивидуальная вариативность, обусловленная творческим кодированием и декодированием, отражается в изобразительных языках «Я» и «ОН». Ю.М. Лотман как бы вводит понятие нового текста как многоязычного, многократно зашифрованного образования, которое в рамках любого из отдельно взятых языков раскрывается лишь частично. Создавая такой текст по схеме **Я - Язык1** (текст простого типа) - **Язык** (нетривиальный текст) - **Текст** (знак), адресант передает его адресату, который декодирует его по той же системе и получает исходный смысл: Текст (знак) - **Язык** (изобразительный) - **Язык4** (словесный). Различие словесного и изобразительного языков Ю.М. Лотман объясняет исходя из асимметрии левого и правого полушарий головного мозга человека, парности органов чувств, создающей, например, стереоскопичность видения мира. Ученый считает, что любой текст не может быть адекватно описан в перспективе только одного языка: «Мы можем сталкиваться со сплошным закодированным двойным кодом, причем в разной читательской перспективе проявляется то одна, то другая организация...» [1996: 432].

Выдвигая тезис о порождении текстом нового языка, исследователь подчеркивает, что нетривиальный текст обнаруживает черты интеллектуального устройства, обладающего памятью, и, включаясь в коммуникативную цепь, создает иные новые сообщения, исходя из личности адресата, хранящего в памяти некоторые предшествующие сообщения, т.е. обладающего памятью культуры. К примеру, семиотическую ситуацию дискурса Ю.М. Лотман называет «взрывным переходом» от состояния Природы к состоянию Культуры [1992, 1: 28].

Отсутствие зеркального отражения текста «Я» в сознании «ОН» Ю.М. Лотман считает двигателем прогресса, средством саморазвития и сохранения, энтропийного равновесия семиосферы и человечества. Одним из факторов «дол-

138

гой жизни», сохранения текста в культуре, семиосфере является обеспечивающееся временем переформулирование основ структуры текста: «он вступает во взаимодействие с неоднородным ему сознанием и во время генерирования новых смыслов перестраивает свою структуру, но при этом это переформулирование не должно переходить границ свободы смыслов, которых нет в тексте» [Лотман 1996: 434]. Такое разрушение текста, по мнению ученого, иногда приводит к культурному взрыву: «Чем сильнее разрыв и чем труднее дешифруется новое текстовое вторжение средствами кадров «материнского» текстового кряжа, тем динамичнее состояние, в которое попадает культура в целом» [1996:

435]. Так произошло при вторжении христианских текстов в семиосферу народов Европы.

Семиотическая модель Ю.М. Лотмана является оптимальной для художественных текстов, однако не раскрывает многих составляющих коммуникации в целом, к примеру интенциональности, структуры сознания коммуникантов, референтных отношений и т.д. Кроме того, требует разграничения понятие семиосферы и семиотического универсума:

первое представляет собой систему знаковых реализации одного кода и соотносится с устойчивыми прототипами речевых жанров, текстом, стилей; второе охватывает все знаковые продукты этноса или цивилизации. Семиосферы в таком случае служат компонентами семиотического универсума.

Семиотическое моделирование коммуникативных процессов осуществляется и в компьютерном программировании. Так, ученица Р.Г. Пиотровского Е.А. Шингарева представила знаковую модель в виде стереометрической двойной пирамиды с общим базисом - концептуальным треугольником, в углах которого денотат, десигнат и коннотат, в вершинах пирамид - референт как объект мира и имя. В коммуникативном акте этот знак сфокусирован на адресата [Шингарева 1987]. Данная модель имеет чисто прикладное значение, она апробирована, однако ее целью является лишь структурная разработка языкового знака, могущего иметь коммуникативный потенциал.

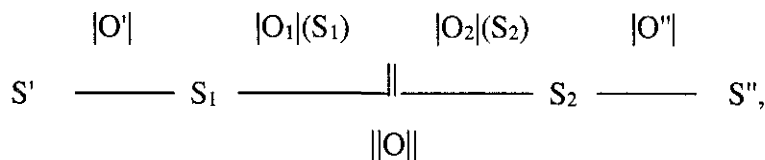
139

3.5. Прагмалингвистические модели дискурса

В современной прагматической теории следует выделить ряд перспективных моделей дискурса.

Первая - макросинтагма коммуникации Э.Р. Атаяна, в основу которой положен феноменологический методологический принцип - объект, репрезентируемый высказыванием, исследуется не сам по себе, а в связи с тем, как его наблюдает субъект, причем сами субъекты также рассматриваются как интериоризованные друг другом объекты интенционального созерцания и переживания. Э.Р. Атаян дает общее определение коммуникации как «объектно-направленной интенционально-телеологической деятельности интра-ин-терсубъектного характера, в котором акцентируется интересубъектный (социальный или квазисоциальный) аспект языковой знаковой деятельности: синтагматика субъектов, -тогда как аспекты интрасубъектный (парадигматика субъектов) и объектный (предикативный и квазипредикативный) включены в интересубъектный как дополнительные» [1981: 3-4]. Интра-интерсубъектный характер коммуникации можно соотнести с двумя языками «Я» и «ОН» в модели Ю.М. Лотмана, однако доминирующим у Э.Р. Атаяна являются интересубъектные отношения «Я - ОН», т.е. их синтагматика, остальные же не менее важные аспекты рассматриваются как дополнительные к главному.

Макросинтагма Э.Р. Атаяна имеет следующий вид (см. схему II):

^хема л

где S , и S^{\wedge} - непосредственные участники коммуникации, S' - предмет сообщения для адресанта; $IO II$ - факторы коммуникации, / $O' I$ - объект сообщения, представленный в языковой форме. Его репрезентация в сознании говорящего закреплена в формуле / O , / (S), а / O_d / (S^{\wedge}) представляет восприятие информации адресатом. / $Q'' I$ - выражение адресата в предмете сообщения, S'' - предмет сообщения для адресата [1981: 12].

Данная макросинтагма учитывает прагматический фон (эмпирические границы чувственного восприятия объекта), условия коммуникации, ее асимметрию, интенциональность, результативность. Однако данная модель линейна, симметрична в плане зеркальности операций «языковая форма - содержание - смысл» для адресанта и наоборот «смысл - содержание - языковая форма» для адресата. Неясным также является различие звеньев $IO'' I$ и / O_j (S^{\wedge}) и их расположение: если $IO' I$ представляет языковую опосредованность сообщения, то процесс его восприятия адресатом начинается с сенсомоторной стадии, логично появление $IO'' I$. Кроме того, наличие интенции и реакции коммуникантов, очевидно, зашифровано в некоем предмете сообщения для адресанта и адресата, однако в модели это не выражено.

В концепции Э.Р. Атаяна перспективным представляется выделение в типологии коммуникативных процессов интраобъектной коммуникации ($0 \leftrightarrow$) как коммуникативного отчуждения объекта, его существования без связей, т.е. нулевой коммуникации. Этот тип значительно расширяет представление об информационном обмене до уровня имплицитной субъектности объектов, что приводит к мысли о сопряженности познавательных и коммуникативных процессов:

непознанный текст или явление не включены в семиосферу или память культуры, но потенциально они могут быть познаны и восприняты. В результате текст займет свое тривиальное или нетривиальное место, в последнем случае, возможно, станет катализатором семиосферы (ср. крах старых теорий и появление новых в науке; роль находки «Слова о полку Игореве» для русской литературы).

Вторая рассматриваемая нами прагматическая модель принадлежит И.П. Сусову, творчески развившему идеи Ч. Пирса и Ч. Морриса [см. 2.3]. Ученый представил замкнутую многореляционную модель, введя в нее два сигнификата - содержания: порождаемого адресантом и воспринимаемого адресатом, - а также две **прагматемы**: намерение (интенцию) и интерпретанту. Важным в модели И.П. Сусова является разграничение одного высказывания (форма знака) и двух смыслов, исходящее из прагматической знаковой концепции Ч. Пирса. В основе прагматической модели - треугольник, включающий два антропоцентра-коммуниканта и референтную ситуацию как контекст высказывания. Все составляющие метасхемы взаимно соотнесены и обусловлены (см. схему 12).

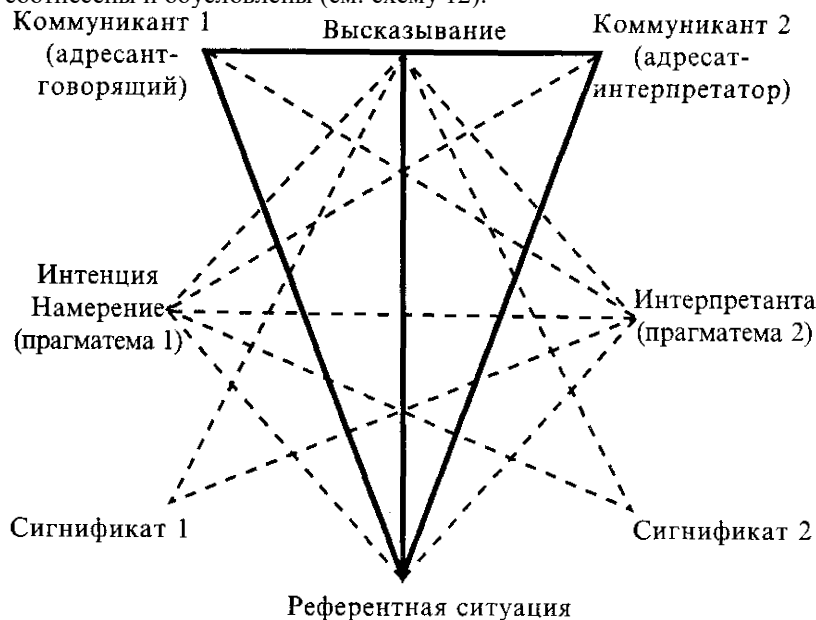

Схема 12

Критически пересмотрев знаковую модель Ч. Морриса, И.П. Сусов подчеркивает, что она «не учитывает того, что знаки (как простые, так и сложные) являются посредниками не столько между интерпретатором, с одной стороны, и интерпретантой и десигнатом, с другой, сколько они опосредуют коммуникацию между участниками общения» [1990: 130-131].

Модель И.П. Сусова содержит лишь одну референтную ситуацию, что возможно обычно в устной спонтанной речи при ее практически одновременном порождении и восприятии. В письменно-печатной коммуникации в соответствии с концепцией текстового времени Х. Рейхенбаха не менее двух режимов: режим порождения, режим интерпретации и режим событий, описываемых в тексте. А значит сведение текста к корреляции с одной референтной ситуацией возможно далеко не всегда. В данной модели отсутствует и компонент семиосферы, культурного кода этноса, не выражены структуры сознания коммуникантов в единстве их интенции, сигнификатов, интерпретанты, коррелирующих, но как бы оторванных от адресанта и адресата.

Попытка фиксации фрагмента такого единства представлена в модели И.С. Шевченко (см. схему 13), где дискурс осуществляется в проекции на лингвокультурный уровень коммуниканта - вариативную картину мира отдельной личности, базирующуюся на общей для эпохи базовой инвариантной картине действительности, «через прагматический уровень языковой личности - специфику мотивов и целей ее поведения, управляющей текстопроизводством, иерархию смыслов и

ценностей - в ее языковой модели мира» [Шевченко 1999:153].

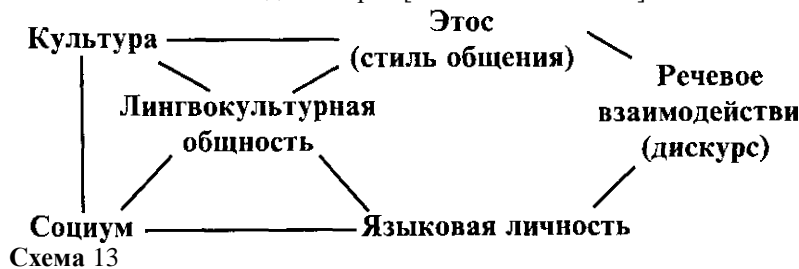

Схема 13

В своей речеактовой модели И.С. Шевченко демонстрирует внутреннюю структуру акта речи как состоящую из трех блоков: антропоцентрического (адресант, адресат, интенция), блока условий и способов реализации речевого акта (ситуативный, контекстный, метакоммуникативный аспекты), центрального блока (локутивный, денотативный, иллюкутивный аспекты) [1998: 43]. Данная модель является перс-

143

пективной и для изучения целостной коммуникативной ситуации, хотя при этом требуется ее сопряженность с первой моделью в ракурсе внешней и внутренней диалогичности.

3.6. Диалогическая модель коммуникативной ситуации

Необходимость интегративного учета собственно коммуникативных и экстралингвальных факторов дискурса обусловила разработку нами иной модели коммуникативной ситуации, базирующейся на концепции диалогичности гуманитарного познания М.М. Бахтина и новейших психолингвистических, лингвопрагматических, семиотических и культурологических теориях.

Предлагаемая нами модель включает пять модулей - самостоятельных функциональных узлов, диалогическое соотношение которых обеспечивает осуществление коммуникативного процесса: модулей адресанта (автора), адресата (читателя), текста как знаковой формы организации дискурса, интериоризованного бытия лингвокультурной общности и модуля кода культуры, науки и других семиосфер, т.е. семиотического универсума (см. схему 14).

Модуль адресанта включает сферу его сознания, в сопряженности с коллективным бессознательным опосредующую порождение высказывания, текста. В сфере сознания адресанта как ментально-психонетическом континууме, включающем пять психических функций: мышление (вербальное, невербальное), ощущения, чувствования, интуицию и транс-ценденцию (см. 2.4), - происходит лингвопсихоментальный процесс порождения текста исходя из замысла и интенции, базирующихся на мотиве и прогнозирующей установке. Процессы внутреннего программирования и затем вербализации осуществляются путем высвечивания (селекции) фрагментов как пропозиционального компонента, так и ассоциативно-терминальной сферы нетривиальной, неистинной информации. Коннекции данных сфер с образами и другими психическими функциями обуславливают в соответствии с замыслом и интенцией словесно-изобразительный код текста (язык[^]) и реализует его во внешней речи, в вербальной форме. 144

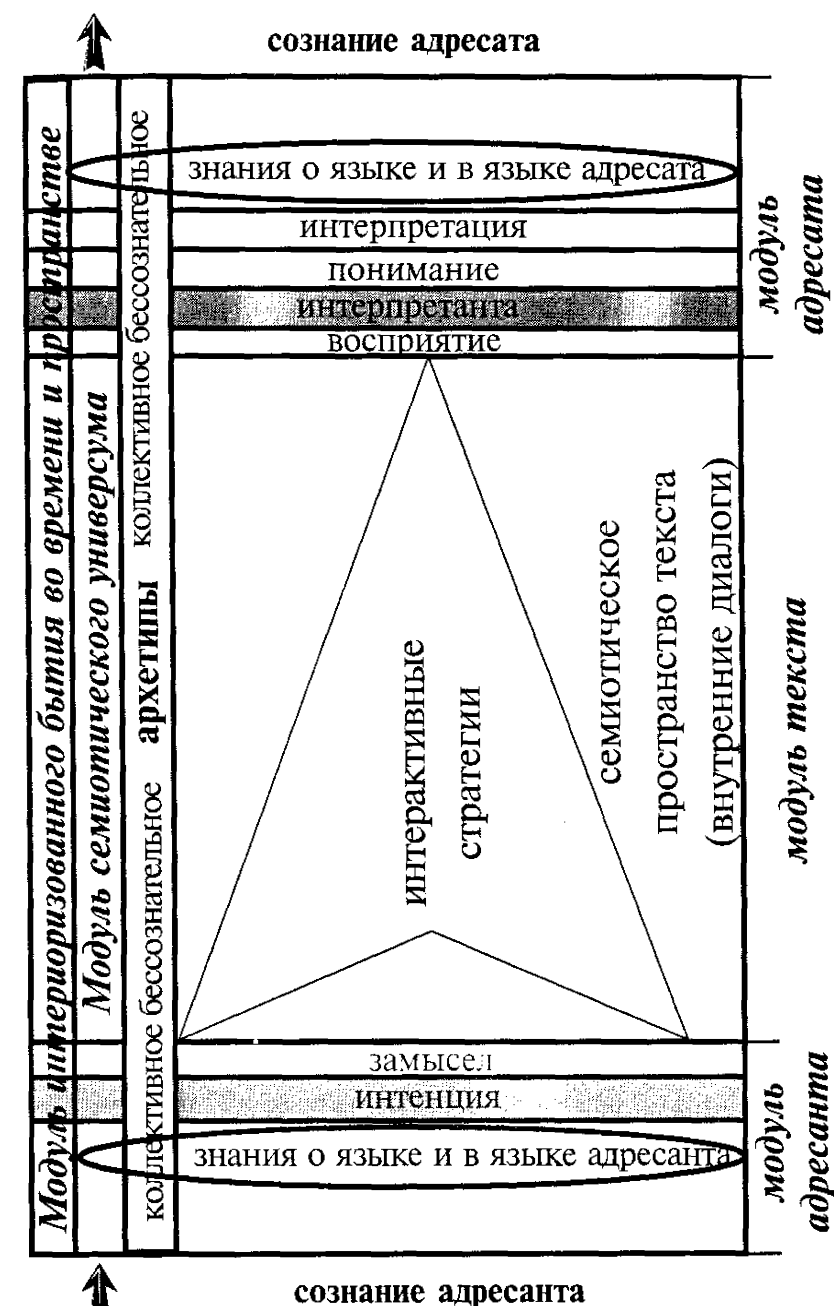

Схема 14
145

Знаковая природа текста опирается на ментальный лексикон - знания о языке и в языке. Знания в языке - это существующая в языковой форме информация, ибо «значительный объем информации приобретает нами через тексты и устные речевые произведения (лекции, выступления, беседы, сообщения и т.п.). Это любые описания мира - научные, художественные, фольклорные, отразившиеся на нашей концептуальной модели, но прошедшие перед этим вербальную обработку другими говорящими и потому приходящие к нам тоже в языковой форме» [Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира 1988: 145]. К знаниям в языке относятся сведения о речевой системе, речевых жанрах, стилях. Знания о языке - это информация о языковой системе как уровнево-категориальной иерархии, о семантике, синтактике и прагматике языковых знаков.

Модуль адресата также представляет собой сферу сознания реципиента текста, обеспечивающую восприятие, а на основе интерпретанта - понимание и интерпретацию. Интерпретанта рассматривается нами как предрасположенность понимания текста интерпретатором, исходящая из непосредственного восприятия (опознания) сообщения и сферы сознания, коррелирующей с семиотическим универсумом и интериоризованным бытием. Сложность корреляции модуля адресата с другими модулями коммуникативной ситуации нашла отражение в принципах рецептивной эстетики, согласно которым понимание смысла художественного произведения требует анализа истории его вхождения в культуру и бытие и истории опыта культурного становления реципиента. Последнее как раз и формирует интерпретанту модуля адресата.

Модуль текста (высказывания) является семиотическим пространством, репрезентирующим авторский концепт и интерактивные стратегии как встроенную в знаковую форму программу, отражающую стиль и манеру общения в зависимости от коммуникативной компетенции, цели адресанта по отношению к адресату(ам). Р. Паррэ определял стратегию текста как вписанную в текст вероятностную структуру должен-

146

ствования, отражающую развитие программы порождения или предписывающую программу восприятия [1986: 73].

Модуль интериоризованного бытия, в которое погружены все компоненты модулей коммуникантов и текста, есть осознанная лингвокультурной общностью действительность либо на этапе порождения, либо в режиме интерпретации, либо

в аспекте знаковой репрезентации событий действительности в тексте, создающей превращенный, имитированный мир - коррелят не бытия, а его интериоризации коммуникантами. Осознанная действительность многопла-нова и включает интериоризацию социума, природы, мира вещей, отношений и т.д. Погруженность коммуникантов в ин-териоризованную референтную ситуацию может иметь и конкретный характер ситуации осуществления непосредственной спонтанной коммуникации в режиме «сейчас здесь».

Модуль семиотического **универсума**, развивающийся в диалогическом соотношении с предыдущим модулем во времени и пространстве, представлен семиосферами научных текстов, художественной литературы, искусства, культуры и т.д. Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн приходят к выводу, что уровень текста не является наивысшим уровнем языка. Таким уровнем они считают уровень культуры: «Культура выходит за пределы совокупности или даже системы текстов и растворяется в социуме» [1991: 10].

Ситуативная сопряженность всех модулей в коммуникации сопровождается процессором **коммуникативного шума**, возникающего либо в сфере бытия, либо по причине семиотической аномальности текста в универсуме, либо в сфере сознании коммуникантов из-за расхождения ментальных лексиконов, тезаурусов, либо из-за недостаточной или неправильной текстовой программы интерпретации и т.д. (см. 4.4).

Диалогическое взаимодействие всех модулей обеспечивает осуществление дискурса. Диалогический механизм дискурса является всеобъемлющим и разноаспектным, имея в каждом звене специфическое проявление.

Концепция диалогичности в одном из ее аспектов утвердилась в лингвистике начиная с В. Гумбольдта, который понимал язык как имеющую целью взаимопонимание совокупность актов речевой деятельности [1984: 70]. В философской герменевтике Ф. Шлейермахера также постулировался принцип диалога. Однако и у В. Гумбольдта, и у Ф. Шлейермахера диалогичность представлена лишь в общем положении о коммуникации как о диалоге между адресантом и адресатом, посредником которого является текст. Ограничив диалогичность простым речевым взаимодействием двух антропоцент-ров, В. Гумбольдт считал язык - энергией лишь одним из объектов лингвистики: «Через описание формы мы должны установить тот специфический путь, которым идет к выражению мысли язык... Надо абстрагироваться от того, как он функционирует для обозначения предметов и как средство общения, и вместе с тем с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью» [1984: 69, 73].

Даже разработка под влиянием Л. Витгенштейна и лингвистической философии теории речевых актов в западной лингвистике (Дж. Остин, Дж. Серль, П. Стросон) середины XX века не вскрыла сущности коммуникативного (диалогического) акта, обратившись к абстрактному, инвариантному говорящему, учитывая слушателя как пассивного наблюдателя, не фиксируя его активную ответную позицию. Прагматическая концепция Ч. Пирса и Ч. Морриса с их ориентацией на адресата содержала в себе элементы диалогично-сти, именно этим основоположникам прагматики американская лингвистика во многом обязана активизацией дискурсивных теоретических и экспериментальных исследований.

И все же, как отмечал М.М. Бахтин, лингвистика, начиная с В. Гумбольдта, «не отрицая коммуникативной функции языка, старалась отодвинуть ее на задний план как нечто побочное; на первый план выдвигалась функция независимого от общения становления мысли» [Бахтин 1996, 5: 167].

Несмотря на фиксирование лингвистикой еще с античных времен коммуникативной функции языка и далее пассивной позиции слушающего, язык оставался монологическим средством общения, хотя ориентация многих лингвистических исследований была антропоцентрической. Сущностью лин-148

гвистики длительное время была интерпретация чужого, мертвого текста, его кодификация и трансформация в плане пригодности для процесса научения [Волошинов 1993: 66].

Внедрение в лингвистику исследовательских принципов прагматизма и дискурсивности (диалогичности) изменило взгляд на сущность языка, ибо, как совершенно справедливо отмечает А.В. Джонсон в «Трактате о языке»: «Из-за неправильного понимания нами природы языка было потрачено впустую больше времени, энергии и гения, чем из-за всех других ошибок и иллюзий, которым подвержено человечество. Это неизмеримо замедлило развитие нашего естественнонаучного знания в любой области и испортило то, что не могло замедлиться» [Цит. по: Клакхон 1998: 175].

В русской лингвистике зарождение интереса к диалогичности детерминировано активизацией в начале и середине XX века исследований речи, процессов ее порождения, действительностного аспекта языка. Разграничение активной и пассивной грамматик Л.В. Щербой, введение им в речепорождение фактора восприятия, адресатности; концепция диалога Л.П. Якубинского, разработки Московской психологической школой вслед за Л.С. Выготским теории речевой деятельности обусловили методологический поворот к пониманию языка прежде всего как коммуникативного (диалогического) феномена в противовес идеалистической лингвистике XIX века.

Наиболее значимыми для методологического переворота науки второй половины XX века стали идея М.М. Бахтина о диалогичности гуманитарного познания и ее разработка применительно к речевым жанрам, тексту, лингвогно-сеологии. Концепция диалогичности М.М. Бахтина оказала влияние на все последующее развитие теории литературы, текстологии и теории коммуникации. Понимание диалогичности М.М. Бахтиным не исчерпывалось активно-ответным характером речи и текста, а распространялось на ряд аспектов коммуникативного процесса и познания в целом.

Исходя из модулей коммуникативной модели следует выделить несколько аспектов диалогичности.

Первый - **гносеологический** - представляет диалогические отношения модулей коммуникантов с интериоризованным бытием в процессе восприятия и познания ими окружающего мира, социума, природы, с одной стороны, и языковых стереотипов, с другой. Сосуществуя с окружающим миром и познавая его, человек диалогизирует, участвуя в диалоге мира и социума, формируя отношения к миру и видение себя, социума в этом мире. **Без** такого гносеологического диалога невозможны человеческое бытие и культура.

Гносеологический аспект диалогичности разрабатывается М.М. Бахтиным на основе философского изучения одной из наиболее популярных в 20-30-е годы XX века категориальной антиномии личности, предмета и вещи. Обосновывая диалогичность личности и мира как предмета, рассматривающегося как «вещь, что располагается перед нами» [Хайдеггер 1991: 14], ученый апеллировал к Платону, к кантианской и неокантианской философии, релятивизму Б. Рассела и Р. Карнапа, идеалистической философии жизни В. Диль-тея, феноменологической позиции Г.Г. Шпета, платонизму А.А. Мейера, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, А.Ф. Лосева и других, творчески перерабатывая их концепции, оппонирова или

следуя им. Полемизируя с Г.Г. Шпе-том, максимально сближающим личность, предмет и вещь («я есть предмет», «я есть социальная вещь» [Шпет 1994:

101]), М.М. Бахтин рассматривал возможность двустороннего акта познания-проникновения, диалогичности через неотождествимость личности и вещи; предметом гуманитарных наук от считал «выразительное и говорящее бытие» [1996: 8], что до сих пор неоднозначно воспринимается в бах-тинистике, ибо бытие употреблено ученым не в традиционном философском смысле. Думается, что, поскольку этим словам предшествуют высказывания о невозможности мертвой вещи и о том, что всякое целое (природа и все ее явления) в какой-то мере лично, то выразительное и говорящее бытие, по М. Бахтину, - это словесная и культурная фиксация сущего личностью творца выразительных и говорящих вещей. Эти персонифицированные вещи и составляют предмет 150

гуманитарных наук, а их объектом является скрытое диалогическое отношение интериоризованного бытия как персонифицированного явления литературы, искусства, культуры, с одной стороны, и личности адресанта, с другой. В плане текста соотношение личности и вещи транспонируется на антиномию личности и языка и далее - текста и языка. Диалогическое же отношение личности и природы заключается, по М. Бахтину, в пантеистическом одухотворении природы и ее взаимодействии с человеком: бог не дан в мире субстанционально, но субстанции как бы диалогизируют с личностью на основе бога, то есть слышатся через его («Бог внутри меня и вне меня»). Такая идея близка воззрению А.А. Мейера, М. Бубера, М. Хайдеггера и даже к арелиги-озной теории Логоса Г.Г. Шпета. Диалог подразумевает некую общность, но не субстанциональный монолит личности и вещи, текста и языка, "а функциональное единство, предполагающее одновременно и неслиянность, и нераздельность. Эту общность в терминологии кантианства и неокантианства следует толковать как отношение, ставшее основой релятивизма позитивистов и структуралистов. Приоритетами М.М. Бахтина всегда были реляции диалогичности, отношения Я и ТЫ, общего духовного кровообращения (по С.Л. Франку), а не МЫ как субстанциональное онтологическое единство, ведущее к монологизму. Однако релятивизм М.М. Бахтина функционален и не влечет за собой эфемерности и отрицания целостности компонентов соотношения, а фиксирует такое соотношение. Ученый усиленно привлекает к нему внимание исследователей, требуя ориентации на диалогичность при анализе речи, текста, культуры.

Язык как порождение этнического антропоцентрического диалога с бытием также диалогизирует с коммуникантами. Владение человека словесным и изобразительным языками и одновременное их использование в дискурсивной деятельности есть не что иное, как диалог с языковыми стереотипами, с чужим словом. По словам М.М. Бахтина, коммуникант пленен ими, ибо система языка есть знаковое хранилище человеческого опыта, знаний, культуры. Вывать-151

ся из плена стереотипов можно с помощью человеческой фантазии, новых парадоксальных теорий, порождения нестандартных текстов. Порождая текст, человек вступает в диалог словесного и изобразительного языков, которыми он владеет. Диалогичность человека и языка противостоит той монологической по сути концепции, абсолютизирующей языковую детерминированность мышления (ср. гипотеза Се-пира-Уорфа). Отталкиваясь от гипотезы Сепира-Уорфа, американские антропологи утверждают: «Человек видит и слышит то, к чему его делает чувствительным грамматическая система языка, то, что она приучила его ждать от восприятия.... Человек, выросший в той или иной языковой среде, воспринимает последнюю как часть самой природы вещей, всегда остающихся на уровне фоновых явлений» [Клакхон 1998: 190]. Такой жесткий изоморфизм языка и мышления на основе языковой стереотипизации разрушается там, где начинается диалог, ибо всякий диалог есть выход из круга языка с использованием как аналогий, так и аномалий.

В диалоге словесного и изобразительного языков заложена внутренняя программа развития языка, существующая на основе его гомоморфизма с мышлением. Свободное от языковых структур мышление с участием иных функций сознания является потенциалом как языкового, так и человеческого развития. М.М. Бахтин подчеркивал: «Познанный мир необычайно расширился, изменился, обогатился, дифференцировался за тот период времени, в течение которого язык почти не изменился» [1996: 232] (имеются в виду фонетическая и грамматическая подсистемы языка - Е.С.). Ученый связывает неизменность языка и изменчивость мира с появлением контекстуальных значений языка, исходящих из свободного от языка мышления, ибо, действительно, «именно в контексте возникают благоприятные предпосылки для изменения прагматического значения, интегрированного с семантикой языковой единицы» [Минкин 1998: 21]. Замкнутость в языковом круге стереотипов неизбежно обусловила бы столкновение системы и среды, приведшее к разрушению системы или к поглощению среды. Второе по сути дестабили-152

зировало бы систему и создало бы иную (ср. обветшание стилей и их разрушение).

Второй аспект диалогичности - **культурно-исторический** - заключается в погруженности модулей коммуникантов и текста в культурный, научный код (семиотический универсум), развивающийся во времени и пространстве. Диалогизируя с бытием, адресант и адресат порождают и декодируют текст, вступая также в диалог с семиосферами человеческой культуры, искусства, науки, литературы. Как подчеркивал Ю.М. Лотман, семиосфера, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, при этом сохранив целостность универсума. Причиной этой целостности является то, что в основе всех коммуникативных процессов лежит инвариантный принцип, допускающий увеличение внутреннего разнообразия семиосферы [1992, 1: 20].

Текст как продукт авторской диалогичности также вступает в диалог с семиосферой как при порождении, так и при восприятии и понимании. «Каждое высказывание, - пишет М.М. Бахтин, - реплика диалога, и монолог - полно отзвуками чужих высказываний» [1996, 5: 223-224]. Диалогичность текста с семиосферой имеет прокурсивно-рекурсивную направленность. Рекурсивный диалог текста заключен в привлечении чужих текстов или их фрагментов семиосферы в том ее состоянии, в котором она находится на момент порождения или декодирования текста. Рассматривая сущность высказывания в отличие от предложения в работе «Проблема речевых жанров», М.М. Бахтин противопоставляет структуралистской концепции В.В. Виноградова и усматривает в высказывании обязательный компонент отношения к слушателю и к чужой речи [Бахтин 1996, 5: 228]. Высказывание, как бы ни было оно монологично, «наполнено диалогическими обертонами, без учета которых нельзя до конца понять стиль высказывания. Ведь и самая мысль наша... рождается и формируется в процессе взаимодействия и борьбы с чужими мыслями, и это не может не найти своего отражения и в формах словесного выражения нашей мысли»

[Бахтин 1996, 5: 197]. Текстово-дискурсивная категория интертекстуальности (термин введен последовательницей М.М. Бахтина Ю. Кристевой) эксплицируется рекурсивно в цитатах, аллюзиях и проч. (см. 5.11.) М.М. Бахтин распространил ее

сеть на замысел, тему, идею текста, погруженных в знаковое пространство культуры.

Важнейшим достижением бахтинской теории является также прокурсивный характер диалогичности, в том числе интертекстуальности. Подобно сюжету Р. Брэдли о герое, убивающем в прошлом бабочку и возвратившемся на машине времени в уже совершенно другое, измененное прошлым настоящее, М.М. Бахтин моделирует возможность влияния текста на последующую культурную традицию, говоря о перспективной диалогичности текста с семиосферой. Такая диалогичность отражается как на будущих речевых жанрах, так и на всем последующем развитии литературы и культуры: «Произведение - звено в цепи речевого общения; как и реплика диалога, оно связано с другими произведениями - высказываниями - и с теми, на которые оно отвечает, и с теми, которые на него отвечают» [Бахтин 1996, 5: 178].

Диалогичность текста и семиосферы может рассматриваться более конкретно, в плане диалога между текстом и текстовой парадигматикой, заложенной в семиосфере цивилизации, этноса, группы. Это парадигматика жанра, стиля, темы, индивидуально-авторская. По М.М. Бахтину, диалогичность возникает и между текстами одного речевого жанра. Ю.М. Лотман значительно расширил данный аспект диалогичности за счет соотношения текста с семиотическим универсумом, включающим не только семиосферы вербальной коммуникации, но и музыки, живописи, архитектуры, науки и т.п. Диалогичность коммуникантов и текста с семиотическим универсумом имеет различные проявления, требующие обобщения и систематизации.

Третий аспект диалогичности - **непосредственно коммуникативный** - состоит в диалоге авторского сознания посредством воплощения в тексте его интенции и замысла с читательским. В устной речи коммуниканты контактируют не-

посредственно и вербально-опосредованно. в письменном или печатном надресатном общении автор диалогизирует прежде всего с самим текстом, не имея возможности его скорректировать в процессе читательской рецепции, с текстом же вступает в диалог его адресат. Причем, по словам М.М. Бахтина, «понимание не дублирует понимаемое; такое пассивное дублирование было бы бесполезно для общества» [1996: 216]. Диалог автора и текста, текста и читателя создает не два разобщенных мира и не общий один, снимающий всякое различие между говорящим и понимающим, а новый третий мир. М.М. Бахтин разграничивает две позиции автора: автора-творца и автора-функцию, - последний находится в диалогических отношениях с текстом и «с чужим живым и полноправным сознанием» [1996, 5: 342]. Тем самым автор-творец, вступая в диалог с автором-функцией, опосредует диалог последнего с текстом, персонажами (ср. «внутреннее сопротивление» Базарова автору-функции Тургенева) и с читателем, диалогизирующим с текстом и авторской программой адресованности, проходящим психоментальные стадии его восприятия, понимания и интерпретации. «Говоря, - подчеркивал М. Бахтин, - я всегда учитываю апперцептивный фон восприятия моей речи адресатом:

насколько он осведомлен в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения... - ведь все это будет определять активное ответное понимание им моего высказывания» [1996, 5: 201]. Ю.М. Лотман объясняет механизм, лежащий в основе диалога и допускающий его, зеркальной симметрией порождаемого и воспринимаемого текстов (энантиоморфизм): «С одной стороны, системы не тождественны и выдают различные тексты. А с другой, они легко преобразуются друг в друга, что обеспечивает текстам взаимную переводимость... Для того, чтобы диалог был возможен, участники его должны одновременно быть различными и иметь в своей структуре семиотический образ контрагента,... энантиоморфизм, является элементарной «машиной» диалога» [1992, 1: 21].

Читательское понимание и интерпретация имеют внут-
155

реннюю и внешнюю диалогичность. Интерпретируя чужой текст, читатель диалогизирует на основе своей погруженности в интериоризованное бытие и семиосферы культуры - с текстом и с самим собой, переводя понимаемый смысл на собственный словесный или изобразительный язык. Внешняя диалогичность читательской интерпретации проявляется в соотношении ее с другими интерпретациями, в том числе с авторской, чужими мыслями о чужом тексте, что обусловлено нередко открытостью текста.

Одним из средств создания свободно-вариативной интерпретации является заложенная автором или реализованная в процессе декодирования программа **внутренней диалогичности** текста. М.М. Бахтин прослеживает этот аспект, названный нами текстовой диалогичностью, на примере диалога раздвоенной личности в творчестве Ф.М. Достоевского на фоне специфики текстовой организации пространства, заключающейся в пороговости личности на грани выхода из жизни, на грани Inferno [1975: 74]. Так, внутренняя диалогичность сил зла в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» сконцентрирована в авторском концепте произведения, с наибольшей отчетливостью эксплицированном в эпиграфе: *"Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо"*.

М.М. Бахтин указывает также на диалогичность речи персонажей и авторской речи, ибо «все персонажи и их речь являются объектами авторского отношения (и авторской речи)... У Ф.М. Достоевского, где персонажи - идеологи, автор и такие герои (мыслители-идеологи) оказываются в одной плоскости» [Бахтин 1996: 321]. Причем диалог происходит между автором-функцией и персонажами, реже образом автора и персонажем (разговор «автора» с Онегиным). В разработанной нами диалогической модели дискурса внутренние диалоги находятся в семиотическом пространстве модуля текста и сопряжены с авторским концептом и интерактивными стратегиями в ракурсе всеобъемлющей ди-алогичности дискурса.

Представленная модель - это лишь некая абстрактная схема, однако множественные реляции диалогичности внутри и вне модулей динамизируют ее, допуская возможность ее приложения к конкретным коммуникативным ситуациям.

156

РАЗДЕЛ 4. ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВЛЯЮЩИХ ДИСКУРСА

Проблема стратификации коммуникативной ситуации, дискурса является в современной лингвистике одной из сложных и недостаточно разработанных по причине разнообразия конкретных ситуаций вербального информационного обмена, различающихся темой, целями, стратегиями, типами реагирования адресатов, особенностями интерактивности и проч. Несмотря на многообразие дискурсивных типов, исследователи коммуникации постоянно обращались к общей стратификации коммуникативной ситуации, исходя из положения о системности речи, дискурса. По мнению Е.В. Сидорова, «образуя единое, органичное целое, он [акт речевой коммуникации - Е.С.] имеет достаточно сложное внутреннее строение. Изучение акта речевой коммуникации в системно-компонентном аспекте должно дать ответ на вопрос, из каких компонентов состоит данный акт, взаимодействие каких компонентов лежит в основе его системности» [1987: 9].

Попытки выявления составляющих коммуникативной ситуации находили отражение прежде всего в разработке ком-

муникативных моделей (см. раздел 4). В теории дискурса последнего десятилетия обычно используются в качестве его компонентов участники коммуникации, контекст нелингвистический как знание мира вне языка, которые мы используем для его интерпретации [Cook 1990: 10]; физические, социальные и культурные параметры ситуации. Помимо данных компонентов исследователи дополняют состав коммуникативной ситуации паралингвистическими факторами, интертекстом [Cook 1995: 1]; жанром дискурса, тематикой и целями коммуникации [Nunan 1993: 78].

В теории коммуникации, кроме элементной стратификации, производится уровневая. Исследователи рассматривал

157 ют коммуникативную ситуацию как трехуровневую, совмещающую формально-семиотический, когнитивно-интерпретационный и социально-интерактивный уровни [Сусов 1988:

7-13]. Первый соотнесен с вербально-знаковой формой репрезентации дискурса - текстом, второй - со смыслами, в нем заложенными и интерпретируемыми адресатом, третий связан со взаимодействием коммуникантов в социальной среде, соотношением их целей, стратегий и реакций. Данные уровни имеют природу сквозного взаимодействия для компонентов дискурса, ибо, к примеру, текст представляет собой как [превращенную] предметно-знаковую форму дискурса, так и результат когнитивно-порождающей деятельности адресанта, когнитивно-интерпретационной деятельности адресата, служа посредником их социально-интерактивного взаимодействия. М.В. Ляпон отмечает: «Интересно, что при попытке сформулировать адекватное представление о тексте мы сталкиваемся с одной трудностью, которая, как нам кажется, весьма показательна: даже если исходить из наиболее «статической» и «отчужденной» его концепции..., представить природу текста в отрыве от его живого источника, от его реального производителя - человека - удастся с трудом» [1986: 4].

Таким образом, коммуниканты, сферы их сознания и текст как посредник общения являются наиболее значимыми компонентами коммуникативной ситуации. Иные компоненты находятся в определенных устойчивых отношениях с ними и определяют способ и особенности реализации коммуникативного взаимодействия.

4.1. Коммуниканты

В каждом коммуникативном акте актуализируются две деятельностные фазы: коммуникативная деятельность адресанта и коммуникативная деятельность адресата. «В их взаимодействии, - отмечает Е.В. Сидоров, - отправитель сообщения.. не воспроизводит деятельность получателя сообщения подражательно, как не воспроизводит подражательно получатель сообщения коммуникативной деятельности от-158

правителя» [1987: 69]. В диалогическом общении позиции коммуникантов «инверсируются», по ходу диалога осуществляется коррекция их целей, вербального кода, замысла, типов реакций и т.д. В текстовой, опосредованной коммуникации происходит самокоррекция автора в сочетании с текстовой коррекцией, ибо процесс порождения текста может существенно изменить и авторские цели, и замысел, и само продвижение сюжета, развитие логической последовательности. Коррекция со стороны читателя (слушателя) возможна лишь в плане свободно-вариативной интерпретации, направленной не на изменение вербального кода текста, а на модификацию его когнитивного содержания.

Коммуникант является важнейшей составляющей любого дискурса, личностью со свойственной ей структурой сознания. Личность коммуниканта не есть абстрактный, средний эталонный носитель языка, а конкретная индивидуальность, погруженная в дискурс, формирующая цель, план речевых действий, поведение в дискурсе, контролирующая и корректирующая его [Караулов 1987]. А.А. Пушкин отмечает: «Способ организации дискурса невозможно рассматривать без личности, так как само понятие «способ» предусматривает экстерииоризацию внутренних свойств личности на результат ее деятельности - дискурс» [Язык, дискурс, личность, 1990: 52]. Между коммуникантом и способом коммуникации наблюдается взаимная связь: дискурсивные возможности личности прогнозируют способ организации, порождение, восприятие, понимание и интерпретацию дискурса. Личность коммуниканта, с одной стороны, статична и постоянна, но, с другой, она динамизируется, корректируется интенциями, интерпретантой собеседника, его типом реагирования и самим способом ведения дискурса.

Характеристика личности коммуниканта имеет два аспекта: ее структурирование и типологизацию.

Первый аспект связан с абстрактным моделированием компонентов сознания и бессознательного, которые задействованы при порождении и восприятии текста в дискурсе, что было рассмотрено нами в 2.4. Исходя из вычленения в структуре сознания коммуникантов ментального лексикона как знаний о языке и в языке, ученые предлагают выделить в структуре личности **языковую личность**. Между понятием личность и языковая личность существует отношение пересечения (реже - включения второго в первое), ибо лишь часть структуры сознания манифестируется в языке, речи коммуниканта, которая не всегда выражает авторское мировоззрение. Ю.Н. Караулов вводит понятие личности **тезауруса** как способности говорящего на данном языке создавать тексты на основе индивидуальных знаний о мире, зафиксированных в значениях слов и их ассоциативных комплексах в соответствии с национально-психическим складом ума и личной заинтересованностью в интерпретации обозначаемых (или воспринимаемых) фактов [1985: 12-18]. Конкретная коммуникация той или иной личности высвечивает лишь релевантные интенции и реакции коммуникантов, часть внутреннего лексикона, которая является лишь верхушкой айсберга когнитивных стратегий, замысла адресанта и когнитивного интерпретационного пространства адресата, а также различных рефлексов их как личностей. Языковая личность есть превращенное отображение в знаковой форме личности коммуниканта, ибо ее манифестация в речи, тексте носит обычно модельный, имитированный характер. В целом, личность коммуниканта рассматривается как «сложная подвижная незамкнутая диссипативная самоорганизующаяся система, связанная многообразными отношениями с окружающей средой, которая, собственно, и служит источником мотивации его речевых поступков» [Тарасова 2000: 5].

Ссылаясь на Э. Берна, И.П. Тарасова отмечает, что коммуникант предстает как одновременно целостная личность и совокупность ряда ипостасей. Лингвистика общения, учитывая разнообразные коммуникативные факторы, вычленяет в структуре личности коммуниканта *я* телесное (физическое), *я* социальное, *я* интеллектуальное, *я* психологическое (эмоциональное) и *я* речемыслительное. Ипостаси *я* имеют различные формы манифестации [1993: 70]. В структуре языковой личности Ю.Н. Караулов выделяет три уровня: вербально-семантический (нулевой), тезаурусный (первый), мотивационно-прагматический (второй) [1987: 60]. Все три уровня, как и ипостаси личности находятся в сложных диффузных отношениях. Е.В. Тарасова рассматривает структуру коммуниканта сквозь призму трех контекстов в проекции на уровни Ю.Н. Караулова:

микрореконтекста - межличностного, отражающего «микроэтнографию общения» [Erickson 1998] и характеризующего

говорящего как конкретную языковую личность, реализующую в данном коммуникативном эпизоде свою конкретную коммуникативную интенцию;

макроконтекста - более широкого, социокультурного контекста, характеризующего говорящего как представителя своего социума и своей (субъектной) культуры;

метаконтекста - контекста мысли и знания, характеризующего ту концептуальную систему, в рамках которой говорящий мыслит и которая отражает сложившееся в данном социуме видение мира [2000а: 273-274].

В дискурсе личности коммуникантов представлены следующим образом: адресант для себя, адресант в тексте (высказывании), адресант для адресата, адресат для себя и адресат для адресанта в случае непосредственно адресованной речи или надперсональный гипотетический адресат (ср. четырехступенчатое разграничение только авторского сознания в исследованиях субъектных отношений литературы Ижевской школы Б.О. Кормана [1972]: собственно автор, автор-повествователь, лирический герой, герой ролевой лирики; два последних - сложные художественные образы текста). Наличие такой двойной, а то и тройной включенности коммуникантов в дискурс создает всевозможные лазейки для неистинности дискурса, нарушающей один из постулатов-максим эффективности речи. Коммуникант скрывает свои истинные намерения и предстает в ином фокусе как на основе высказывания, так и исходя из его восприятия адресатом. Так, Чичиков, предложив Манилову составить на мертвые души купчую, делает успешную попытку предстать перед собеседником в положительном свете: *«Мы напишем, что они живы, 161*

так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон - я немею пред законом» (Гоголь). Перед нами фрагмент **квазидискурса**, т.е. коммуникативной ситуации, моделируемой сознанием автора в художественном произведении, однако он дает представление о тройственной манифестации личности Чичикова: как образа-типа, созданного Н.В. Гоголем, ибо «автора нельзя отделять от образов и персонажей, так как они входят в состав этих образов как их неотделимая часть (образы двуедины, а иногда и двухголосые)» [Бахтин 1996: 321]; как коммуниканта, представленного в этой ситуации, и как собеседника, интерпретируемого в данном случае Маниловым.

Расщепление личности коммуниканта в художественном тексте обуславливает предположение о возможном рассмотрении художественной литературы как неистинного дискурса, ибо в ней «нет зеркального отображения или повторения реальности. Литература спасается тем, что там постулат правдивости в обычном обыденном понимании не действует» [Почепцов 1996: 95-96]. Следует подчеркнуть, что любой текст не может быть зеркальным отображением действительности, ибо он - лишь символическая репрезентация ин-териоризованного бытия или внутреннего рефлексивного опыта личности, но неистинность художественной литературы в том, что автор и читатель оперируют имитированной референцией, возможными мирами, внося в интерпретацию даже реальных событий свое собственное видение и воссоздавая тем самым себя не как личность, а как функцию.

Анализ **личности автора** текста как коммуниканта (ср. *autor* -лат. виновник, учредитель, основатель, податель мнения) имеет важное, если не главное значение для декодирования читателем текстового концепта, для максимального приближения к авторскому замыслу, для оптимального соответствия авторской интенции реагированию на текст. М.М. Пришвин в дневнике писал: «Писателя и вообще художника я понимаю так, что в его произведении лично он как человек со-162

вершенно не виден, но если кто хотел бы допытаться о личности этого художника, желая понять его произведение и с этой стороны, то чтобы для тайновидца открывались бы все сокровеннейшие, все самые затаенные человеческие уголки души художника без всяких комментариев. Да, если по-настоящему напишешь, то в конце концов разберут тебя всего» [1986: 242]. Вопрос состоит в том, что такое «написать по-настоящему»? Думается, в дискурсе автор-личность репрезентирует не себя, а либо часть себя, либо себя-модель, идеального себя. Поэтому-то и возникает понятие «языковая личность» как определенный вербальный рефлекс, превращенная модификация личностной сферы адресанта в тексте.

М.М. Бахтин выделил две стадии объективации автора-человека: «Выразить самого себя - это значит сделать себя объектом для другого и для себя самого («действительность сознания»). Это - первая ступень объективации. Но можно выразить и свое отношение к себе как к объекту (вторая стадия объективации). При этом собственное слово становится объектом и получает второй - собственный же - голос» [1996, 5: 314]. Думается, «присутствие» в тексте автора не ограничивается двумя стадиями объективации. Писатель способен переключать регистры стиля и представлять в иной ипостаси - чужого голоса (ср. рассказы М. Зощенко, песни В. Высоцкого). Это и есть третья ступень объективации - заключить в себя в рамки «другого», чужого сознания. Автор-функция подобен актеру, он перевоплощается, меняя вербальный код, стиль, упрощая или усложняясь, нередко «на потребу» читателя. Вообще коммуниканту присуще свойство, повышающее эффективность дискурса и способствующее достижению перлокутивного эффекта, - переход на позицию **«Ты»**: говорить, как ты, о том, о чем ты хочешь слышать, что тебе близко, т.е. коммуникативное соавторство говорящего со слушающим, поиск общего языка со слушающим [Винокур 1993]. В коммуникативной теории такая стратегия названа **«переключением кодов»** (codeswitching) [Dolinsky, Bensimon 2000: 1253-1257], приспособлением под чужой регистр: молодого поколения под старое, взрослых под детей и наоборот. В художественном тексте такое переключение автора-функции приобретает концептуализирующее значение, ибо его личность в дискурсе определяющая: ей в большей мере подчинено семиотическое пространство текста, реципиент же имеет дело с уже готовым знаковым продуктом.

Историческое направление в литературоведении сделало необходимым изучение текста на фоне биографии автора, его личности, что дает представление о единстве и об общем смысле его творчества, культурном сознании определенной эпохи. Русская психологическая школа проявила еще больший интерес к авторской личности. Д.Н. Овсянко-Куликовский разработал теорию личности, ее структуру и обуславливающие ее факторы. Г.О. Винокур обратился к понятию «стиль личной жизни» автора, использующемуся для изучения текстов писателей, творчество которых тесно связано с их личностью (М. Лермонтов, В. Гаршин, А. Блок и др.). Новые аспекты изучения взаимодействия личности и творчества проявились в психоанализе З. Фрейда, позитивизме И. Тэна (идея об основном характере конкретного общества, отраженном в творчестве), герменевтике В. Дильтея (биография как фактор достижения особой интимности понимания), интуитивизме А. Бергсона (единственным критерием художественности служит оригинальность, неповторимость бескорыстной, в отличие от интеллекта, интуиции автора). Каждый методологический поворот в гуманитарных науках по-новому рассматривает фактор человека, творца текстов. В лингвистике текста фактор биографии автора, его личности получил определение

психологического контекста.

Таким образом, личность коммуниканта в дискурсе предстает в нескольких разновидностях: человек-коммуникант, коммуникант-функция и интерпретируемый коммуникант. Коммуникант-функция может быть в той или иной мере приближен или отдален от коммуниканта-человека, но именно на него чаще всего ориентировано восприятие адресата. Все три типа находят отражение в структуре языковой личности, речи, идиостиле. **Идиостиль** - это не только вербальное семиотическое пространство текста, но и пре-164

ломляющееся в нем мировоззрение, способ мысли адресанта, способ его «превращенное™» в чужое сознание. Словесный идиостиль, по мнению К.А. Долинина, создается не столько введением новых элементов, сколько более или менее их оригинальной комбинацией и варьированием [1987: 13]. Бесспорно, языковые средства предельны, но множественность их комбинаций является основой разнообразия идиостилей.

Личность адресата также тройственна: обращаясь к нему непосредственно или в надперсональном сообщении, адресант интерпретирует адресата, апеллируя к нему как к функции, человеческая же сущность адресата заключена в нем самом, определяя интерпретацию сообщения, текста, в том числе и интерпретацию адресатной ориентации текста как рефлекса особой коммуникативной активности автора; текстовую стратегию, воплощающую вписанную в текст и идентифицируемую в ходе его интерпретации вероятностную программу интерактивности [Воробьева 1993а: 6, 54]. Адресат-функция как раз и становится целью апеллятивной, или конативной, фа-тической, функции высказывания (К. Бюлер, Р.О. Якобсон). Учет говорящим, автором адресата-функции заставляет первого заботиться об организации речи, используя эксплицитные и имплицитные метатекстовые показатели - инструкции слушающему, как распределить свое внимание, чтобы информация была воспринята оптимальным образом [Шмелева 1988: 168-202]. В художественном тексте адресатом-функцией становится воображаемый читатель, нередко воплощающийся в художественный образ-персонаж. Метатекстовые показатели исходят от автора-функции *«Для читателя будет не лишним познакомиться с сими двумя крепостными людьми нашего героя... Но автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем и с этой стороны, несмотря на то что сам он человек русский, хочет быть аккуратен, как немец»* (Гоголь).

Установление границ языковой личности коммуниканта при такой множественной репрезентации автора и адресата в художественном тексте представляется довольно сложным, ибо необходимо рассмотреть языковые средства в про-

165

екции на знания исследователя о личности автора-творца, об авторе-функции и интерпретируемом читателем авторе.

В структуре сознания коммуниканта можно выделить **дискурсивное** сознание, направленное непосредственно на реализацию дискурса и коррелирующее с другими составляющими сознания. Дискурсивное сознание включает коммуникативную компетенцию (Д. Хаймс) - систему знаний о правилах речевой коммуникации, ее процедуре, этикете, ритуале, отражающую взаимодействие интеллектуального, социального и вербального в поведении коммуниканта; интенцию - цель коммуникативного акта; интерпретанту - возможности реагирования и восприятия; ситуативные фоновые знания - знания о ситуации общения и о собеседнике и т.д.

От рассмотрения структуры личности коммуникантов зависит разграничение их типов. Н.Д. Арутюнова установила роли адресата в различных по планируемому перлокутивно-му эффекту речевых актах: исполнитель, подпевала, жертва (подсудимый), контрагент, информатор, конфидент, «добрая душа» [1981: 356-367]. Изучение коммуникативных ролей адресанта и адресата на основе различных типов речевых актов, дискурсов представляется весьма плодотворным и перспективным.

В научной литературе существует несколько подходов к типологизации коммуникантов. Первый подход, наиболее частотный - **социально-ролевой**, ибо коммуникант нередко участвует в общении не как глобальная личность, а как «параметризованная», выявляющая одну из своих социальных ролей или доминирующую в ряде других. В отличие от **социальной функции**, характеризующей более или менее постоянный статус коммуниканта, **социальная роль** определяется поведением «здесь» и «сейчас» с учетом ожиданий общества к человеку, находящемуся в данной социальной функции [Добрович 1984: 75]. Социальные роли делятся на *статусные* и *позиционные* (первые даны от рождения как принадлежность к классу, полу, вере, этносу и т.п., вторые соответствуют социальной функции человека - его месту в обществе) [Белл 1980:

137]. Кроме того, коммуникант может реализовать **ситуаци-**166

отивные роли, более вариативные и присущие конкретной ситуации (друг, покупатель, обидчик и проч.) [Азнаурова 1988]. Социальная и позиционная роли коммуникантов являются факторами **коммуникативного** статуса, определяемого О.Г. Почепцовым как коммуникативные права и обязанности участника речевого взаимодействия и его реализации [1989: 41-42]. Данные параметры обуславливают тип интерактивности (кооперативной или конфликтной), предписывая ей набор речевых средств. При первом типе интерактивности коммуникативные статусы равноположны и равнозначны, при конфликтном взаимодействии их статусы конкурируют в борьбе за повышение собственного статуса и понижение коммуникативного статуса соперника. Знание коммуникативного статуса, типов социальных и позиционных ролей собеседника чрезвычайно важно в дискурсе, ибо способствует коммуникативному равновесию и сотрудничеству или, по крайней мере, оправданию ожиданий. Коммуникативный статус может быть жестким (фиксированным) и вариативным (мобильным) в зависимости от ролей коммуникантов и их стремления к сотрудничеству, соперничеству или конфликту. Мобильность социальных ролей одного коммуниканта может служить средством его успеха в достижении целей или создавать в художественном тексте комический эффект (Остап Бендер, Чичиков, Шариков и др.). Социально-ролевой подход используется в психосемантике и социологии, разделяя коммуникантов на основе экстраполирования наиболее общих черт представителей определенных социальных и этнических групп (стереотипов): типичный врач, судья, актер, студент, азербайджанец, русский, украинец [Петренко 1997]. Тип ролей коммуникантов обуславливают и речевые роли, определяющиеся репертуаром речевых средств, употребляемых в данной ситуации общения [Тарасова 1992: 65], а также типы речевых ситуаций.

Популярной в лингвопрагматике является выделение социально-ролевой ситуации «начальник - подчиненный» и анализ в связи с этим **авторитарного** дискурса, участники которого разделены определенной «дистанцией власти» (power distance). А.А. Пушкин, рассматривая это различие социального статуса коммуникантов, дифференцирует связанные с ним типы речевых актов: категорически-директивных, позитивной самооценки, негативной оценки деятельности адресата, унижения, иронизирования, издевательства, угрозы, пренебрежения и проч. [Язык, дискурс, личность 1990: 59].

Второй подход - **лингвоментальный**, связан с построением классификации коммуникантов на основе типов высшей нервной деятельности И.П. Павлова. Так, И.М. Прожого-на описывает типы языковых личностей в зависимости от речевой инерции: «В соответствии с психологическим и лингвосоциотическим подходами выделяются два противоположных типа языковых личностей - понятийно-логический и ассоциативно-художественный» [1998:2-15]. **Понятийно-логический** тип характеризуется логической, структурной организованностью речи, аргументированностью содержания, употреблением прямых значений, слов с обобщенной семантикой. Разновидностями данного типа, по мнению И.М. Прожогой, являются рационально-последовательный (тип ученого), фазово-перифрастический (тип учителя), парадоксальный (ученый, писатель с парадоксальным подходом к объекту изучения или описания, человек с неординарным типом логического мышления).

Ассоциативно-художественный тип обладает ассоциативным способом построения высказываний, образностью; использует метафоры, символы, сравнения, синонимические ряды, повторы. Его разновидностями считаются словесно-ассоциативный (тип прозаика-реалиста), образный (тип поэта-лирика), эгоцентрический (тип импрессиониста), аль-тер-эгоцентрический (тип автора текстов потока сознания). Однако следует отметить, что данные типы практически невозможны в чистом виде и являются некой абстракцией наиболее существенных черт личности. Об этом и говорит сама автор работы: исследовав тип коммуниканта-телеведущего, она приходит к выводу о том, что благодаря гибкости лингвокоммуникативных свойств, данный тип определяется как «хамелеон», т.е. личность с зависящими от ситуации способностями.

Третий подход ~ **психологический** - был представлен в работах К.Г. Юнга, рассматривавшего личность как отражение информационной модели сознательного и подсознательного уровней человека. К.Г. Юнг выделил четыре типа интровертов и экстравертов: чувствующих, интуитивных, ощущающих, мыслительных [1997].

А.С. Баронин, транспонировав классификацию **К.Г. Юнга** на этнические общности, выявил интегральные типы этносов, задаваемые господствующими в них отношениями [2000: 225], что может быть использовано для создания типологии личностей коммуникантов:

**Этническая общность Психологический тип
по К.Г. Юнгу**

норвежцы, шведы	чувствующие интроверты
китайцы	чувствующие интроверты
японцы	интуитивные интроверты
народы Африки	интуитивные экстраверты
арабы	мыслительные интроверты
американцы	мыслительные экстраверты
англичане	ощущающие интроверты
народы Южной Америки	ощущающие экстраверты
испанцы	ощущающие экстраверты
французы	чувствующие экстраверты
итальянцы	чувствующие экстраверты
немцы	чувствующие интроверты

На основе психологических типов К.Г. Юнга в соционике устанавливаются разновидности психологических отношений членов этнических групп [Гуленко 1996], что может проецироваться на дискурсивную практику этноса и межкультурную коммуникацию, например, дискурс ведения международных переговоров. **Так**, для японцев характерны миражные отношения, это влияет на тактику ведения переговоров: «Выражение чувств - как положительных, так и негативных - плохо сказывается на ходе переговоров... Таким образом, терпение и стремление к установлению взаимопонимания дадут гораздо лучшие результаты, чем конфронтация»

169

тационный стиль ведения переговоров... Японцы стремятся не вступать в открытое противоречие с собеседником» [подробнее см. Баронин 2000: 143-145].

Знание типа коммуниканта и умение на основе данных знаний выработать правильные стратегии ведения дискурса являются одними из факторов коммуникативной кооперации и эффективности.

4.2. Коммуникативные стратегии

Коммуникативная стратегия - это эвристическое интенциональное планирование дискурса для достижения его участниками кооперативного результата. Соотнеся стратегию с планом, ученые представляют ее в виде некоторой комбинаторики промежуточных целей, а непосредственную реализацию такой комбинаторики - в виде тактики [Романов 1992: 69]. Результатом коммуникативной ситуации может быть как **коммуникативное сотрудничество**, так и коммуникативный конфликт. В первом случае отношения между коммуникантами названы симметричными, во втором - асимметричными. **Коммуникативный конфликт** - это несовпадение коммуникативных стратегий участников дискурса, результатом чего обычно является прекращение коммуникации, возможно, сопровождающееся пролонгированным развитием конфликта (следует отличать данный конфликт от психологического, социального, политического). В новейших психологических исследованиях помимо коммуникативного сотрудничества и конфликта выделяется третий результат - **коммуникативное соперничество**, которое считается здоровым общением, как и кооперация [Ишмуратов 1996: 18], хотя соперничество может быть и конфликтным, болезненным с точки зрения достижения согласия.

Ч. Фернандо определяет коммуникативные стратегии как способ достижения победы, преимущества в интеллектуальном поединке, как сложную когнитивную модель (гештальт) обобщения прошлого опыта, включающего личностные, локальные, деятельностные и иные параметры, организованные в сознании и памяти определенным образом [Fernando 1996: 110-111].

Думается, что достижение преимущества является стратегической доминантой только определенных типов речевых актов, например, директивов, или авторитарного типа дискурса. Для акта информирования, обучения и др. избираются иные стратегии. Коммуникативные стратегии исходят из интенции и служат основой сквозной когнитивной программы проведения дискурса, управления им (discourse management). Самым общим их ориентиром является успешная реализация контакта [Gumperz 1982] на трех его стадиях: установления контакта, его поддержания и прекращения.

В вербальном коде высказывания **на формально-семиотическом** уровне манифестантами коммуникативных стратегий являются обращения, местоимения (мы), междометия, стереотипные сочетания (*обратите внимание*), глаголы повелительного наклонения (*посмотрите, послушайте*), наречия времени момента речи, длительность/краткость говорения, молчание, паузы, употребление залоговых пар, вводные слова типа *поверьте, искренне говоря, правда, факт*; повторы; конструкции, служащие для установления понимания слушателя; выбор стиля и др. [Чхетлан1 1986: 70-73]. В случае коммуникативного соперничества (спора) коммуникативной стратегией в идеале служит топикально интегрированное обоснованное и последовательное отстаивание своей точки зрения, ее аргументация с помощью вводных слов, тематической организации и проч.

На когнитивно-интерпретационном уровне коммуникативные стратегии проявляются во взаимоориентации на общий или сходный когнитивный фрагмент тезаурусов адресанта и адресата (ситуативных, энциклопедических, референтных знаний, научную или наивную картину мира), на общность пресуппозиций, на способность адресата декодировать подтекст, глубинные скважины смысла. А. Вежбицка считает, что стратегии речевого поведения обусловлены «картинами мира», ценностями и нормами коммуникативной культуры этноса, к которому принадлежат коммуниканты [Wierzbicka 1991]. Стратегиями данного уровня также является стремление к логичности, непротиворечивости изложения, уместной ин-

формативности, новизне, аргументированности [Романов 1992: 70]. Коммуникативные стратегии адресанта в неистинном дискурсе определяются как метаинформирование, а при непрямом, косвенном общении как параинформирование [Мазур 1974] (намек, ложь по договору и т.п.).

На мотивационно-прагматическом уровне стратегии адресанта должны учитывать стратегии адресата, его социально-ролевой статус, цели для вступления в контакт, прокурсивное реагирование слушающего при проведении дискурса. Адресанту необходимо не упустить внимания, заинтересованности слушающих, учитывать их желания, контролировать и корректировать дискурс, поддерживать этикетно-ритуальное поведение, регламентированное средой, в том числе пара-лингвистическое, в зависимости от статуса адресатов и т.д.

Р. Лакофф описала три правила говорящего, которым он должен следовать при выборе типа вежливости. Они являются рекомендациями стратегий для осуществления дискурса между начальником и подчиненным, между равными по статусу и власти партнерами и между близкими друзьями [Lakoff 1973: 292-305]. В данных правилах регулирующим механизмом выступает так называемый *парадокс лица* (the paradox of face), рассмотренный Е. Гофманом [1967] и разработанный в теории вежливости П. Браун и С. Левинсона [1987]. Лицо-это репрезентация себя каждым членом социума. Изменение лица допустимо только в сторону позитива, но потеря лица чревата коммуникативным провалом, конфликтом. Парадокс лица заключается в том, что заботясь о сохранении лица, коммуникант теряет свободу самовыражения.

В прагмалингвистике рассматривается коммуникативная стратегия *митигации* - смягчения, «сглаживания» речевого поведения говорящего по отношению к адресату для снижения риска противоречия, отказа, потери лица, конфликта и т.д. (К. Кэффи, М. Лангнер, Б. Фрейзер, Дж. Холмс и др.) [см. Ярхо 2000: 144]. В диалогическом общении разграничиваются стратегии интеракционные (обусловленные социально-ролевым статусом коммуникантов), интерпретативные (логическое следование в ведении диалога), управлен-

ческие (управление вниманием партнера) (Романов 1992: 70).

Коммуникативные стратегии имеют социокультурную проекцию, проявляющуюся в соблюдении правил общения членами этнокультурного социума. Е.В. Тарасова считает, что эти правила постигаются нами в процессе социализации - иногда в результате специального обучения (детям обычно объясняют, что и когда можно, а чего нельзя говорить), но по большей части в результате наблюдения за поведением окружающих [2000а: 274].

В письменной или печатной текстовой коммуникации стратегии отображаются в тексте в виде программы членности, логичности, доступности; графических паралингвистических средств, сюжетной динамики, лирических отступлений, приведения релевантных теме и интересных для читателя подробностей (детализации), встроенных текстов, прямого обращения к читателю и т.д. Т. ван Дейк разграничивает контекстуальные и текстовые макростратегии. **Контекстуальные** определяют зависимость от общего контекста, от текущей ситуации, от коммуникативного взаимодействия, типа дискурса и возможности свободы референции. Текстовые макростратегии зафиксированы в тексте как сигналы определенной темы. Расположение таких сигналов в тексте имеет определенное назначение: если тематические выражения предшествуют дискурсу (заголовок, оглавление), они помогают слушающему сформировать гипотезу относительно темы дискурса или эпизода с тем, чтобы последующие предложения могли быть интерпретированы по отношению к этой макропропозиции сверху вниз. Если сигналы расположены в конце дискурса, то они служат для проверки, припоминания и коррекции уже выделенных слушающим макропропозиций [1989: 57-60]. К числу текстовых стратегий относятся использование маркеров смены темы, обеспечивающих коннекцию макропропозиций (абзац, пауза, придаточные предложения и т.д.). Исследователи текста распространяют понятие текстовых стратегий на всю вероятностную программу восприятия текста, вписанную в нее и представленную совокупностью различных характери-

стик [Паррэ 1986; Воробьева 1993].

Рассматривая стратегические линии научных и научно-популярных текстов, Т.В. Радзиевская выделяет пять типов коммуникативных стратегий, представленных в таких и других текстах: 1) *конструктивно-генеративную* как построение текста в соответствии с четко установленной целью для ее наиболее эффективного достижения; 2) *транспозитивную*, переводящую одну из форм непосредственной устной коммуникации в текстовую форму (деловые письма, мемуары, отчеты и т.д.); 3) *аналогичную*, детерминирующую построение текста на основе эталона, образца (автобиографии, заявления, рефераты и т.д.); 4) *безадресатную*, названную антистратегией, направленной на репрезентацию внутренних состояний адресанта (дневники, лирика); 5) *трансформационную*, основанную на переработке текста и создании вторичного (аннотация, обзор и т.д.) [1993: ISO-182]. Исследовательница постулирует непосредственную связь текстовых стратегий с типом коммуникации. Такая связь двувекторна: с одной стороны, стратегия задает тип общения, с другой, тип общения требует определенной стратегической программы.

Исследование коммуникативных стратегий и средств их манифестации в прагмалингвистическом аспекте чрезвычайно актуально, однако не менее важным представляется обобщение накопленного материала для создания общей типологии стратегий, разграничение инвентаря средств их реализации в этнокультурной или межкультурной коммуникации, используемых в определенном типе дискурса, ибо коммуникативные стратегии одного и того же речевого поведения в

разных культурах различны. Так, для многих культур важным представляется соблюдение дистанции, смягчение категоричности, неопределенность, уклонение от прямого ответа, что не может быть транспонировано на речевое общение с адресатами иной культуры [см. Brown, Levinson 1987; Green 1989; Wierzbicka 1991; Герд 1995; Yule 1996; Баронин 2000 и др.]. Такие рекомендации чрезвычайно необходимы при проведении межкультурной коммуникации, например, переговоров. В зарубежной лингвистике 174

данную проблему разрабатывает маргинальная дисциплина, сопряженная с лингвистикой и социальной психологией, - **психосоциология языка**.

4.3. Глобальный контекст дискурса

Рамочность, ситуативность, замкнутость коммуникативной ситуации обеспечивается ее глобальной контекстуализацией. П. Адамец различал в коммуникации *контекст* как условия, созданные текстом; *конситуацию* как элемент экстралингвальной ситуации, окружения участников коммуникации и *коэмперию* как сумму общего опыта и общих энциклопедических, фоновых знаний коммуникантов [1978: 14]. В последнее время понятие контекст (лат. contextus - соединение, связь), рассматривавшееся первоначально как сфера употребления слова в речи, семантический радиус действия слова, активно используется в более общей дефиниции - глобальных условий оптимального обеспечения коммуникативной ситуации (Т. Слама-Казаку; Л.М. Минкин и др.). Г.В. Колшанский отмечает: «Построение текста находится в прямой зависимости от смыслового содержания любого масштаба и довольно жесткой системы непрерывного контекста, в рамках которого осуществляется изложение той или иной темы, другими словами, в рамках которых развивается дискурс» [1980: 65]. Т. ван Дейк считал изучение контекста прерогативой прагматики, так как она анализирует связи между структурой текста и элементами коммуникативной ситуации, системно связанными с ней. Эти элементы в совокупности и создают контекст. В работе «Язык. Понимание. Коммуникация» ученый разграничивает социокультурную ситуацию и коммуникативный контекст говорящего и слушающего [1989: 56].

Понятия контекста и конситуации нередко отождествлялись на фоне их многозначности, что обусловлено также многозначностью понятия «дискурс». Разграничение же контекста и ситуации привело к тому, что понятие контекста относилось только «непосредственно к языковой материи», а ситуация - ко всем условиям протекания коммуникации [Колшанский 1980: 73]. Исходя из ситуационного ха-175

рактера дискурса требуется иное понимание контекста как глобальной рамки коммуникативной ситуации. **Контекст** в самом широком толковании (глобальный) есть составляющая дискурса, включающая условия коммуникативного взаимодействия адресанта, текста и адресата, погруженных в ин-териоризованное бытие и семиотический универсум. В зависимости от типа дискурса глобальный контекст прежде всего детерминирован временными и пространственными параметрами коммуникации. В устном непосредственном общении происходит актуализация времени «сегодня, сейчас» в общем пространстве «здесь». Режимы порождения и интерпретации в данном случае хотя и имеют некоторую временную дискретность (время передачи сменяется временем приема [Лотман 1992,1:18]), однако в плане интерактивности они соположены в общем пространстве и времени. Время и пространство обсуждаемых или порождаемых текстом событий, фактов может быть иным (рассказ о прошлом, отсылка к прошлому или будущему времени и соответственно определенному пространству и т.п.). Именно поэтому три модуля адресанта, адресата и текста в нашей диалогической модели погружены в различные сферы интериоризованного бытия с учетом допущения возможной их равноположенности.

Письменный дискурс ситуативно дискретен. Время и пространство его порождения может быть значительно отдалено как от времени и пространства реципиента (читателя), так и от времени и пространства имитированной референции текста, что нередко модифицирует процессы восприятия и понимания, осознания авторской цели и замысла и воздействия текста. «Чем отдаленнее во времени момент декодирования текста от этапа его генезиса, тем больше вероятности расхождения вторичных реальностей на входе в текст и на выходе из него» [Колегаева 1991: 35].

Ю.М. Лотман транспонирует это явление на отдаленность диалога культур в семиосфере: «В реальной же ткани культуры несинхронность выступает не как случайное отклонение, а как регулярный закон. Транслирующее устройство, находящееся в апогее своей активности, вместе с тем проявляет черты новаторства и динамизма. Адресаты, как правило, еще переживают предшествующий культурный этап. Бывают и другие более сложные отношения, но неравномерность имеет характер универсальной закономерности» [1992, 1: 19]. Эта универсальная закономерность обуславливает то, что писатель или ученый оказываются не понятыми своей эпохой, хотя их творчество оказывает влияние на семиосферу и оценивается лишь будущим читателем. Интерпретация и понимание семиотически дискретных письменных текстов требует формирования у адресата определенного когнитивного пространства - внешнего контекста (В.В. Богданов), т.е. знаний об эпохе порождения текста, об авторе, месте текста во времени и пространстве культуры эпохи порождения, а также данных о состоянии семиосферы при появлении текста (вертикальном **контексте** как истории-ко-философском фоне текста - О.С. Ахманова, И.В. Гюббе-нет). Время и пространство контекста порождения воздействует на социально-политические, этические, эстетические, научные, культурные и др. характеристики внешнего контекста в соположении их с такими же характеристиками контекста читательской интерпретации.

Незнание адресатом глобального контекста ситуации даже в устном спонтанном общении может привести к неадекватной реакции. О такой неадекватности реагирования рассказывают знаменитые карикатуристы Кукрышны, которые были членами жюри на выставке картин, и, отбирая их, развешивали на стены. Возвращаясь домой в такси, они обсуждали это между собой. Реплики: - *Коля... а Федоты-ча мы зря зарезали, зря... Нет, с таким «другом» невозможно работать! Смотрите, сколько он сегодня угробил... даже того старика с периферии не пощадил! - Старика разве тоже зарезали? - И как! Меновенно! Я лично стоял за то, чтобы его обязательно повесили. Да, если так подряд будем резать, то и вешать некого будет.* Шофер такси с криком: *Держите их, вешали, грабили, резали!* - выскочил из машины и привел милиционера (пример взят из [Колшанский 1980: 68]).

Компонентом устного дискурса служит **коммуникативный** контекст - обстановка непосредственного общения, которая может соответствовать, по мнению Е.В. Тарасовой, фреймам - когнитивным схемам или сценариям, что хранятся в языковом сознании и памяти речевого коллектива [2000а: 275]. Данные фреймы отражают дискурсивное сознание индивида и обусловлены прототипическими образцами текстом и речевых жанров, опосредующих коммуникацию. Инварианты включают знания о правилах общения в той или иной ситуации, этикете, речевом поведении, социально-психологической дистанции, ролевом статусе коммуникантов, выборе

пропозиций, ассоциативных компонентов и т.д. Наличие инвариантов обеспечивает системность речи, ее стабилизацию, противостояние энтропийным факторам, а индивидуальное дискурсивное сознание способствует проявлению аномалий речи, обуславливающих динамизм системы и ее сохранение. Когнитивная контекстная модель контролирует как стиль, так и содержание, и, следовательно, определяет, какого рода информация может или должна быть найдена в конкретной модели дискурса [ван Дейк 1989: 170].

Глобальный контекст дискурса реализуется на фоне диалогических отношений модулей коммуникации на основе общности лингвистических, ситуативных, энциклопедических, прагматических и др. знаний коммуникантов.

4.4. Коммуникативный шум. Эффективность, гармонизация дискурса

Коммуникативный шум как один из компонентов дискурса представляет собой помехи, снижающие эффективность коммуникации и могущие привести к ее прекращению. Примечательно, что еще у древних греков было слово *атороп* (лишенный места) для обозначения помехи в виде выражения, которое вызывает удивление и не укладывается в модели ожидания коммуникантов при прогнозировании ими общения. Как уже отмечалось, составляющая коммуникативного шума появилась в сфере математической теории информации в связи с постановкой технических задач увеличения эффективного использования каналов передачи [178]

информации, разработки автоматических методов ее хранения, переработки и поиска (см. метамодель К. Шеннона и У. Вивера). А. Греймас также включил в состав дискурса те субстанции, которые благоприятствуют или мешают процессу общения.

Сегодня положение о неадекватности передаваемой и получаемой информации не вызывает сомнения, однако актуальными остаются вопросы о степени понимания, правильности интерпретации сообщаемого, максимальной оптимизации и гармонизации дискурса, повышении его помехоустойчивости. Поэтому важным является исследование факторов, мешающих восприятию и пониманию, снижающих эффективность коммуникативного акта.

Оптимальность коммуникации определяется не только как максимальная согласованность интенции и интерпретанты, но и как достижение коммуникативной кооперации на различных уровнях общения, в частности, как достижение перлюктивного эффекта, желаемого воздействия на сознание, поведение адресата, создание новой ситуации.

В психолингвистике коммуникативное влияние предполагает речевое воздействие в социально-ориентированном общении, которое обуславливает «изменение в социально-психологической и социальной структуре общества или стимуляцию прямых социальных действий через воздействие на психику членов данной социальной группы или общества в целом» [Леонтьев 1999: 256].

Психосемантические исследования проблемы эффективности коммуникации установили некоторые признаки коммуникативного влияния: 1) изменение аксиологического отношения субъекта к объекту без изменения категориальной структуры сознания субъекта; 2) формирование общего эмоционального настроения, мировосприятия адресата; 3) изменение категориальной структуры индивидуального сознания путем введения в него новых категорий, упорядоченных и классифицированных событий окружающей предметной и социальной действительности [Петренко 1997:

325-333]. Однако коммуникативное влияние не ограничива-

ется данными признаками: во внимание не принимаются поведенческие, энергетические, эстетические, этические реакции, социально-психологическая структура коллективного сознания и т.д. Проблема коммуникативного влияния выходит далеко за рамки психолингвистических исследований речевого воздействия, приобретая межнаучный характер, являясь одной из сторон проблемы эффективности общения.

Эффективность как коммуникативная универсалия получила в научной литературе категориальный статус **гармонизации** применительно к художественному тексту (А.А. Потебня, Л.П. Якубинский, Д.Н. Овсянко-Куликовский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, М.М. Бахтин и др.). Гармонизация взаимодействия автора и читателя предусматривает достижение коммуникативного идеала - «выход в гиперпсихическое пространство гиперкоммуникативных гештальтов» [Атаян 1981: 41]; совместное эмоциональное, эстетическое, интеллектуальное переживание коммуникантов. Средствами эффективности дискурса являются ориентация коммуникантов на постулаты общения, оптимальный выбор регистров речи как вариантов определенного стиля речи (интимного, формального, рекомендательного, прохладного и т.д.) в соответствии с дискурсивным типом, а также соблюдение социально-психологической дистанции адресантом, исходя из сконструированной им оптимально-вариативной модели адресата [Виноград 1983: 133], с учетом его ожиданий, информированности, личностно-ценностных ориентации и т.д. Коммуникативная эффективность и гармонизация достигается в том числе устранением коммуникативного шума.

Психолингвистический аспект коммуникативного шума рассматривается в рамках проблемы восприятия речи. Одной из стратегий реципиента считается систематический учет соотношения сигнала и шума при выборе оптимального способа восприятия [Леонтьев 1999: 132]. При наиболее высоком уровне шума в процессе восприятия речи помехоустойчивыми факторами выступают частотность (по данным экспериментов И. Голдаймонда, В. Хокинса, Р.М. Фрум-киной), повышение субъективной для слушающего значимости передаваемой информации (А.А. Леонтьев, А.А. Ухтомский, Б. Бгажноков). У. Эко отмечает два противоположных помехоустойчивых факторов - избыточность и информационное сжатие. С одной стороны, «если мы хотим уменьшить риск ошибки из-за шума, нам следует усложнить код», т.е. ввести элемент избыточности [1998: 37-38], с другой, «избыточность является причиной информационной напряженности» [1998: 82], т.е. легче понять сжатую, особым образом организованную информацию.

Проблема коммуникативного шума, его природы, механизма, типологии, возможностей устранения требует межнаучного решения: ее разработка должна осуществляться на основе дискурса с учетом компонентов лингвистического и экстралингвального статуса.

Ставя перед собой задачу наметить узловые моменты данной проблемы, мы избираем в качестве материала исследования фрагменты квазидискурса художественных произведений - диалоги и полилоги в тексте, анализ которых в некоторой степени может дать объективную картину помех восприятию и пониманию и стать основой для дальнейшего изучения.

Главными признаками коммуникативного шума является неясность и неоднозначность передаваемой информации. Неясность (*vagueness*) характеризует большую степень шума, чем неоднозначность (*ambiguity*), хотя оба признака могут

вызывать нарушение или прерывание коммуникации. Неясность, по мнению Дж. Лича, требует устранения посредством ввода дополнительной информации, имеющей прямое отношение к неясному положению вещей; неоднозначность отображает двусмысленность интерпретации, нередко запрограммированную интенционно, снимающуюся дальнейшим развитием событий, динамикой образа без дополнительного информационного ввода [Leech 1981:12]. Как подчеркивает У. Эко, полностью неоднозначное сообщение предельно информативно, но граничит с шумом [1998: 79].

Когнитивная природа неясности заключена в недостатке в сознании адресата фрагментов пропозиционально-фреймовой структуры требуемых знаний (фрейма интерпретации - Ч. Филлмор) или в неспособности их коагуляции в памяти читателя. Неоднозначность же базируется на высвечивании двух концептуальных моделей, их эвристическом сканировании при поиске правильного решения с учетом понимания авторской стратегии, на построении особого фрейма интерпретации.

Прагматический аспект данных признаков также различен: если при неясности создается ситуация «Я не понимаю», «Что такое?», «Поясните», то при неоднозначности адресат регулирует ситуацию методом апробации обоих вариантов: «Может быть то, а может быть иное», «Которое же из двух?».

Рассмотрение признаков, механизма и типов коммуникативного шума осуществляется на базе уровневой структуры коммуникативной ситуации. Данные уровни настолько слитны и интегрированы, что подчас трудно установить однозначно механизм и тип коммуникативного шума, уровень его источника.

На формально-семиотическом уровне помехами могут быть фонетическая организация речи (затрудненная речь, дефекты, тихий голос и проч.), речевые ошибки различных типов. Причем речевые ошибки и дефекты фонации не всегда создают шумовой эффект - при достаточном семантико-синтаксическом и ситуационном прогнозировании со стороны адресата шум сведен к минимуму. Кроме того, в восприятии речи человека, по мнению ученых, существует некий механизм, осуществляющий, с одной стороны, сегментацию слышимой речи, а с другой стороны, коррекцию допускаемых ошибок [Речевые приемы и ошибки 1989: 50-55]. В частности, типовой пример: *Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа* - автоматически исправляется слушателем и не создает коммуникативного шума. Тем самым, девиации (ошибки, неудачи речи) можно разграничить на те, которые вызывают шумовые эффекты и те, которые не являются шумовыми, так как корректируются в процессе восприятия и понимания (см. описание девиаций в [Городецкий, Кобозева, Сабурова 1985; Бачевич 2000]).

На данном уровне дискурса наиболее типичными случаями

помех являются завышенная метафоричность и вследствие этого запредельная сознанию коннотативность. Так, прочтение начального фрагмента газетной статьи: *Нам, киевским любителям футбола, сами обстоятельства велели ревностно реагировать на колебания атмосферы, в которой расцветает нежный цветок престижа главной команды страны.. И если в отношении к национальной сборной преобладают «металлические» мотивы неумолимой требовательности, явно заимствованные у военной трубы, то мы в ее медном горле наместим гнездо нежности...* [Вечерний Киев, 20 октября 1986] -вызывает у читателя дискомфортность восприятия: адресат пытается найти объяснение непониманию в изменении жанра статьи (это, может быть, фельетон или юмореска?) или пропускает информацию как незначительную из-за неясности, вникая в дальнейшее содержание текста, кстати сказать, совершенно строгое, информативное.

Излишняя метафоричность и ассоциативность рассматривается как ввод определенных лексикодов (И. Трир, Ж. Маторе, Х. Шпербер) на фоне установленных кодовых систем. Лексикоды служат семантическим шумом для кодов [Эко 1998: 72]. В литературоведении подобный шум описывается как эффект «очуждения», используемый в драматургической практике Б. Брехтом, или «остранения», введенный в научный обиход представителями русского формализма (В. Шкловский). Этот эффект основан на деавтоматизации восприятия и понимании знакомого как нового, необычного, потому с трудом декодируемого и порождающего активную позицию адресатов по отношению к остраиваемой действительности. Отсюда концепция «заумного языка» у теоретиков ЛЕФа как языка для затрудненного восприятия (ср. идея притяжения новизны В. Шершеневича в русском имажинизме).

Шум возникает также при непонимании коммуникантами значений слов: попытки его выяснения приводят к переключению темы или к комическому эффекту в художественном тексте. Примером последнего является фрагмент знаменитого романа М. Твена, где Том Сойер с друзьями пытается выяснить значение слова *выкупить*: - *А ты сам думаешь* -183

еще, что это такое? - Ну, уж не знаю. Сказано: надо их держать, пока они не выкупятся. Может, это значит, что надо их держать, пока они не помрут? - А почему же нельзя взять дубину, да и выкупить их сразу дубиной по башке?.

На формально-семиотическом уровне коммуникативный шум создается также за счет

- *излишней экономии речевых средств*: - Валенки, - монотонно ответил Най и, скосив глаза к носу, посмотрел туда, где находились носки его сапог. - Как? - не понял генерал и удивленно уставился на полковника (*Булгаков*);

- *высокой степени глубины связности, отсутствия антецедента местоименной анафоры*: А механик кому-то сзади: - А их ведь теперь уже три стало. - Кого их? - Да судов-то, которые с «Потемкиным» (*Замятин*);

- *значительного количества наименований лиц и их ко-референтных рядов при отсутствии конкретизаторов на фоне общей беспорядочности построения речи*: Я иду по Невскому и замечаю идет господин, которого характер я желал бы определить. Мы замечаем третьего прохожего, только что раздавленного лошадью. Теперь, вникните: проходит четвертый господин и желает определить характер всех нас троих, вместе с раздавленным. Вы следите? - Извините, с большим трудом (*Достоевский*);

- *нарушения грамматической связности речи, обрывов*:

- Я - не то... вы напрасно. Я - потому, что у вас... Я знаю:

вы хотите его завтра утром... - Кого его? - Куковерова. Я-я не могу, чтобы он... И я вам - все... (*Замятин*);

- *эллипсиса, компенсирующегося дальнейшим разъяснением положения дел*: - Не аккуратен! Свои взгляды на дело. С Петербургской? - То есть вы пришли с Петербургской? - переспросил я его. - Нет, это я вас спрашиваю (*Достоевский*).

Когнитивно-интерпретационный уровень дискурса, безусловно, коррелирует с первым уровнем при возникновении коммуникативного шума, находясь в прямой зависимости от третьего интерактивного, ибо личность адресата при ее способности распознавать коммуникативные стратегии и концепт говорящего, наличие у коммуникантов адекватной базы данных, их заинтересованности в общении обуславливает снятие преград для продолжения речи. Данный

уровень дискурса в наибольшей степени способен сбалансировать шумовые эффекты, устранить их и обеспечить высокую помехоустойчивость коммуникации. Когнитивная природа коммуникативного шума на данном уровне заключена в неполноте, конгломеративности когнитивных порождений или интерпретации, в отсутствии необходимых для понимания коннекций в концептосистемах автора и читателя, адресанта и адресата.

Источниками коммуникативного шума на втором уровне являются:

- *алогизмы как отсутствие логики или своя, особая логика, непонятная другим*: - На свете везде второй человек. Я - второй человек. Есть первый человек, и есть второй человек. Первый человек сделает, а второй человек возьмет. Значит, второй человек выходит первый человек, а первый человек - второй человек. Так или не так? - Может, и так, только я вас, по обыкновению, не понимаю (*Достоевский*);

- *намеки*: Голову набок и сладким голосом: - Так-то, вот, грехи наши тяжкие. И не замолить. А на том свете - он-то, батюшка, все припомнит, он, батюшка, в геене серной дурь-то всювыкурит. Барыба молчал. «И куда это она гнет?» (*Замятин*);

- *парадоксальность речи, основанная на эффекте ожидания, разрешающегося далее*: - Потому что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже и разлила. Так что заседание не состоится. Тут, как вполне понятно, под липами наступило молчание. - Простите, - после паузы заговорил Берлиоз, поглядывая на мелющего чепуху иностранца, - при чем здесь подсолнечное масло... и какая Аннушка (*Булгаков*);

- *несовпадение концептосистем коммуникантов, в частности, несоответствие онтологического, модального, аксиологического, прагматического информационных пространств, энциклопедических знаний по причине отдаленности временных планов автора и читателя. К примеру, в пьесе «Горе от ума» требует специального разъяснения целый ряд 185*

фрагментов: А в те поры все важны! В сорок пуд.../раскланяйся

- *тупеем lie кивнут./ Вельможа в случае - тем паче;/ не как другой, и пил и ел иначе. (Вельможа в случае - фаворит государыни, тупей - взбитый хохол на голове по тогдашней моде). Причиной концептуального несовпадения является различие культурных, национальных стереотипов сознания (лакуны). А.А. Брудный приводит любопытный пример культурного архетипа циферблата как пространственного указателя для американцев: Корабль Кеннеди был атакован японцами. Крик вахтенного: «Японец на двух часах», т.е. под углом справа, - был мгновенного декодирован, но в других условиях стал бы источником непонимания [1998: 60];*

- затруднения при декодировании подтекста: Воланд об избавлении от милосердия - *Остается, пожалуй, одно - обзавестись тряпками и заткнуть ими все щели моей спальни!*

- *Вы о чем говорите, мессир? - изумилась Маргарита, выслушав эти действительно непонятные слова (Булгаков);*

- *несоположение ситуаций, известных коммуникантам:*

- *Вы из Житомира ? - Ну да, - ответил неизвестный, - и представьте: я прибыл одновременно с вашим братом. - Каким братом? - Как с каким? Ваш брат прибыл вместе со мною, - ответил удивленно неизвестный. - Какой брат? - жалобно вскричал Николка. - Из Житомира?! (Булгаков);*

- зашифрованность текста при отсутствии у адресата ключа его декодирования (в рассказе К. Дойля «Глория Скотт» записка: «С дичью дело, мы полагаем, закончено. Глава предприятия Хадсон, по сведениям, рассказал о мухобойках все! Фазаных курочек берегитесь!»);

- обман, ложь, вводящие в заблуждение адресата (бенбе-ризм в пьесе О. Уайльда «Как важно быть серьезным») и т.д.

На социально-интерактивном (прагматическом) уровне коммуникативный шум возникает из-за

- *нерелевантных теме общения занятий: - Вот-с писатель был граф Лее Толстой, артиллерии поручик. Жалко, что бросил служить... нас... до генерала бы дослужился... Без козыря. - Три бубны, - робко сказал Лариосик (Булгаков);*

- *наличия или появления посторонних лиц, мешающих*

186

коммуникации или прекращающих ее: - *Где ты был? Откуда ты, - взвизгнула Татьяна Павловна и буквально вцепилась мне в плечо, - ты подслушивал, ты шпионил? (Достоевский);*

- *отсутствия заинтересованности адресата в коммуникации, сосредоточенности на своих проблемах: - Почем я знаю. Извините мне очень трудно следить за вами. - Трудно?-Да, вы меня утомляете (Достоевский);*

- *нежелания говорящего далее общаться с адресатом, этому может предшествовать оскорбление, несоблюдение этикета, определенное эмоциональное состояние коммуникантов, интимность затронутой темы и проч.: - Мальчишка, вишь, его дразнили, так он поклялся отомстить человечеству... Сволочь ты такая. Признаться, я был поражен этой выходкой. Я встал и некоторое время смотрел, не зная, что сказать (Достоевский);*

- *разницы коммуникативных стратегий (коммуникация Чичикова и Ноздрева, где каждый преследует свои цели; Ноздрев единственный, кто не продал Чичикову мертвых душ);*

- *стремления адресанта уйти от нежелательной для него темы: - Эти лестницы... -мямлил Версиков, растягивая слова, видимо, чтоб сказать что-нибудь и, видимо, боясь, чтоб я не сказал чего-нибудь, - эти лестницы. - я отвык, а у тебя третий этаж, а впрочем, я теперь найду дорогу... (Достоевский);*

- *использование имплицитных речевых актов, при этом адресат не может идентифицировать иллюкуцию адресанта или затрудняется с выбором возможной: Слабосердов вдруг твердо: «Однако граждане, вы решаете исторические вопросы. Так что историю вспомнить не грех». - Куда клоните? -хмурится Шура (Трифонов) и т.д.*

Механизм создания коммуникативного шума задействует все составляющие дискурса, опосредован речевым жанром и категориальной структурой. В художественном произведении шум может реализовываться глобально как помеха декодированию авторского концепта читателем и на микроуровне модельных диалоговых и полилоговых систем. В последнем случае коммуникативный шум может служить средством создания стилистических эффектов комического, 187

парадокса, гиперболизации и т.п. Устранение шума в художественном тексте прогнозируется автором с помощью различных приемов, а также основано на прокурсивно-рекурсивных связях читательского восприятия.

В статье «Лингвистика и теория связи» Р.О. Якобсон рассматривал еще один важный аспект коммуникативного шума - его возникновение в межкультурной коммуникации. В данном случае шум объясняется лакунизированным характером соотношения одной лингвокультурной общности с другой [Этнопсихоллингвистика 1988; Антиповидр. 1989]. Посредником межкультурной коммуникации является перевод как опосредованный, двойной дискурс говорящего (автора), его текста,

интерпретируемого переводчиком, трансформирующимся для адресата (читателя) во второго адресанта (автора), который осуществляет вложение программы дискурса одной лингвокультурной природы в дискурс для другой лингвокультурной общности. «Разница культур и речевых норм нередко требует от переводчика таких глубоких преобразований, что вряд ли справедливым было бы рассматривать перевод лишь как изменение правил перехода от внутренней программы речи к ее реализации» [Текст и перевод 1988: 25], ибо в процессе перевода происходит столкновение не только языковых систем, но и коммуникативно-прагматических, лингвоэтнических, психологических, идеолого-коннотативных и др. представлений, этнических концептосистем как способов интериоризации мира и внутреннего рефлексивного опыта различных народов.

Причины шума в межкультурном общении следует искать прежде всего в психоментальных сферах, обусловленных онтологически, бытийностью этносов: уровнем их развития, социальной стратификацией, идеологическими и культурными стереотипами сознания и поведения и т.д.

Коммуникативный шум при межкультурных контактах обусловлен в конечном счете несовпадением этнопсихоментальных систем как на высшем категориальном уровне (*oriso* в древнегреческом означает прошлое, позади и будущее, ибо греки считали себя неподвижными, а время - надвигающим-188

ся сзади, догоняющим человека и уходящим в прошлое; категоризация притяжательности в языках Меланезии), так и на базисном уровне (классификаторы австралийского племени, описанные в статье Дж. Лакоффа «Мышление в зеркале классификаторов»; 20 глагольных префиксов образа действия в языке индейцев хайда), так и на уровне примарных понятий (ср. около 6 тысяч названий верблюда, частей его тела и снаряжения в арабском языке; множество названий снега в языках народов Севера).

Конкретизация и спецификация опыта, эксплицируемые в одном языке, сталкиваются при переводе с генерализацией в другом (ср. *to go* в англ. языке и дифференциация всех деталей возможного передвижения в языке навахо). Концептосистемы могут иметь свою специфику даже для близких друг другу этносов. Маргарет Мид приводит пример различной шкалы оценок у американцев и англичан: ответ на вопрос «Какой ваш любимый цвет?» у американца не вызовет затруднения, а для англичанина потребует ответной реплики «Цвет чего?», ибо американцы могут градуировать качества, редуцируя их объекты; англичане же прежде всего подразделяют объекты, приписывая каждому из них шкалу качества.

Подобные несоответствия в коммуникации создают шумовые эффекты, устранение которых возможно лишь за счет дополнительных пояснений; комментариев, примечаний в текстах. Такая компенсация осуществляется и при коммуникативном шуме, обусловленном неполнотой или отсутствием информированности читателя об истории, реалиях, мифах, обычаях, традициях другого этноса. Так, к одной из статей-лекций Ф.Г. Лорки: «*Давайте и мы пройдемся вслепую, оставив наши глаза на ледяном блюде, дабы впредь не кичилась Санта Лусия*» - для снятия шума требуется комментарий: по преданию, святая Лусия ослепила себя, чтобы не привлекать поклонников; обычно ее изображают с подносом, на котором лежат ее глаза. Такой культурно обусловленный шум компенсируется сменой топиков, заменой реалий (гранадская мелодия вильяंसико объясняется как рождественская колядка;

фрагмент из Библии о путешествии за море для индейцев 189

Мексики трансформируется в путешествие за болото).

На лингвокогнитивном уровне коммуникативный шум обуславливается также несоответствием метафорической встроенности концептуальных областей в каждом из языков: к примеру, концептуальное сближение «головная боль» и «имущество» в англ.: *A have a headache. A got a headache. The noise gave me a hadache* [Ченки 1997: 353] - требует при переводе на русский язык снятия данной встроенности.

Психоментальные сферы этносов проецируются в дискурсивные параметры интерактивно-прагматического типа, которые также могут быть источниками коммуникативного шума. Различие коннотативных мотиваций, стратегий воздействия на адресатов, этикетной интерактивности приводит к неясности, искаженному пониманию оригинала при переводе. К.М. Клакхон описывает любопытный пример таких различий: «Однажды я спросил у японца, хорошо знавшего английский, как бы он перевел со своего языка выражение из японской конституции, воспроизводящее наше «Жизнь, свобода и поиски счастья». Он перевел: «Разрешение предаваться похоти» [1998: 185]. Шумовой эффект на данном уровне создает использование слова *компромисс* в политическом дискурсе Англии и США: для англичан «*пойти на компромисс*» значит выработать приемлемое решение, для американцев - выработать плохое решение, потеряв нечто важное. Способы устранения коммуникативного шума в моно- и межкультурной коммуникации представляют собой отдельную проблему, связанную с изучением коммуникативных стратегий, диалогической встроенности всех компонентов дискурса.190

РАЗДЕЛ 5. ТЕКСТОВО-ДИСКУРСИВНЫЕ КАТЕГОРИИ

Функциональное взаимодействие самостоятельных модулей в дискурсе демонстрирует его особую системность, ибо каждый из модулей представляет собой отдельную систему. Подключение каждого модуля друг к другу на основе функций порождения и восприятия, информационного обмена и воздействия образует более сложную деятельно стную суперсистему коммуникативной ситуации. Эту суперсистему нередко называют средой, однако, хотя коммуникативный процесс в дискурсе, действительно, погружает текст в определенную среду, эта среда во взаимодействии с текстом и другими элементами обнаруживает устойчивые признаки системности.

Семиотической системной формой, опосредующей организацию данной суперсистемы, является текст. Рассмотрение системы текста как предметно-знаковой основы развертывания коммуникации обусловило установление его категориальной структуры, но отчуждая текст от автора и игнорируя себя как интерпретаторов, исследователи текста, как правило, устанавливали его категориальный состав исходя из самого текста *sui generis*. В лингвистике текста длительное время оставалась актуальной проблема систематизации и описания собственно текстовых категорий в отрыве от дискурса. Даже внедрение коммуникативности в сферу текста существенно не изменило такого положения дел, на что указывает обособление текстовых и коммуникативных или языковых, функциональных и системных категорий текста [Сидоров 1987:48].

На наш взгляд, категориальный аппарат коммуникативной ситуации должен описываться исходя из наиболее общих свойств этой суперсистемы, а текст как одна из мате-

риальных форм дискурса воплощает и манифестирует определенные общие свойства коммуникативной ситуации, ибо все свойства текста подчинены одной цели - осуществлению коммуникативного взаимодействия как информационного обмена и воздействия.

Многие из описанных учеными категорий текста отражают его дискурсивную природу, однако за основу их анализа принимается опять-таки фокус текста как материального субстрата, фокус «вне текста» либо описывается обособленно, либо сливаясь с первым фокусом, проецирует его на внутритекстовые отношения. Именно этой причиной объясняется «существующий разнобой в оценке статуса, основных характеристик, самой возможности и принципов исчисления категорий текста, критериев их классификации», а также тупиковость ситуации с описанием категориальной структуры текста, отмечаемая учеными [Воробьева 1993: 20]. Ограниченность описания категорий лишь одним модулем дискурса обусловила даже определенные сомнения у некоторых исследователей в целесообразности выделения текстовых категорий [Мороховский 1989: 3]. Однако отрицание свойств определенного явления ставит под сомнение существование самого явления или его отграничение от других явлений. Текстовая коммуникация же есть безусловная форма человеческой деятельности, хотя и многообразная, но отличная от других видов деятельности.

Самоотождествление текстовой коммуникации на основе множества ее типов осуществляется исходя из их наиболее общих свойств - инвариантов, присущих всякому тексту в дискурсе. Вычленение таких инвариантных сущностных признаков и есть установление категорий, «предельно общих фундаментальных понятий, отражающих наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [Горский и др. 1991: 77]. Поскольку коммуникация является деятельностью связи реальности и человеческого познания, то текстово-дискурсивные категории - это инвариантные закономерные свойства этого процесса во всем разнообразии форм его 192

организации и знаковых посредников - текстов.

О.П. Воробьева пишет о двух подходах к выявлению текстовых категорий: один предполагает, что текст, формируясь, приобретает определенные свойства - категории, второй основывается на том, что сами категории формируют или составляют текст. Абсолютизация последнего приводит к тому, что категории текста начинают изучаться как отдельные сущности, а их описание, как бы в отрыве от текста, становятся самоцелью [1993: 22-23]. Думается, соотношение категорий и текста, дискурса предполагает взаимообратимую ориентацию: с одной стороны, порождение текста осуществляется с опорой на инвариант текстового уровня языка - текстему, речевой жанр, а значит некие общие категориальные свойства типа дискурса, с другой, автоматическое соблюдение схемы естественно влечет за собой включенность порождаемого текста в систему семиосферы, имеющей определенную категориальную структуру. Следовательно, изучение категорий на основе многих дискурсивных разновидностей и текстом есть не что иное, как моделирование наиболее общего инварианта относительно как инвариантов речевых жанров, так и вариантов актуализированных текстов в различных коммуникативных ситуациях. В отличие от функционально-семантических категорий, текстово-дискурсивные устанавливаются на основе не разноуровневых средств языка и имплицитных смыслов, а целенаправленного взаимодействия модулей коммуникативной ситуации. Средства ряда функционально-семантических категорий (темпоральности, персональности, модальности и др.) могут быть речевыми манифестантами текстово-дискурсивных категорий в случае, если они рассматриваются в линейной последовательности организации текста на основе всеобъемлющей диалогичности дискурса. Не случайно Ю.С. Степанов рассматривает возможность проекции функционально-семантических категорий, вычленяемых в процессе «укрупнения грамматики, на категориальное пространство текста» [1975: 18].

Функциональные семантико-стилистические категории нередко отождествляются с текстовыми, объединяя систему языковых средств разных уровней, употребляемых автором с определенной коммуникативной целью [Кожина 1989: 15]. Функциональные семантико-стилистические категории выявляют, по мнению М.Н. Кожиной, речевую системность, ибо берутся на текстовой плоскости (пространстве), линейно как функционально-семантические связи. Однако, во-первых, функциональные семантико-стилистические категории интегрируются на базе семантических связей языковых единиц, пускай даже имеющих определенную коммуникативную цель, а не в пространстве интерактивности, во-вторых, они присущи, как и отмечают исследователи, определенной стилистической парадигме текстов и текстом (научному, публицистическому, художественному и др. стилям речи) и реализуются в каждом стиле по-своему.

Текстово-дискурсивные категории представляют собой сверхпарадигмальные свойства множества текстов и их текстом в различных дискурсах. О.П. Воробьева справедливо называет текстовые категории концептуальными признаками, которые отражают «наиболее существенные свойства, прототипические характеристики текста, взаимодействие которых обеспечивает его специфику и устойчивость как качественно определенного лингвосомиотического, коммуникативного и речемыслительного образования» [1993: 24]. Проблема анализа текстово-дискурсивных категорий имеет несколько сторон рассмотрения, включая вопросы о главной категории, о типологии и количестве текстово-дискурсивных категорий и их внутренней иерархичности.

5.1. Вопрос о главной текстово-дискурсивной категории

Данный вопрос имел два аспекта разрешения. Первый аспект, возвращая нас к тексту *sui generis*, рассматривался в лингвистике текста исходя из интегрального свойства качественной определенности текста в отличие от не-текста. Р. Богранд, В. Дресслер в книге «Введение в лингвистику текста» [1981], выдвинули тезис о главенстве и интегративности **текстуальности** как текстовой категории, но данное положение было лишь плеоназмом, ибо текстуальность не имела четкой дефиниции. Ученые считали, что главными критериями текстуальности являются когезия поверхностных текстов (грамматическая связность) и когерентность текстовых миров (*textual world*). Само определение текстовых миров как мира внутри текста (*text-internal world*), подразумевающее смысловую (семантическую) картину текста, еще более усугубляло «текстостремительную», ориентированную на сам текст тенденцию лингвистики текста в период становления. Наряду с данными критериями, ученые рассматривали еще пять критериев текстуальности: интенциональность, приемлемость, информативность, ситуативную обусловленность, интертекстуальность. Р. Фаулер под текстуальностью предлагал понимать признаки когезии, динамичности, локализованности [Fowler 1977]. Тем самым, установление сущности текстуальности как и самого текста в отличие от не-текста, как уже отмечалось в разделе 1, в тот период потерпело фиаско.

Е. Агрикола представляет в качестве главного признака текста **тему** как понятийное ядро, конденсирующее и обобщающее содержание текста. Однако тему может иметь и высказывание, и сверхфразовое единство, и абзац, и фрагмент текста (не-текст). Текст может быть, по выражению Р. Харве-га, монотопичным или политопичным, т.е. обладать одной или

несколькими потенциальными тематическими фокусами или аспектами сообщения [Harweg 1974].

В.А. Кухаренко применительно к художественным текстам считает их главной категорией **концепт** как главную идею произведения: «Есть произведения без сюжета, без легко вычленимой темы, но произведения без концепта нет... Поэтому обязательное наличие концепта - концептуальность художественного текста - можно считать его основополагающей категорией... Все, что вводится в текст и функционирует в нем, в том числе... и текстовые категории, - все служит одной цели: формированию концепта» [1988: 75-76]. Трудно оспорить это утверждение, ибо концептуальность присуща и другим, нехудожественным текстам. Она определяется авторским замыслом, адекватностью его отражения в тексте в процессе понимания и интерпретации его читателем-195

лями. Концептом в таком смысле можно считать некий конденсат воплощения авторского замысла, интерпретируемый реципиентом. И все же и фрагмент текста, и высказывание могут передавать концепт. Он может быть задан мегатекстом - аннотацией, эпиграфом и т.д. Бесспорно, концепт-идея - сущностная черта текста, необходимая, но не достаточная для его обособления других единиц. Кроме того, концепт является подкатегорией информативности, ибо концептуально конденсированное содержание формируется на базе всего массива текстово-дискурсивной информации. **Информативность** также рассматривается в качестве ведущей текстовой категории [Васильев 1988: 49], однако и нетекстовые знаковые единицы также несут в себе информативность, обычно большую, чем их семантика.

Многие исследователи называют важнейшей категорией текста - **связность** (когезию). М. Хэллидей в работе «Когезия в английском языке» [Лингвистика текста 1974] рассматривает когезию как набор значимых отношений, который является общим для всех текстов и отличает текст от не-текста. Связность текста опосредована как языковой формой, так и смыслом текстов и служит универсальным качеством правильной речи. Однако высказывание, фрагмент текста также характеризуется связностью и поэтому когезия не может быть дистинктивным признаком текста по отношению к не-тексту.

Е.В. Сидоров считает обязательным интегральное качество текста, ибо оно «связывает воедино структурный, компонентный, функциональный, процессуальный аспекты с аспектом предметно-знакового воплощения в тексте коммуникативной деятельности» [1987: 50]. При установлении такого глобального интегрального качества текста ученый опять-таки прибегает к плеоназму, считая главной категорией текста в дискурсе - **коммуникативность**.

Говоря о трудностях восприятия коммуникативности рассудочным мышлением в силу отсутствия у этого качества непосредственно осязаемой предметной формы, Е.В. Сидоров полагает, что коммуникативность обнаруживается не в

196

тексте, взятом изолированно от его социальной среды, а именно в системе акта речевой коммуникации в силу организической принадлежности текста к этой системе [1987: 52]. Безусловно, коммуникативность является основным показателем системной среды, в которой текст может реализовать свои цели и аспекты. Однако коммуникативным, на наш взгляд, является и элемент диалога, и высказывание [см. Головин 1977: 195]. Коммуникативность как абстракция операций порождения - восприятия, информационного обмена является свойством не только речи [см. 1.2.3].

Предложенная нами модель дискурса демонстрирует его важнейшее интегральное качество, обеспечивающее взаимодействие всех модулей - **Биологичность**. Данное качество нельзя отождествлять с коммуникативностью, ибо она - лишь одна из сторон диалогичности. Всеобъемлющая диалогичность манифестирует все аспекты текста и дискурса, и прежде всего его целостность в семиосферах других текстов, культуры. Высказывание может диалогизировать с семиосферой лишь в случае его целостности, тем самым оно становится текстом, выступая частью семиосферы. Ю.М. Лотман, обосновывая текст как интеллектуальное устройство, способное вырабатывать новую информацию, считает, что оно должно одновременно быть единым и двойственным. Это означает, что «каждая из двух бинарных его структур считает, что она должна быть одновременно и целым, и частью целого. Идеальной моделью становится триединство, в котором всякое целое есть часть целого более высокого порядка, а всякая часть есть целое на более низком уровне» [1992, 1: 30].

У М.М. Бахтина целостность текста представлена инвариантом речевого жанра. Именно речевой жанр, наряду с текстом, являются основой диалогичности с семиосферой, простому высказыванию (не-тексту) этого не дано. Диалогичность как интегральное качество текста в дискурсе, по нашему мнению, соответствует положению теории функциональных систем П.К. Анохина, отмечающего, что в организации таких систем главное значение приобретает получение необходимого системе результата и именно конечный 197

результат подчиняет себе все свойства и конструкции функциональной системы [Анохин 1978]. Е.В. Сидоров считает конечным результатом текста - развертывание коммуникации в систему полного состава [1987: 54]. Думается, что цель текста в коммуникативной ситуации - не только создание самого дискурса, но и обмен информацией, воздействие, воспитание, динамика семиосферы, в конечном итоге целью дискурсивной деятельности служит существование, развитие и сохранение этноса, человечества. Всеобъемлющая диалогичность, обеспечивая достижение этих целей, делает текст, погруженный в коммуникативную суперсистему, источником познавательной деятельности, развития и сохранения человеческой мысли, а значит стабилизации цивилизационной системы, ее энтропийного баланса.

5.2. Проблема количества и типологии текстово-дискурсивных категорий

Вопрос о количестве именно текстовых категорий остается дискуссионным до сих пор по причинам, во-первых, вычленивания их в системе текста, а не в общем дискурсивном пространстве, во-вторых, их стилистической и прагматической дифференцированности (категории художественного, научного и др. текстов - обязательные и факультативные), в-третьих, смещения иерархии категорий, игнорирования факта включения одной категории в другую (соответственно отношению категории и подкатегории: континуум и прогрессия, стагнация; хронотоп и ретроспекция, проспекция и т.п. [см. Кухаренко 1988: 72]). Кроме того, сложность вопроса заключается и в том, что все свойства текста интегрированы и непросто отделить одно от другого. Многие наблюдаемые исследователями особенности текста имеют характер не сущностного признака, а явления, что также подводится под категоризацию, например, интеграция и целостность у И.Р. Гальперина рассматриваются как категории, но с оговоркой: интеграция - способ, целостность - результат [1981]. Ученые нередко ограничивают список категорий-свойств лишь некоторыми ведущими, часто наиболее абстрактными, не принимая во внимание других, не менее важных. Так, Х. Изенберг отнес к общим чертам текста 1) линейную последовательность предложений; 2) наличие левосторонних границ; 3) относительную законченность; 4) связность [1978: 48], что может в равной мере описывать и высказывание, сверхфразовое единство и некоторые другие структурные компоненты текста. З.Я. Тураева вводит понятие параметров текста, которые также могут соответствовать категориальным

признакам: полисистемности как многомерности текста, прототипичности как наличия в тексте инвариантной виртуальной модели, амбивалентности как возможности множества интерпретаций, антропоцентричности [1994].

Описание всех существующих списков текстовых категорий и признаков представляется нам делом невозможным, да и ненужным. Обратимся лишь к некоторым классификационным построениям, которые наиболее часто осуществляются в различных исследованиях. И.Р. Гальперин разграничивает семантические (информативность, глубину, пре-суппозицию, прагматику) и структурные категории текста (интеграцию, сцепление, ретроспекцию, проспекцию, парти-турность, континуум) [1977: 524]. Однако в более поздних работах к данным типам ученых не прибегает, очевидно, поняв их противоречивость и необоснованность дифференциации. З.Я. Тураева [1986] предлагает разделение текстовых категорий на структурные и содержательные, относя к первым связность, интеграцию, прогрессию и стагнацию, ко вторым - образ автора, художественное пространство и время, информативность, причинно-следственные связи и подтекст. На наш взгляд, такое деление не имеет под собой оснований, ибо связность, например, действует как вербальную структуру, так и смысловую сторону текста, а также базируется на его коммуникативной сущности, а образ автора может быть структурным компонентом текста, наряду с автором-функцией - компонентом содержания.

Е.В. Сидоров, рассматривая категориальную иерархию текста в ракурсе интегрального, совокупного качества текста - коммуникативности, выделяет *системные* качества [1993: 199]

текста, т.е. характеристики текста для реализации им своей функции: регулятивность, информативность, структурность, слитность/дискретность, интегративность и проч.;

функциональные качества, т.е. специфические свойства сис-гема во взаимодействии со средой: аналитичность/синтегичность, семантичность/синсемантичность, простоту/сложность, обобщенность/конкретность, мнемичность и проч., - а также *системно-языковые* качества текста, т.е. свойства национального языка, его уровней, единства стилей - предикативность, номинативность, морфосинтаксическая структурность, модальность, определенность/неопределенность и проч. Соотношение коммуникативности с данными качествами текста является иерархическим, включающим одновременно момент соотношения средства (подчиненный уровень иерархии) и цели (подчиняющий уровень иерархии). По мнению ученого, коммуникант подчиняет себе системные категории, те в свою очередь функциональные, а те - системно-языковые [Сидоров 1987: 48-67]. Не производя детального анализа данной иерархии, отметим лишь, что в данной классификации наблюдается недопустимый, на наш взгляд, отрыв системных качеств от функциональных. Кроме того, иерархия «средство - цель» есть отношение функции и средств ее реализации, а категория - это инвариантная признаковая сущность, средства же ее реализации - это иной вариативный, предметно-знаковый аспект репрезентации инварианта. Необъясненными автором являются, в частности, иерархические отношения ряда качеств в предложенной схеме (к примеру, интегративность - мнемичность - определенность/неопределенность).

Общепринятой в лингвистике текста является также дифференциация текстовых категорий на общетекстовые (для всех текстов) и частные (специфические для одного или группы текстов) [Мышкина 1991].

О.П. Воробьева, описывая различные попытки классификации текстовых категорий, справедливо отмечает: «Неизбежным становится вывод об имманентной нечеткости и непоследовательности любой классификации, основанной на сопоставлении текстовых категорий как параметров, лежащих в одной текстовой плоскости» [1993: 28]. Классификация текстовых категорий представляется нам невозможной, но установление иерархической подчиненности «категория - подкатегории» является необходимым, ибо выделение наиболее общих инвариантных признаков текста в дискурсе требует большей конкретизации за счет разграничения внутри каждой категории своих сущностных свойств - подкатегорий.

5.3. Категория целостности

Данная текстово-дискурсивная категория рассматривается многими исследователями в числе ведущих как конституирующий признак текста, отличающий его от не-текста, представляющий относительную закрытость текста, обеспечивающуюся интеграцией всех его структурно-содержательных и смысловых уровней, воспринимаемую читателем как единство [Гальперин 1981].

В период становления лингвистики текста как текстовой грамматики целостность аспектов, соотносимых как форма, содержание, функция, определялась в единстве структурного, смыслового, коммуникативного субстрата. Коммуникативная целостность рассматривалась как преемственность между составляющими текста (от данного к новому) как основа тематической цепочки [Москальская 1981: 21]. В конечном итоге целостность отождествлялась с когерентностью или когезией, т.е. со связностью.

Дискурсивная встроенность текста позволяет рассматривать **целостность** как текстово-дискурсивную категорию, обеспечивающуюся его полисистемной макрознаковостью в замкнутой суперсистеме дискурса. В.А. Звегинцев подчеркивает: «Дискурс снизу детерминируется пресуппозиционно-нальным каркасом дискурса, а сверху - не названной еще содержательной надстройкой, обе силы определяют нижний и верхний предел дискурса, обуславливают его «цельнооформленность» [1980: 17].

Макрознаковость является качественным параметром «работы» текста в дискурсе. Ю.М. Лотман называл текст не-201 расчлененным сигналом [1970: 67]. Положение о тексте как сложном знаке, имени разрабатывалось рядом исследователей (Я. Петефи, В. Дресслер, П. Хартман, Х. Плетт, А. Ной-берт, Г.В. Колшанский, О.П. Воробьева, Д.И. Руденко, Ю.И. Сватко и др.).

Макрознаковость текста в дискурсе существует на основе синтезированного смыслового конденсата, порождаемого автором и воспринимаемого, интерпретируемого адресатами; диалогичности текста с семиосферами культурного, научного и др. кода (внутри и вне текстовой парадигматики). Суперсистемность и целостность дискурса придает тексту мобильность и тем самым усиливает его целостность как макрознака. Это внешний аспект целостности как текстово-дискурсивной категории. Внутренний же ее аспект обычно проецируется на полисистемность самого текста, представляющего собой функциональную систему текстовых слов, уровней, кодов, изменений повествования, обусловленную сочетанием линейности и многомерности текста [Воробьева 1993: 174]. И.Р. Гальперин считал способом создания целостности **интеграцию** как текстовую категорию психологического плана. По мнению ученого, интеграция может осуществляться средствами когезии, но может строиться и на ассоциативных и пресуппозициональных отношениях, поэтому в отличие от когезии, интеграция вертикальна [Гальперин 1981: 125].

Текстово-дискурсивная целостность определяется взаимодействием модулей дискурса, в том числе коммуникантов:

«кодирующий отталкивается от континуальности текста с тем, чтобы его расчленил, а декодирующий, напротив, воспринимая отдельные компоненты текста, стремится представить его как нерасчлененное континуальное целое» [Мур-зин, Штерн 1991: 14]. Кроме того, системность порождающего сознания; сознания адресата, в том числе лингводис-курсивного; семиосферы, интериоризованного бытия обеспечивает внутреннюю системность и целостность самого текста в целостной суперсистеме коммуникации. Следует отметить и обратную связь текстовой системности с суперсистемой дискурса. В этом, по мнению Е.В. Сидорова, заключе-202

на конструктивная функция текста в коммуникации: «Для реализации социальной функции текста необходимо, чтобы коммуникативные деятельности общающихся людей были приведены в некоторое закономерное взаимное соответствие. Иначе мы будем иметь не взаимодействие, а хаотическое столкновение деятельностей. Отсюда вытекает определенная функция текста, заключающаяся в организации каждого отдельного акта речевой коммуникации в виде закономерно организованной системы» [1987: 43].

Категория целостности может иметь и парадигматическое объяснение. А.А. Леонтьев подчеркивал: «Целостность заключается в динамическом и не всегда полностью осознаваемом отнесении данного текста к одному объекту, простому или сложному» [1979: 27]. В парадигматике речевых ситуаций и текстов соотносительность дискурса с речевым жанром, а текста с текстом обуславливает их целостность. Психолингвисты объясняют феномен цельности на основе иерархической организации планов (программ) речевых высказываний, используемых реципиентом при восприятии текста. Цельным является текст, который при переходе от одной последовательной ступени компрессии к другой, более глубокой каждый раз сохраняет для реципиента смысловое тождество по центральным смысловым компонентам, «лишаясь» лишь маргинальных, необязательных, менее важных [Дридзе 1972; 1984; 1997; Леонтьев 1999: 136].

Целостность нередко связывалась или отождествлялась с **завершенностью** текста, возводя последнюю в ранг текстовой категории. Отталкиваясь от системности текста, В.А. Ку-харенко подчеркивает: «Положение о закрытости текстовой системы хорошо согласуется с категорией целостности (завершенности), обязательно присущей целому тексту... Автор на самом деле выступает как единоличный хозяин положения - «где считаю нужным, там ставлю финальную точку», что в свою очередь означает, что концепт сформирован, дорога к его пониманию указана, сообщение завершено, система закрыта» [1988: 78].

Однако завершенность целостного текста соотносится с 203

рядом явлений, которые ставят под сомнение категориальный статус завершенности в дискурсе. Во-первых, это обрыв текста, произведения либо по объективным, либо по субъективным причинам. Н.В. Гоголь не окончил поэму «Мертвые души», ибо ее планируемое продолжение вступило в противоречие с замыслом автора - показать по образцу «Божественной комедии» Данте ад, чистилище и рай России. Конфликт «диалога» автора и текста, возможно, привел к сожжению второго тома и к отказу от написания третьего. Гоголь не увидел позитива в будущем России и не завершил поэмы. Между тем поэма является целостным текстом, но не завершенным, и в этой незавершенности кроется авторский концепт.

Во-вторых, сам термин «завершенность» как бы противоречит возможной **открытости** текста как коммуникативного посредника. Поэтому трудно согласиться с утверждениями о закрытом характере коммуникативной ситуации, она скорее замкнута, но не закрыта, ибо один текст может иметь множество адресатов. Вступая в коммуникацию, адресат замыкает коммуникативное пространство, но не закрывает его для других адресатов. Открытость же текста возможна и для одного адресата. Она обеспечивается двумя факторами: домысливанием читателем, слушателем какого-либо финала или финалов (например, «Дворянское гнездо» И. Тургенева или «Белая гвардия» М. Булгакова), а также свободно-вариативной интерпретацией текста, нередко заданной стратегией автора несмотря на то, что открытость текста в плане его свободно-вариативной интерпретации может быть задана автором в языковой форме, которая обуславливает различие в читательских ожиданиях [Vorobyova 1999:

51]. Читатель сам должен избрать вариант авторской развязки (к примеру, в романе Дж. Фаулза «Подруга французского лейтенанта»), переходя от текстовой модели мира к модели игры [Эспань 1997: 17]. При отрицании закрытости дискурса мы полностью поддерживаем суждение В.А. Кухаренко о том, что «возможность нескольких интерпретаций одного текста, явное изменение их с течением времени не противоречит положению о закрытости художественной системы» [1988: 77], 204

ибо художественная система текста действительно закрыта в противовес суперсистеме дискурса, и считаем, что выбор термина «завершенность» как эквивалента целостности неудачен и содержит возможность неточности и многозначности.

В-третьих, завершенность текста вступает в противоречие с явлением **серийности** текстов. Серийность текстов может существовать в пределах индивидуальной авторской парадигмы как внутритекстовая (роман в новеллах, трилогия) или цикловая (стихотворения, объединенные в цикл, цикл рассказов, лекций, телепередач, кинофильмов, объединенных общими персонажами, темами, проблемами) и в пределах нескольких авторских парадигм («Унесенные ветром» М. Митчелл и «Скарлетт» А. Риплей). Соотносительность завершенности и целостности таких текстов ставит вопрос об их границах. На наш взгляд, цикловая и межпарадигмальная серийность представляет совокупность самостоятельных целостных текстов. В конечном счете, автор сам определяет их единство, называя, к примеру, «Герой нашего времени» романом и представляя его отдельными новеллами или объединяя тексты в дилогию или трилогию.

5.4. Категория дискретности (членимости) **Дискретность** (от лат. discretus - разделенный, прерывистый) представляет собой текстово-дискурсивную категорию, выражающую как разделенность процессов порождения и восприятия даже в случае спонтанного устного дискурса, так и членимость текстовой формы организации коммуникативной ситуации. В последнем аспекте дискретность можно отождествлять с **членимостью**, традиционно рассматриваемой как текстовая категория.

Дискретность - свойство любой системы, ибо обязательные для системы элементы и их функции разделены. Существовая на фоне системности и целостности дискурса, дискретность обеспечивает взаимодействие систем-модулей и облегчает процессы порождения и восприятия целого текста. Членимость и целостность актуализируют центробежные и центростремительные силы текста, дискурса. Взаимодей-205

ствие этих сил объясняется «онтологически присущим тексту несоответствием (антагонизмом [Откупщикова 1982: 38]) между его развертыванием, которое имеет линейный характер, и отражаемой действительностью, которая многомерна» [Кухаренко 1988: 72]. Системность и структурированность самого текста также не отрицают, а, наоборот, предполагают

возможности его формального (архитектонического) и содержательного (композиционного) членения. Дискретность сознания коммуникантов, семиосфер, интериори-зованного бытия порождает дискретность текста.

Средствами дискретности текста являются на вербальном, формальном уровне высказывания (Г.В. Колшанский), абзац (А.М. Пешковский, Р. Лангакр, М. Блэк), параграф, глава, раздел и т.п. На смысловом уровне текст членится на пропозиции (предикатно-актантные рамки или предикатно-аргументные структуры) (Л. Теньер, У. Чейф, Ч. Филлмор, С.Д. Кацнельсон, Ю.Д. Апресян, В.В. Богданов и др.), сверхфразовые единства, или сложное синтаксическое целое, прозаическую строфу, микротекст, период как смысловые блоки с общей темой (Н.С. Поспелов, О.И. Москальская, Г.Я. Солганик, Т. ван Дейк, У. Тиле, Л.М. Лосева и др.), предикатно-релятивный комплекс (Т.М. Баталова) и т.п. Следует подчеркнуть, что в некоторых работах сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство отнесены к структурным компонентам членения. Это возможно лишь в случае их совпадения с абзацем, действительно, структурной единицей. Но в остальном данные единицы репрезентируются как монотематические только на смысловом уровне. В.В. Богданов считает, что в смысловом отношении текст складывается из пропозиций и операторов модифицирующего и соединительного типа [1990; 1993].

Внедрение в коммуникативную и текстовую лингвистику разработок когнитивной и компьютерной науки создает новые механизмы членимости, опирающиеся на выделение ментальных моделей (Ф. Джонсон-Лэрд, Т. ван Дейк), макроструктур, фреймов, сцен и сценариев (Т. ван Дейк), фреймов интерпретации (Ч. Филлмор) и т.д. Т. ван Дейк рассмат-

ривает сценарии как абстрактные, схематические, иерархические организованные наборы пропозиций, конечные позиции которых является незаполненными: их наполнение производится по умолчанию (default values) [1989: 140]. Эти сценарии могут использоваться как дискретные единицы сознания при порождении и понимании текста с жесткой структурой. М. Минский считал, что в памяти коммуникантов хранятся в виде фреймов также знания о правилах ведения дискурса, коммуникации [Minsky 1975]. Т.М. Дридзе [1984; 1998] предлагает рассматривать систему текста как иерархию коммуникативных программ: смысловых блоков - предикаций - связей. Эта мысль близка высказыванию И.Р. Гальперина о том, что именно в плане прагматики возможно определение последовательности частей текста, т.е. воссоздание механизма порождения и понимания текстов [1981: 70].

Членимость порождения и членимость восприятия различны. Автор подчиняет дискретность текста своему замыслу, интенции и создает линейную и вертикальную членимость (персонажную, тематическую, ситуационную, аксио-логическую и т.д.), используя фреймы, сценарии, установки своей памяти [ван Дейк 1989: 141]. Вертикальная членимость является сквозной, **ибо** логическая последовательность в тексте соблюдается далеко не всегда, текст может иметь разрывы, противоречия, несоответствия, однако членимость порождения должна **быть** подчинена авторскому концепту: появление темы в тексте, персонажа в художественном тексте не случайно, **как и** отклонение от темы при соблюдении максимы релевантности.

Для читателя, слушателя членимость воспринимаемого текста носит прогностический характер гипотез и их подтверждения, модификации или отрицания. По окончании рецепции текста рекурсивное сканирование информации в сознании адресата и соположение ее со сценариями и установками в его памяти создает дискретность текстового содержания как линейную, **так и** сквозную, проверяя ее «на выходе» путем челночной операции «концепт - целое - компоненты дискретности». **При** диалогическом общении каж-

207

дое звено диалога является дискретной единицей - блоком интерактивной программы, постоянно корректируемой и контролируемой коммуникантами. Данные блоки членимости названы интерактивными ходами или шагами. А.А. Романов описывает интерактивные шаги как комплексные деятельности, исходящие из ролей коммуникантов, их компетенции и интенции обмена информацией, типов реагирования и т.д. [1992: 56-57].

5.5. Категория информативности

Протекание дискурса обеспечивается его информационным пространством. В лингвистике текста категория информативности рассматривалась под углом зрения информации, заложенной в сообщении. В данном случае главным было использование «материальных средств сообщения, таящих в себе... огромные потенциальные возможности семантических приращений» [Гальперин 1981: 24]. З.Е. Тураева определяет смысл текста в отрыве от коммуникантов как явления более высокого уровня, чем план содержания текста. Он складывается из взаимодействия плана содержания с концептуальной, ситуативной и энциклопедической информацией [1986: 14]. Однако, по нашему мнению, этим не исчерпывается тексто-водискурсивная категория информативности.

Т.М. Дридзе [1998] справедливо связывает информативность с ориентацией текста на адресата в плане коммуникативности, ибо источником семантических приращений, смыслового массива уже созданного текста является прежде всего обработка текста сферой сознания его адресатов, пропускающих материальные, языковые носители через свои интерпретационные фильтры. Ю.М. Лотман отмечал два типа увеличения информации: получение ее извне и возрастание информации внутри сознания адресата на основе возбудителя - информации извне [1973: 18-19].

Порождение же информационного пространства текста обеспечивается информационной психокогнитивной сферой адресанта, подключенной к семиотическому универсуму и бытию. Поэтому информационное пространство дискурса

исходя из его диалогической модели является сложным и диффузным. Порождающий информационный фильтр сознания адресанта, задействуя модули универсума и бытия, создает смысловое пространство, вербализуя его с помощью системной линейной последовательности языковых единиц. Интерпретирующий фильтр адресата, соотносясь с модулями бытия и семиосфер, воспринимая эту линейную последовательность, формирует смысловое пространство интерпретации. Диффузность различных информационных пространств, материальным носителем которых является форма и семантика текста, опосредует информационный обмен и понимание адресата. Она же, наряду с контекстуальными значениями языковых единиц и новыми смыслами, создаваемыми при их соединении, обуславливает приращение информации в дискурсе. Отсутствие полного тождества информации порожденной и воспринимаемой не означает увеличения информации при восприятии - между двумя информационными пространствами адресанта и адресата существует информационный баланс, основанный на их пересечении, большем или меньшем в зависимости от правильности избранных стратегий интерактивности: стремления быть понятым для автора и понять для читателя - и других факторов, о которых уже шла речь в предыдущих разделах.

Таким образом, **информативность** определяется нами как текстово-дискурсивная категория, отображающая взаимодействие информационных пространств всех модулей дискурса и обеспечивающая информационный баланс интерактивности адресанта и адресатов на основе текста. О.П. Воробьева вслед за А. Греймасом сопоставляет информативность с семантическим пространством дискурса как соотносением интегрированности семантических, прагматических и синтактикосемантических особенностей входящих в текст высказываний с целостным динамическим референтом и социальным и личностным коммуникативным контекстом текstopорождения и восприятия [1993: 51]. Тем самым устанавливается непосредственная зависимость информативности от составляющих коммуникативной ситуации.

209

Определяя информативность как гетерогенное многоканальное свойство художественного текста, В.А. Кухаренко считает, что, несмотря на свою неоднородность, данная категория имеет единую направленность на раскрытие концепта произведения [1988: 77]. Действительно, **концепт** можно считать подкатегорией информативности, порождаемой и интерпретируемой на основе сложной синтетической конденсации и когнитивной переработки целостной информации либо на основе замысла и интенции для автора, либо на основе интерпретации и понимания для читателя. И.Р. Гальперин считает одним из типов информации текста - содержательно-концептуальную как авторское творческое переосмысление отношений между явлениями, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа [1981: 25]. Ученый выявляет дискурсивную сущность концепта, с одной стороны, как замысла автора, с другой, как его содержательной интерпретации.

В плане интерактивности дискурса концепт все же исходит от автора и его текста, а задачей читателя является его установление **на базе** информационного сжатия. При оптимальном понимании текста адресат адекватно декодирует концепт как основу информационного баланса. Однако оценка авторского концепта принадлежит только интерпретации читателя.

Особенностями подкатегории концептуальности, воплощающей главный смысл текста, основанный на авторском отношении и осмыслении порождаемой им информации, являются ее глобальность и прерывность, эксплицитность или имплицитность. Глобальность опирается на учет всего текста и составляющих дискурса. Прерывность заключается в пунктирности концептуально важной информации в линейной последовательности текста. Для читателя важно выделить «пиковые» моменты репрезентации концептуальной информации и, синтезировав их и конденсировав, декодировать концепт. В.А. Кухаренко подчеркивает: «Содержательно-концептуальная информация развивается по-210

степенно и неритмично. Одни фрагменты текста дают для ее формирования больше, являются концептуально значимыми» [1988: 76].

Концепт может быть эксплицитным, выраженным с помощью вербальных высказываний (в заголовке, эпиграфе, зачине или выводе, предисловии или заключении для разных типов текстов). Имплицитность концепта выводится из подтекста, информационных пространства дискурса (прагматических, энциклопедических, ситуативных и др. знаний), заложенных в тексте интерактивных стратегий, информационно-семиотической сущности текстымы, речевого жанра, к примеру: рекламный дискурс, правовые акты, фейлетон, юмореска, триллер и т.п. Раскрытие концепта художественного текста с высокой степенью образности, ассоциативности информации требует когнитивного и эмоционального напряжения читателя, снимающегося пониманием-проникновением в сущность авторского замысла. Нередко концепт соотносится с той гипотезой, с которой читатель приступает к рецепции текста. Гипотеза возникает не случайно, она опирается на когнитивные структуры фоновых знаний, индивидуально-авторской, жанровой парадигматики, хотя в иррационалистической эстетике А. Бергсона, следовавшего за А. Шопенгауэром, высшей формой познания смысла произведения считается интуиция. Иные эстетические концепции, не отрицая роль интуиции, рассматривают ее как представление в снятом виде целей и результатов предварительной мыслительной деятельности, т.е. гипотеза имеет психокогнитивную природу. Подтверждение гипотезы возможно не всегда (эффект обманутого ожидания). И тогда адресат возвращается к началу, сканирует воспринятую информацию в поисках истинного концепта. Имплицитный концепт неотожествим с подтекстом, ибо подтекстовый смысл не всегда является концептуально значимым. В лингвистике существует и иное понимание концепта текста как информативности вообще, некоего мыслительного образования, возникающего в сознании, когда человек описывает некоторый объект реальной действительности языковыми средствами 211

[Брудный 1976; Воробьева 1993]. Для расчленения этих понятий, думается, следует устанавливать между информативностью и текстовым концептом отношения включения второго в первое. Не случайно И.Р. Гальперин выделил, помимо содержательно-концептуальной, содержательно-подтекстовую и фактуальную информацию [1981: 44]. **Фактуальность** также является подкатегорией информативности как вербализованное сообщение о фактах, событиях, процессах, явлениях в текстовом мире, моделируемое сознанием автора и интерпретируемое сознанием адресатов. Фактуальность информации оптимизирует информационный баланс, ибо, как правило, она легче воспринимается и понимается читателем, слушателем, особенно в случае культурной и временной близости их с автором и текстовыми событиями, не требуя привлечения значительных массивов вспомогательной для декодирования информации.

Подтекст также можно считать подкатегорией информативности, ибо он формирует значительную часть информационного пространства дискурса, а его дешифровка требует привлечения информационного массива других модулей дискурса. И.Р. Гальперин выделил два вида содержательно-подтекстовой информации в художественном тексте - ситуативную и ассоциативную: «Ситуативная СПИ возникает в связи с фактами, событиями, ранее описанными, ассоциативная - не связана с фактами..., а возникает в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом» [1981:

45]. В отличие от трактовки подтекста И.Р. Гальпериным как чисто лингвистического явления, выводимого из текстовой формы, подтекст как подкатегория информативности представляет более-общее содержание совокупности информации, актуализируемой в дискурсе имплицитно на основе текста и исходя из других модулей дискурса.

В качестве подкатегорий информативности следует рассматривать и параметры аксиологичности и эмотивности, сопровождающие протекание дискурса, порождение и восприятие текста. Многие лингвисты рассматривают данные подка-

212

тегории в ракурсе текстовой категории **модальности** - понятия чрезвычайно широкого, включающего 1) авторскую оценку высказывания с позиций реальности - ирреальности (гипотетичности и т.д.); 2) оценку отображаемой ситуации с позиций ее возможности, необходимости или желательности; 3) оценку степени уверенности в достоверности сообщения; 4)

целевую установку говорящего; 5) значение утверждения/отрицания, которые отображают наличие/отсутствие объективных связей между предметами, признаками, событиями; 6) эмоциональную и качественную оценку содержания высказывания [Теория функциональной грамматики 1990: 66-67]. Такая полисемия термина «модальность» исходит из разнообразия логических связей, выявляемых современной модальной логикой: абсолютных (логически необходимо, возможно, невозможно); онтологических (физически необходимо, возможно), эпистемических (доказуемо, сомнительно, убежден, истинно, ложно); деонтических (обязательно, запрещено, разрешено); аксиологических (хорошо, плохо, безразлично), временных (было, будет, есть). Большинство из этих модальных связей соотносимо в дискурсе, тексте с категорией референтности, но в плане информативности наиболее значимой является аксиологическая модальность и существующая на ее фоне эмотивность.

Текстово-дискурсивная подкатегория **аксиологичности** существует в информационном пространстве дискурса как обусловленная характеристикой описываемых событий, персонажей, автора-функции и адресата-функции, концептуального плана автором, читателем, а внутри текста - другими персонажами-антропоцентрами по абсолютной шкале «хорошо - безразлично (нейтрально) - плохо» и относительной «лучше - равноценно - хуже». От аксиологичности зависит деонтическая модальность «обязательно - разрешено - запрещено», определяемая через оценочные понятия.

Исходя из разработанной нами диалогической дискурсивной модели, значимой для реализации данной подкатегории информативности является аксиологическая диалогичность интериоризованного бытия, т.е. норм и оценок 213

социума, в который погружен автор, текст, читатель, и се-миосферы, к примеру, литературных, культурных предпочтений. Данная оценка опосредует нередко оценку читательской интерпретации (на которую довлеют предпочтения и эстетические взгляды среды). Так, на оценку романа Г. Уэллса «В дни кометы» даже самим автором повлияло общественное мнение о групповом браке. Г. Уэллсу пришлось сначала писать опровержение, а затем публично отказаться от своих убеждений, что вызвало, в свою очередь, негативную оценку Б. Рассела. Данный аспект подкатегории аксиологичности практически не нашел отражения в научной лингвистической литературе, между тем как оценочное воздействие модулей дискурса ощутимо особенно при разделенности временем и культурой процессов порождения и рецепции.

Подобным образом мы рассматриваем и подкатегорию **эмотивности**. Применительно к художественному тексту она определяется как «одно из его базовых свойств, которое соотносится с определенными в нем эмоциогенными знаниями и актуализируется с помощью эмотивно заряженных текстовых компонентов, воплощающих авторские эмоциональные интенции и моделирующие вероятные эмоции адресата, связанные с восприятием и интерпретацией текстовой действительности» [Гладь 2000: 7]. Эмотивность как категория художественного текста описана Ф. Данешем, К.А. Долиным, К. Кэффи, В.И. Шаховским, С.В. Гладью и др.

Эмотивность как текстово-дискурсивная подкатегория характеризуется эмотивной направленностью авторских стратегий, отображающейся во встроенной эмоциогенной программе воздействия на читателя, слушателя; эмотивностью текста и его компонентов, а также эмотивной настроенностью интерпретатора. Эффективность эмоциогенной программы адресованности выражается в эмоциональной гармонизации сознания адресата. Эмотивность обычно является составляющей информационного пространства любого дискурса. Г.Г. Почепцов (мл.) отмечает наличие аксиологичности и эмотивности в дискурсе «публик рилейшнз», рекламном, политическом и др. видах дискурса: «Рекламный дис-

214

курс должен быть направлен не на товар, а на продажу типовых психологических предпочтений людей» [1996: 89]. Аксиологичность и эмотивность возможны даже в таком виде дискурса, как научный (рецензия, критический обзор).

5.6. Категория **связности**

Связность всегда рассматривалась лингвистами как важнейшая текстовая категория, опосредующая развитие темы и обеспечивающая целостность, интеграцию текста. Однако в лингвистической литературе термин «связность» многозначен и в зависимости от целей исследования представлен различными аспектами. В. Дресслер, Р. Богранд, М. Хэл-лидей первоначально разграничивали *когезию* как структурно-грамматическую связность и *когерентность* как содержательную. Семантическая сторона связности нашла отражение в терминах *лексической солидарности* (Э. Косериу), *изо-топии* (А. Туеуlm&c), *рекуррентности* (В. Скаличка). Ориентация на изучение средств связности обусловила прежде всего отнесение ее только к языковому уровню [Мурзин, Штерн 1991: 102] на фоне детального анализа формальных коннекторов текста: местоимений, повторов, кореферентных рядов, союзов и т.д. А. Хиллом выделены три яруса показателей связности а) *сегментные*: 1) лексические (повтор, синонимы, антонимы, однокоренные слова, однокоренные слова); 2) грамматические (союзы, союзные слова, указательные местоимения, согласование времен и наклонений и их единство, коррелятивные слова, степени сравнения, вводные слова и предложения); 3) синтаксические (порядок слов, порядок сцепления частей, следование); 4) стилистические (синтаксический параллелизм, эллипсис, градиация, вопросительные предложения и др.); б) *супraseгментные* (интонация, паузы, ударения); в) *ситуативные* (экстралингвистические) (ситуации, ассоциации) [Цит. по: Турмачева 1973: 7-8].

Особую актуальность приобрело изучение текстовой связности в прикладной лингвистике, машинном переводе начиная с конца 60-х годов. Прикладные исследования ориентировались на анализ формальных способов связности: семанти-

чески близких слов и фраз, формирующих текст (Е. Агрико-ла, И.П. Севбо, Е.В. Падучева, Ю.С. Мартемьянов, ВТ. Дорофеев, С.И. Гиндин, В.Е. Берзон, Г.В. Бондаренко и др.). В компьютерной лингвистике связность рассматривалась исходя из соотношения глубинных и поверхностных синтаксических структур, а также семантических и когнитивных структур; межфразовые связи в тексте описывались на основе трансформационных правил, обеспечивающих насыщение фразовых валентностей, и употребления коннекторов, замещающих сильную позицию компонента структуры (указательные, личные, притяжательные местоимения, повторы, маркеры логических связей и т.п.). Для проектирования синтаксических процессоров в системах автоматической обработки языка и для моделирования синтаксиса использовалась гипотеза глубины связности В. Ингве, подтвердившая универсальную психологическую концепцию Дж. Миллера об ограничении объема оперативной памяти человека магическим числом 7 ± 2 единиц [см.: Штерн 1999:

67-68]. Прикладной аспект связности представляется значимым для автоматического реферирования, машинного перевода, компьютерного порождения и интерпретации текста (И.А. Мельчук, А.К. Жолковский, Ю.Д. Апресян, Н.Н. Леонтьева, Е.В. Падучева, Ю.С. Мартемьянов и др.).

Связность как текстово-дискурсивная категория рассматривается несколько в ином ракурсе как свойство, обеспечи-

вающее информационный обмен на основе взаимодействия всех модулей суперсистемы дискурса. В данном случае мы сталкиваемся с парадоксом: вербальная репрезентация информации может не иметь явно выраженных коннекторов, но текст понимаем и является связным {Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...}. Это значит, что механизмы связности лежат не на поверхности, заложены не только в вербальном посреднике коммуникативного процесса - тексте. Очевидно, связность следует рассматривать прежде всего исходя из системной упорядоченности модулей суперсистемы дискурса: коннекционно-холистической структуры сознания (внутренней системности) коммуникантов, в том числе системности их 216

языковой и дискурсивной компетенции, гносеологической упорядоченности интериоризованного бытия (в коллективном и индивидуальном сознании), иерархической связности семиотического универсума и самого текста в системно организованной коммуникативной ситуации. Связность существует в информационном пространстве дискурса, обеспечивая информационный баланс. Тем самым, адресант и адресат понимают друг друга: адресат понимает текст не только в силу его внутренней связности (семантической, содержательной, грамматической, структурной), но и по причине подключенности сознания коммуникантов - носителей одного языка и культуры, - и текста к общему семиотическому универсуму, бытию. Общность определенного фонда знаний, опыта, памяти, языка обеспечивает связность дискурса и возможность декодирования чужого текста, даже отдаленного во времени. Внутритекстовые связи порождаются определенной лингвокогнитивной упорядоченностью сознания автора и в силу определенной общности ментальных лексиконов, функций сознания декодируются адресатом. Эксплицитная связность является наиболее яркой манифестацией интерактивных стратегий текста, встроенной программы интерпретации, однако она не устраняет антагонизма между линейностью текста и его вертикальной смысловой сложностью. Антагонизм разрешается интерпретирующим сознанием адресата, высвечивающим необходимые для декодирования сферы личного опыта, знаний о мире, собеседнике, культуре, науке и проч.

В зависимости от типа актуализируемой сознанием коммуникантов информации при порождении и восприятии текста различаются следующие **типы связности**. Информацию о грамматике языка, используемую в дискурсе, представляет эксплицитно выраженная формальными показателями *грамматическая связность* (согласование рода, числа, падежа, лица, времени, наклонения, вида, синтаксических позиций, местоимений и их антецедентов и т.д.).

Семантическую информацию задействует *семантическая связность*, выражающаяся в семной итеративности сочетаю-217

щихся слов, вступающих во взаимодействие с семантической структурой высказывания [Гак 1971] и на основе межфразовой валентности - с глобальным содержанием текста. При этом учитывается положение о неаддитивности значений при сочетании слов в более крупных единицах (Л.В. Щерба, Ш. Бал-ли, Ч. Осгуд, Б. Потье, А. Греймас и др.). Механизм семной итерации, или **семантического согласования** (Л. и А. Вунджей-меры), имбрикации (Ж. Вейнренк), заключается в повторении одинаковых сем в группах сочетающихся слов, формирующем в конечном счете топик, или тематически объединенную текстовую единицу членения, макропропозицию в когнитивном отношении [ванДейк 1989: 62]. И.В. Арнольд вслед за Т. ван Дейком вводит в качестве эквивалента топика лексико-семантическую (тематическую) сетку текста [Текст как объект... 1984: 7]. Использование в тексте топика психологически объясняется стремлением к стереотипизации (сохранению полученного опыта), необходимостью ослабления внимания при повторении однотипного раздражителя [Арнольд 1990: 132] и тем самым облегчения декодирования. Введение в тематическую сетку нерелевантных теме слов как результат стремления к обновлению устоявшихся связей обычно приводит к увеличению информационного потенциала сетки, к созданию стилистических эффектов и т.п. Вербальные границы топика могут фиксироваться абзацем. Между топиками существуют логико-смысловые или ассоциативно-смысловые отношения. Топик может иметь однократный, сквозной, глобальный характер [Москальская 1981:21]. В модели восприятия текста А.А.Брудного [1976] читаемый текст как бы монтируется из последовательно сменяющих друг друга отрезков, относительно законченных в смысловом отношении, каковыми могут служить топика.

Топик формируется и на основе *ономасиологической связности*, рассматривающейся нами как повторение деривационных компонентов слов, корней и общего номинативного механизма создания единиц [Селиванова 2000:190]. Д.У. Ашурова подчеркивает: «В словообразовании все шире осознается необходимость показа не только деривационного ме-218

ханизма, но и мотивов, цели использования словарных средств, особенностей их функционирования и изучения их с точки зрения интенциональной заданности и эффективности восприятия» [1991: 3].

Дублирование ономасиологического механизма как средство создания авторского концепта характерно, к примеру, для романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Индивидуально-авторские адекватные композиты с оппозитивными по семантике ономасиологическими признаками отражают ключевой принцип контраста, положенный в основу авторской концепции романа. Контрасты жизни и смерти, войны и мира, личности и общества, внутреннего и внешнего состояния героев есть частные более общей антиномии толстовской индивидуально-авторской парадигмы: статики и динамики. Статика и динамика - два полюса толстовского видения мира; соединение этих двух ипостасей бытия пронизывает текстовую ткань романа, определяет развитие действия, эпического по своей масштабности и многоплановости.

Контрасты статики и динамики обеспечиваются контрастным построением и ассоциативным смыслом композитных номинатом: «Пьер поразил всех гостей своим сосредоточенно-рассеянным видом...чувствовал в себе приближение припадков гипохондрии и с отчаянным усилием старался бороться против них»; «Злобно кричала Наташа сдержанно-раздраженным и отчаянным голосом»; «Старая графиня сидела с счастливо-грустной улыбкой и слезами на глазах»; «Десаль... был все тот же ограниченно-умный, образованный, добродетельный и педантичный воспитатель» [см. Селиванова 2000: ISO-195].

Семантическое согласование регулируется семной динамикой слов в случае метонимии, метафоры. Эффект нарушения согласования при метафорическом переносе описан еще в «Поэтике» Аристотеля. Семная динамика в подобных случаях контекстуализирована *смысловой*, в том числе ассоциативной *связностью*, опосредованной когнитивными механизмами порождения и восприятия. Смысловая связность может, исходя из структуры сознания, базироваться на истинной тривиальной информации (диктум пропозиции) -219

логическая связность. На ассоциативном уподоблении концептов, их соположении и **эвокативности** (способности вызывать большое количество ассоциаций) основана разновидность смысловой связности - *ассоциативная*, используемая при метафоре: *Любовь выскочила перед нами, как из под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас обоих. Так*

поражает молния, так поражает финский нож (Булгаков), в том числе при **метафоре конструирования** [Кубряко-ва, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996], соотносящейся с **контрапунктом**, «для расшифровки которого получатель должен удерживать в памяти два параллельно идущих потока информации - образной и логической» [Гальперин 1974: 26-27]". Тогда луна начинает неистовствовать, она обрушивает потоки света прямо на Ивана, она разбрызгивает свет во все стороны, в комнате начинается лунное наводнение, свет качается, поднимается выше, затопляет постель (Булгаков). Смысловая связность ассоциативного типа опосредует использование стилистических приемов в тексте.

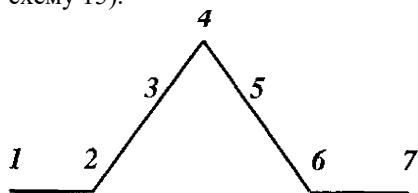
Образная связность построена на ассоциациях, коррелирующих с ощущениями: зрительными, слуховыми, тактильными и т.д., полученными из опыта при посредстве психических переживаний. Образная связность задействует также различные сферы семиотического универсума, в том числе невербальные, в которые погружен текст. К примеру, стихотворение «Ноктюрн» В. Маяковского при декодировании актуализирует визуальные образы живописи футуризма (иной семиосферы). В поэтических текстах такой тип связности опосредует формирование художественного образа: «Горит костер рябины красной, но никого не может он согреть» (Есенин). Художественный образ служит некоторой моделью действительности, восстанавливающей полученную из действительности информацию о новой сущности [Арнольд 1990: 74].

Семантико-смысловой по своей природе является **конно-тативная** связность (оценочная, эмоциональная, экспрессивная, стилистическая, опирающаяся на оценку и эмотивность информационных пространств автора, текста, чита-

220

теля и лишь частично отраженная в коннотате речевых средств). Н.Ф. Пелевина подчеркивает, что в контекстах, насыщенных эмоцией, происходит семантический процесс иррадиации экспрессивности (=коннотативности - Е.С.), г.е. переход коннотативного фона слова на определенный фрагмент текста или текст в целом [1983: 84]: *И микрофону я непонутру. -Да, голос мой любому опостылит. Уверен, если где-то я совру, - он ложь мою безжалостно усилит. Бьют лучи от лампы мне под ребра. Светят фонари в лицо недобро. И слепят с боков прожектора. И - жара!... Жара!... Жара!* (Высоцкий). Коннотативный диссонанс, как и семантическое рассогласование задан либо авторской интенцией, либо соответствует смене топика: *Итак, господин лауреат, мы открываем путь к атомной бомбе для наших дорогих прохвостов* (Гранин).

Смысловая связность опосредует **структурную, или композиционную**. Композиционная связность в художественном тексте с 1863 г. рассматривалась в наиболее общем виде как пирамида Фрайтага, где вершиной служила кульминация, ей предшествовали: 1) экспозиция; 2) завязка; 3) развитие действия; - и следовали за ней: 5) спад действия; 6) развязка; 7) эпилог (см. схему 15).

Подобная композиция присуща в идеале произведениям с единством места, времени и действия (классицизм), в большинстве художественных текстов звенья цепи факультативны, пирамида может быть свернута и преобразована. Так, одно из произведений В. Катаева начинается словами: «*Я умер в...*», т.е. началом является эпилог.

Соотнесение смысла текста с бытием, информацией о мире формирует в дискурсе и тексте **референциальную** связность, опирающуюся на возможные ситуации действитель-

221

ности (*лето сменяется осенью, деревья зеленые, у Земли один спутник* и т.д.), хотя М.И. Откупщикова вводит отношения референции в смысл текста [1982]. Частичное разрушение ре-ференциальной связности происходит в фантастических произведениях, сказках, мистериях, жанре фэнтези и т.п., а также при **беллетристических лакунах** - невозможном, несоответствующем фактам, действительности или научным представлениям о мире изложении: *Ласточка с весною в сени к нам летит. Дам тебе я зернышко, а ты песню спой* (Ласточки не едят зернышек); *Где-то плачет иволга, схоронясь в дупло...* (Иволга не живет в дупле). Иногда только референциальная связность может способствовать пониманию высказываний. Так, Сара Бернар, великая французская актриса, отличалась чудовищной худобой. Только тот, кто знал об этом, мог декодировать ироническую присказку, бытовавшую в Париже начала XX века: *Подъехала пустая карета. и из нее вышла Сара Бернар*.

Смысловая связность, сопрягаясь с семантической и ре-ференциальной формирует **топикальную** связность, т.е. связность различных содержательных, тематических линий в тексте, определяющуюся авторским замыслом. Дискурс не может осуществляться и развиваться без **прагматической** связности - настройки адресанта, текста, адресата на определенный коммуникативный регистр, опосредующий кооперативный результат коммуникации, гармонизацию сознания коммуникантов, понимание и желаемое воздействие. Все рассмотренные типы связности и существующие на их фоне факультативные текстовые категории подчинены единой **глобальной** связности текста, осуществляющей перевод интегрированной семантизированной системы на высший кодовый уровень [Жинкин 1974; Леонтьев 1999] - макрознаковый. Данный тип связности встраивает текст в глобальную связность коммуникативной ситуации.

5.7. Категория континуума

Континуум дискурса рассматривается нами, в отличие от текстового континуума, как пространственно-временное

222

взаимодействие режимов порождения и восприятия. В спонтанном, устном общении континуум характеризуется сопряженностью в общем времени и пространстве данных режимов, хотя они и обладают определенной дискретностью. Континуум дискурса проецируется в текстовую линейную непрерывность продвижения информации, расчленяемую во времени и пространстве в соответствии с замыслом адресанта.

И.Р. Гальперин применительно к художественным текстам характеризует континуум как грамматическую текстовую категорию, определяя ее как нерасчлененный поток движения во времени и пространстве, определенную после-

довательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве текста [1981: 87]. Текстовый континуум рассматривается как проявление топикальной связности, центростремительная сила текста. И.Р. Гальперин подчеркивает особую интегрирующую природу континуальности:

«По существу континуум как грамматическая категория текста-это синтез когезии и прерывности» [1981: 92]. Прерывность, по И.Р. Гальперину, осуществляется с помощью композиционно-структурной формы когезии - той, что нарушает последовательность и логическую организацию сообщения всякого рода отступлениями, вставками, временными и пространственными описаниями явлений, событий, действий [1981: 82].

В линейной последовательности художественного текста топикальные связи, т.е. связи между контактными темами, как уже отмечалось, могут развиваться логически, соответственно движению событий во времени и пространстве (**фабульный континуум**). З.Я. Тураева называет это явление **прогрессией** - непрерывным движением вперед, противопоставляя ей **стагнацию** - замедление развертывания событий в тексте путем обращения к предыдущим фактам или отступления от темы, детализации чего-либо как ввода отдельной темы.

Наличие текстовой стагнации служит показателем **сюжетного континуума** художественного текста. Средствами стагнации являются ввод топика ретроспекции (темы прошлого. биографии героя); ввод концептуально-значимого

топика (лирического отступления - птица-тройка у Н. Гоголя в «Мертвых душах»); ввод топика детализации (пейзажа, портрета; описания интерьера, артефакта); ввод топика ад-ресованности (обращения автора к читателю); ввод топика автора-функции (рассуждений автора о себе) и т.д. Исследования отклонений от темы в любом тексте, тематических связей в соотношении с дискурсивными компонентами, на наш взгляд, являются весьма перспективными. Стагнация является и подкатегорией континуальности дискурса. Психокогнитивно она проявляется в рекурсивных операциях порождающего и воспринимающего сознания, в остановленном движении адресата для устранения им неясности, неоднозначности, и адресанта - для уточнения целей, корректировки своих дискурсивных стратегий.

Подкатегориями континуума в дискурсе служат **пространство и время**, определяющиеся в трех режимах для текстов, отдаляющих во времени и пространстве автора от читателя, их обоих от описываемых событий. Не случайно, исследователи разграничивают для таких текстов обсуждаемый и событийный миры (Х. Вайнрих), план речи и план истории (Э. Бенвенист), интерпретационное, речевое и нарративное время текста (Е.В. Падучева).

Дискурсивное время и пространство есть время и пространство коммуникации, могущие быть расчлененными, дискретными или нераздельными в спонтанном общении. В отличие от них, текстовое время и пространство составляет хронотоп текстового континуума. Ученые разграничивают реальный хронотоп дискурса и внутритекстовый хронотоп [Колегаева 1991: 17]. Время и пространство в тексте часто не формируют отдельных топиков, но являются неотъемлемыми их составляющими. Последовательность тем в единстве времени и пространства можно назвать макрото-пиком. Маркерами хронотопа в тексте служат средства разных языковых уровней, интегрирующихся в функционально-семантические поля темпоральности и локативности. В.А. Кухаренко считает, что «хронотоп в художественном тексте неотделим от человека, их невозможно разделить.

224

Время присутствует в тексте постоянно, оно воспринимается и персонажами внутри своей художественной действительности и читателями, внешними по отношению к ней» [1988:

74-75]. Примечательно, что линия текстового времени для персонажа текста и коммуникантов дискурса непрерывна и едина, однако в дискурсе соединяются два типа восприятия, нейролингвистического программирования времени: сквозь время - для персонажа, который всегда находится в настоящем моменте; и рядом со временем - для автора, читателя, когда линия времени идет слева направо, ведь **ретроспекция** (возвращение к прошлому) или **проспекция** (знание дальнейшего хода событий, предвидение) занимают положенное им хронотопическое место на временной оси порождения/ восприятия коммуникантов. Данные два типа восприятия времени выделил американский исследователь в области нейролингвистического программирования Г. Джеймс, рассматривавший время как субъективное переживание в воображении человека [Цит по: Баронин 2000: 242-244].

Ретроспекция, по И.Р. Гальперину, дифференцируется на авторскую, заданную автором и вербализованную в тексте, и читательскую, сопряженную с рекурсивностью и обусловленную удерживанием и актуализацией в памяти адресата фрагментов уже прочитанного [1981: 106]. Субъективность восприятия времени человеком в отличие от объективно-субъективного осознания пространства обуславливает различную способность речи описывать динамику времени и динамику пространства. Различные пространства сосуществуют в единстве времени, поэтому описание временной динамики на основе пространственной возможно только в связи с человеком. А.А. Брудный в книге «Психологическая герменевтика» [1998] приводит пример затруднений декодирования текста, обусловленных временной динамикой и субъективной фокусировкой на ее основе пространства. В отрывке из «Гамлета» Полоний говорит Гамлету, что его зовет королева немедленно. Гамлет смотрит на него и спрашивает Полония: - *Не правда ли туча похожа на верблюда?* Полоний соглашается. Гамлет снова; - *Не правда ли, что туча по-*

225

хожа на хорька^ . Полоний соглашается. Гамлет: - *Не правда ли туча похожа на кита*^ Многие исследователи воспринимали эту сцену то как игру в безумие Гамлета, то как иронию и нежелание идти к королеве. С. Эйзенштейн выдвинул гениальную догадку о том, что слова Гамлета - лишь констатация временного изменения пространства (Гамлет не спешит и проходит очень много времени, туча меняет свои очертания, пространственные параметры). Так нетривиально В. Шекспир смог передать дискретность изменяющегося пространства во временной динамике.

5^8. Категория референциальности

Референциальность, т.е. соотнесение дискурса и смысла текста с действительностью: реальное или ирреальное - рассматривается обычно в составе широкой и многоаспектной категории модальности. Однако различие трактовок и многозначность понятия «модальность» в ряде лингвистических дисциплин обусловили необходимость разграничения аксиологически-эмотивного ее аспекта и аспекта референции (так называемой логической модальности). Тем более, принимая за основу концепцию Ш. Балли о двухчастной структуре предложения, пропозиции, включающей диктум и модус - «различные оттенки чувств и воли», - мы отказываемся от термина «модальность» для обозначения данной категории. А поскольку в дискурсе осуществляется тройственная соотнесенность коммуникантов и текста с действительностью в плане

реальности/ирреальности, мы отдаем предпочтение термину «референциальность». О.П. Воробьева определяет текстовую категорию референциальности как соотнесенность текста с некоторым сегментом реальности или квазиреальности, неким положением дел, с референтной ситуацией или событием [1993: 42].

Исходя из того, что «события жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда развиваются на рубеже двух сознаний» [Бахтин 1979: 285], считаем, что текстово-дискурсивный статус категории референциальности более сложен и опосредован взаимодействием различных точек референции. **Точка-226**

ми референции дискурса являются 1) авторское порождение текстового макрозакона на основе интериоризации им бытийной сферы, в которую автор погружен во времени и пространстве; 2) соотнесение авторской интериоризации с референцией событий, явлений, описываемых в тексте; 3) читательская референциальная соотнесенность со своей эпохой во времени и пространстве и 4) референция читательской рецепции описываемых в тексте фактов, событий.

Несмотря на многообразие точек референции, следует подчеркнуть, что любая из точек гносеологически опосредована субъектом (коммуникантом), иначе текст остается мертвым, извлеченным из дискурса. Субъективность соотнесения действительности со всеми сторонами дискурса соответствует мысли, неоднократно высказываемой лингвистами и логиками об имитированной референции текста, ее модельности, гипотетичности, превращенности, так называемой псевдореференции (Р. Фаулер, Дж. Серль, П. Рикер, Р. Барт, Р. Карнап, Ю.С. Степанов, О.П. Воробьева и др.). Обычно таковым считается художественный текст, но ведь любой текст, даже научная статья, законодательные акты, автобиографии, мемуары, репортажи с места событий содержат интерпретирующую оценку референции автором или коллективом авторов, а затем и читателями. Превращенная, модельная референциальность текста и обеспечивает диалогичность модулей коммуникативной ситуации на основе различной интерпретируемости действительности, обуславливая превращенную референциальность дискурса, погруженного в реальную действительность. Такая референциальность не означает полного отсутствия проекционных связей с действительностью. Степень приближенности текста к событиям реальной действительности определяется его типом, индивидуально-авторской парадигматикой, спецификой дискурсивных модулей.

Особенности речевого жанра выявляют текстовую референцию: *максимальной приближенности* к действительности (деловые документы, акты, автобиография, хроника, репортаж); *пунктирную референцию*, проявляющуюся в описании

227

отдельных реально происходивших событий, во включении в текст действительно существовавших личностей (исторические романы, биографическая проза, теледискурс, политический дискурс); *референцию-рефлексию* (лирические произведения); *референцию вымысла* (художественные тексты с вымышленными событиями, героями); *референцию-фэнтези* (в большей или меньшей степени отдаленные от реального мира «фантастические» тексты: сказки, романтические произведения, триллеры, фантастика и т.п.). Бесспорно, данная шкала текстовой референции очень условна, возможны гибридные в плане референции тексты (диссертации, научные статьи, кинодискурс). Многие актуализированные тексты одного жанра манифестируют тип референции в зависимости от личности автора, его стиля (ср. фантастика Ж. Верна, С. Лема, Г. Уэллса, В. Беляева, братьев Стругацких).

Выбор типа референции зависит также от стратегий автора, интерпретанты читателя, фонда их знаний, опыта; эпохи, в которой они живут; языка и культуры, в которые они погружены. Текстовое время и пространство как компоненты дискурса сопряжены с категорией референциальности:

отдаленность эпохи порождения от режима интерпретации также определяет специфику точек референции дискурса.

5.9. Категория антропоцентричности

Во взаимодействии с категорией референциальности находится текстово-дискурсивная категория антропоцентричности, проявляющаяся в том, что гносеологическим и коммуникативным центром дискурса и текста является человек, его индивидуальное сознание. Ученые фиксируют наличие в художественном тексте трех антропоцентров: автора, читателя и персонажа [Тураева 1986; Данилко 1987; Коллегаева 1991; Воробьева 1993]. Однако, как отмечалось нами в 4.1, антропоцентрическая представленность в дискурсе более разнопланова и многослойна и проецируется в систему диалогических связей автора и его текста, автора и предполагаемого читателя, читателя и текста, конкретного читателя и автора и т.д. А. Греймас, Ж. Курте выделяют внутри

\

произнесенного дискурса актанты коммуникации: рассказ-чика-нарратора, адресата повествования-наррации, производителя интерречевого акта и его адресата [1983: 484].

Таким образом, в категории антропоцентричности можно выделить подкатегории адресантности и адресатности (адресованности), которые находятся в сложном взаимодействии и имеют различные средства репрезентации.

Категория **адресантности** исходит из личности автора-человека, трансформирующегося в тексте в **автора-функцию**. З.-Я. Тураева рассматривает эту функцию автора как **локацию** - абстрактное отношение, возникающее вокруг творящего «я» как центрального ориентира, который подчиняет себе категории времени и пространства [1986: 82]. И.М. Коллегаева различает понятия автора и адресанта как текстового аналога отсутствующего автора [1991: 18]. Этот адресант в нашем понимании соотносим с автором-функцией. В ряде текстов, автор которых либо неизвестен по причине значительной временной отдаленности, либо неактуален (рекламные лозунги, юридические тексты), либо обобщен (поговорки, народные сказки), дискурсивная локация осуществляется автором-функцией. В произведениях с мистифицированным автором настоящий автор умело отчуждает свое сознание и создает автора-функцию чужого сознания («Песни Оссиана» Макферсона).

Дискурс имеет встроенную в текст программу интерпретации автора-функции. Автор-функция может быть имплицитен, однако сфера его мыслей, оценок, эмоций, чувств и т.д. просвечивает сквозь текстовую ткань в глобальной связности дискурса. Эксплицитный автор-функция может соответствовать **образу** автора, представленному знаками личных, притяжательных местоимений, глаголами, вводными словами и т.д.: *Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность; моему охлажденному взору неприятно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движение в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя* 229

юность! О моя свежесть! (Гоголь). Образ автора не следует отождествлять с **образом рассказчика** в случае перепорученной речи, встроенной в текст («Герой нашего времени» М. Лермонтова, «Крейцеров соната» Л. Толстого и др.).

Образ рассказчика является персонажным антропоцентром текста (почтмейстер, рассказывающий о капитане Копейкине).

Для читателя автор-функция трансформируется в интерпретируемого автора-функцию. Обработывая текстовую информацию, читатель в дискурсе воссоздает собственное видение, точку референции, эмотивное и аксиологическое отношение к автору-функции. Временная отдаленность порождаемого текста от его восприятия может внести существенные изменения и дополнения в интерпретацию автора-функции, в значительной мере расподобляя его со встроенным в текст адресантом.

В лирических произведениях возникает иное преломление автора-функции - **лирический герой**. Т.И. Сильман подчеркивает: «Постоянной данностью, непосредственно выраженной или внешне скрытой, является прежде всего сам герой, лирическое «я» [1977: 180]. И.И. Ковтунова называет это явление эгоцентризмом (я-центризмом) лирики, выдвигающим на определенную роль точку зрения говорящего, и это непосредственно отражается на структуре текста и семантике языковых средств [1986: 152]. Автор-функция в лирическом произведении далеко не всегда исходит из самовыражения поэта-человека, это, по мнению Л.Я. Гинзбург, «раскрытая точка зрения, отношение лирического субъекта к вещам, оценка... При этом прямой разговор от имени лирического я нимало не обязателен. Ведь в лирике авторское сознание может быть выражено в самых разных формах - от персонифицированного лирического героя до абстрактного образа поэта... до всевозможных объективных сюжетов, персонажей, предметов, зашифровывающих лирического субъекта именно с тем, чтобы он продолжал сквозь них просвечивать» [1981: 5-6]. Автор-функция не может быть отождествлена с персонажем поэта в лирике, хотя персонажи, безусловно, несут на себе его отпечаток. В художествен-

230

ной прозе некоторые герои произведения прототипичны автору, его биографии, жизни, однако они не являются автором-функцией, а формируют персонажные антропоцентры, воплощающие авторские идеи.

Второй стороной антропоцентричности дискурса является подкатегория **адресатности**. Позиция адресата встроена в макрознак текста в соответствии с замыслом, интенциями автора, его концепцией адресованности данного текста. Рассматривая адресованность художественного текста как его свойство, «посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате текста и особенностях его интерпретативной деятельности», О.П. Воробьева определяет специфику данной прагматическо-семантической текстовой категории на основе феномена расщепления адресата художественного текста [1993а: 29, 106]. Исходя из четырех соотносительных измерений художественной коммуникации: реального, предполагаемого, отображенного и изображенного, - исследовательница разграничивает несколько типов адресата: а) реального (эмпирического) читателя; б) предполагаемого читателя, представление о котором строится с учетом свойств реальной читательской аудитории, релевантных для понимания конкретного художественного текста, и включает гипотетическую модель **идеального адресата**, детерминированного особенностями каждого текста; в) текстового читателя, одной из реализации которого является образ читателя как особый повествовательный модус художественного текста, интегрирующий две формы: *образ идеального читателя*, принадлежащей отображенному измерению художественной коммуникации, и *образ фиктивного читателя*, относящийся к ее изображенному измерению [Воробьева 1993а: 106-107].

Транспонируя эту концепцию на дискурс, необходимо подчеркнуть, что адресатность как текстово-дискурсивная подкатегория антропоцентричности есть сложное взаимодействие реального адресата, предполагаемого адресата, интенционально заданного автором и вписанного в текст, а также представленного в тексте образа адресата. О.П. Воробьева отмечает: «Адресованность служит базой когнитив-

ной обработки интерпретации текста реальным читателем в ходе реконструкции им указанной программы по лингвистическим сигналам в ткани текста и распределения на этой основе включенного в текст представления» [1993а: 9].

В соответствии с выделенным М.М. Бахтиным автором-функцией, предполагаемого адресата, программа интерпретации которого содержится в тексте, можно квалифицировать как **адресата-функцию**. Адресат-функция, моделируясь на основе диалогических отношений с автором-человеком, вступает в диалог и с автором-функцией, опосредованный интенцией реального автора. Однако этот диалог не следует смешивать со взаимодействием образов автора и читателя: *Так скажут многие читатели и укорят автора в несооб-разностях или назовут бедных чиновников дураками, потому что щедр человек на слово «дурак» и готов прислужиться им двадцать раз на день своему ближнему... Читателю легко судить, глядя из своего покойного угла и верхушки, откуда открыт весь горизонт на все, что делается внизу... (Гоголь)*. Диалог автора-функции и адресата-функции прослеживается во всем информационном пространстве текста и нередко коррелирует с текстовым концептом.

Адресатность дискурса строится на множественных диалогических отношениях реального адресата с адресатной функцией в тексте, а посредством этого с автором текста. В данном опосредованном диалоге выявляется еще один важный аспект подкатегории адресатности, который отмечает И.М. Колегаева: «В момент реализации коммуникативного акта гипотетическая модель адресата вступает во взаимодействие с сознанием конкретного реципиента, запланированная схема наполняется индивидуальным содержанием. Модель адресата превращается в собственно **фигуру** адресата данного речевого акта... От степени совпадения актуализированной фигуры адресата с ее виртуальной моделью, встроенной в сообщение, в значительной степени зависит конечный коммуникативный эффект» [1991: 19]. Для расподобления адресата-функции и фигуры адресата мы вводим обозначение последнего как интерпретируемого адресата. 232

Конкретный адресат-человек (читатель и слушатель) пропускает сквозь сферу своего сознания адресата-функцию, вступая в сложные диалогические отношения с ними, декодируя тем самым и интерпретируя его. Этот адресат может значительно отклоняться от гипотетической модели. «Таково, например, суммарное изменение читательской аудитории у некоторых произведений Ф. Купера, Д. Дефо, А. Дюма, В. Скотта, которые в генезисе адресовались взрослому читателю, а с течением времени превратились преимущественно в чтение для детей и юношества» [Колегаева 1991: 19-20]. Тем самым, адресатность подобно адресантности в дискурсе расщепляется, что, очевидно, и обуславливает, наряду с другими особенностями дискурса, отсутствие «зеркальной» интерпретации.

Адресат-функция в лирике имеет тенденцию к расширению, неопределенности, что, по мнению И.И. Ковтуновой, втягивает в структуру сообщения «внешнего адресата» всего текста - читателя. Для читателя появляется потенциальная возможность воспринять смысл высказываний с формами повелительного наклонения как обращенный непосредственно к нему [1986: 81]. «Втягивание» конкретного читателя в структуру текста осуществляется с помощью маркеров повелительного наклонения, абстрагированных обращений и сообщений, вопросительных предложений и т.д.: *О люди! Все*

похожи вы на прародительницу Еву: Что вам дано, то не влечет; Вас непрестанно змий зовет К себе, к таинственному древу; Запретный плод вам подавай, А без него вам рай не рай (Пушкин). «Втягивание» конкретного читателя в текст является одной из интерактивных стратегий и служит одним из средств эффективности дискурса.

5.10. Категория интерактивности

Основой осуществления дискурса являются интеракционные отношения коммуникантов, посредником которых служит текст. Интеракционный принцип речевого общения также рассматривается в фокусе интегративной категории диалогичности дискурса. В психологии общения рече-233

вое взаимодействие квалифицируется как субъектно-субъектные отношения [Васильева 1985: 81]. Однако эти отношения все же опосредованы речью, текстом, которые М.М. Бахтин называл средством коммуникации двух сознаний. Ученые справедливо считают, что интерактивность представляет собой социально и этнокультурно обусловленный процесс: «Интеракцию нельзя рассматривать в отрыве от этнокультурной среды. Взаимообмен идеями, эмоциями, установками, мотивами в определенном социокультурном пространстве, учитывая межличностные отношения при наличии бикоммуникативного и поликоммуникативного контекстов, обеспечивает результативное взаимодействие коммуникантов» [Гетьман 2000: 325]. Тем самым постулируется связь интерактивности с культурным аспектом диалогичности.

Интерактивность как текстово-дискурсивная категория представлена субъектно-объектно-субъектным взаимодействием коммуникантов, погруженных в семиосферу и бытие, и вербально - «следами» этого взаимодействия в тексте, высказывании. Психологической основой интерактивности является стремление быть понятым и понять другого, дополняющееся взаимными переживаниями, ощущениями, чувствами. Когнитивной основой служит определенная общность сфер сознания, в том числе дискурсивного, тезаурусов коммуникантов, механизмов ассоциирования. Лингвистической основой интерактивности является речевая система, целью которой служит осуществление общения.

Категория интерактивности включает подкатегории интенциональности, стратегичности, интерпретанты и эффективности, опосредованные диалогическим взаимодействием различных модулей и иных категорий дискурса. **Интенциональность**, как уже отмечалось, есть выражение цели адресанта по отношению к конкретному или возможному адресату или к интериоризированным объектам. **Стратегичность** представляет собой встроенность в текст на основе авторской интенции и замысла программы его интерпретации, направленной на эффективность дискурса. В лингвистике текста различают два типа стратегий: стратегии порождения-234

ния и восприятия. Тем самым стратегичность должна рассматриваться с позиции «сходной» интерактивности, т.е. авторской программы воздействия, учитывающей интерпретирующие механизмы сознания адресата и его стратегии. Образный пример стратегичности приводит А. Чехов: «Когда хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее - это дает чужому горю как бы фон, на котором оно вырисовывается рельефно».

Стратегичность дискурса связана с интерпретантой адресата, т.е. его нацеленностью на восприятие текста, на дискурсивное взаимодействие. Интерпретанта обеспечивает узнавание текста, опознание его жанра, тематемы, декодирование цели, замысла автора, концепта, понимание различных типов информации и воздействие. Многослойность интерпретанты обеспечивается многоплановостью дискурса и структуры личности адресата. Исходной точкой интерпретанты может быть сам текст, его парадигматика, семиотический универсум, личность адресанта, ситуация и цели, желания, стремления, ожидания адресата. Вслед за Ч. Филлмором Г.Г. Молчанова [1988] проецирует ожидания адресата на модели фреймов интерпретации. В линейной последовательности текста они опираются на горизонты **ожидания** - семантически протяженную цепочку речевых элементов, на которую распространяется способность воспринимающего предсказать появление новых компонентов [Николаева 1978: 467]. В филологической герменевтике вербально-семантическая сущность горизонтов ожидания трансформировалась в смысловую сущность горизонтов понимания [Богин 1982: 69].

Результирующей подкатегорией интерактивности является **эффективность** дискурса, т.е. достижение коммуникантами коммуникативной кооперации, взаимопонимания. Эффективность может рассматриваться и односторонне как достижение адресантом перлокутивного эффекта, адекватного собственной иллокуции (хотел обидеть и обидел). В этом смысле односторонняя эффективность может привести как к сотрудничеству, так и к конфликту. Для различения двух возможностей эффективности следует ввести два тер-

235

мина: *иллокутивной* эффективности как достижения цели адресантом и *интерактивной* эффективности как достижения коммуникативной кооперации.

В художественном тексте эффективности восприятия, достигшая наиболее высокой степени, названа **гармонизацией**. Н.С. Болотнова называет гармонизацию коммуникативной универсалией, предполагающей определенные правила, принципы словесно-художественного структурирования текста, ориентированные на «диалогическую гармонию» автора и читателя [1992: 77]. Опираясь на четыре закона словесно-художественного структурирования: эстетически обусловленной смысловой избыточности, эстетически обусловленной смысловой экономии, гармонического соответствия текстовой парадигматики и синтагматики и соответствия типовых и уникальных текстовых ассоциаций, - исследовательница предлагает программу диалогической гармонизации на лексической основе. Считая проблему гармонизации актуальной для всех речевых жанров, Н.С. Болотнова подчеркивает необходимость изучения различных средств, способов, программ достижения гармонического сотрудничества.

5.11. Категория интерсемиотичности

В дискурсе категория интерсемиотичности реализуется на основе диалогического взаимодействия модулей коммуникантов и текста с семиотическим универсумом - кодом культуры, науки, литературы и т.д. К проблеме множественных связей текста с другими текстами обращались М.М. Бахтин как один из основоположников такого подхода, его ученица Ю. Кристева, которая ввела термин «интертекстуальность», Р. Барт, К. Леви-Стросс, В.В. Виноградов, Ю.М. Лотман, А. Беннет, О. Розеншток-Хюсси, С. Фиш, Р. Богранд и др.

Интертекстуальность квалифицировалась исследователями текста как «перспектива множества цитаций, мираж, сотканный из множества структур... Единицы, образуемые этим кодом, суть не что иное, как отголоски чего-то, что уже было читано, видано, сделано, пережито: код является следом этого уже» [Барт 1994: 39]. Вовлеченность дискурса в се-236

мистический универсум, по словам М.М. Бахтина и К. Леви-Стросса, имеет рекурсивную (связь с тем, что уже создано) и прокурсивную природу (связь с тем, что будет создано). В дискурсе интерсемиотичность проявляется в этикетной

стороне поведения, в дискурсивных правилах построения, управления и контроля общения, в ориентации коммуникантов на знания науки, литературы, искусства, культуры.

З.Я. Тураева отмечает парадигмальную точку сопряженности художественного текста с другими текстами: «Парадигматика художественного текста устанавливает интрасемиотические соответствия между текстами, вовлекает текст в континуум мировой культуры» [1994: 106]. Знания речевых жанров, стилей, индивидуального творчества автором также опосредуют его диалог с семиосферой. В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман описывают интертекстуальность индивидуально-авторской парадигматики Ф.М. Достоевского исходя из его тексты «петербургского текста», т.е. «существования в художественном сознании Достоевского определенного устойчивого текста, который в многочисленных вариациях проявляется в его произведениях» [Топоров 1973; Лотман 1996: 432]. Н.А. Фатеева поясняет интертекстуальность индивидуально-авторской парадигматики диалогом (автокоммуникацией) автора с самим собой [1997: 12-21]. Концепция парадигматической интертекстуальности дополняется идеей об интертекстуальной инвариантности в работах В.Я. Проппа, И.И. Ревзина, У. Эко (семиотическая гипотеза об объяснении кода при помощи кода).

В знаковом пространстве текста интерсемиотичность фиксируется в виде **цитат** (коммеморат) - дословного или недословного ввода в текст фрагментов чужих текстов; **аллюзий** (лат. *allusio* - шутка, намек) - упоминаний о факте, событии, персонаже, описанных в чужих текстах: **реминисценций** (от позднелат. *geminiscentia* - воспоминание) - произвольных черт, наводящих на воспоминания о другом произведении (обыгрывание стилистических приемов, мотивов), **бродячих сюжетов** - использования сюжетной канвы чужих текстов (см. «Словарь сюжетов всемирной литературы» 237

Френцеля). В художественном тексте способом интертекстуального диалога является троп. Тропеические повторы и модификации могут существовать в пределах индивидуально-авторской парадигматики и за ее пределами. Р.О. Якобсон рассматривал тропеическую интертекстуальность как свойство авторов, склонных к литературному билингвизму [1987: 324], т.е. проявляющих себя в нескольких речевых жанрах, к примеру, в поэтическом и прозаическом, публицистическом и поэтическом и т.п. Тропеическая интертекстуальность обычно осуществляется путем повтора метафорического бленда как встроенности различных концептосфер, хотя возможно ее проявление в виде иронии, метонимии.

С.Б. Кураш относит к продуктам интертекста, «базой которого служит художественный дискурс, также пародию, перевод, сопоставление, причем последнее стоит явно особняком, осуществляясь в научном дискурсе» [2001: 301]. Думается, спектр интертекстуальных проявлений может быть расширен за счет речевых жанров, вторичных по отношению к исходному, опорному жанру. Таковые могут существовать в пределах авторской парадигматики (автореферат, резюме, аннотация и т.д.), за ее пределами (рецензия, отзыв, изложение, научное исследование о тексте и т.д.), в том числе за пределами данной семиосферы (статья о спектакле, концерте, картине и т.д.).

Проявлениями интертекста служат «тексты в текстах», причем встроенные тексты могут варьировать свой речевой жанр, выходя за пределы семиосферы основного текста, что свойственно, к примеру, постмодернизму. Так, в романе Дж. Фаулза «Волхв» используются интертексты сценария кинофильма, газетной статьи, заявления-обращения и т.д.

Текст несет на себе след не только парадигматически однородной текстовой семиосферы, но и следы других текстовых семиосфер (аллюзии из Библии в ряде художественных текстов, «Дубровский» А. Пушкина и судебное дело XVIII в.; поэзия М. Ломоносова и научные тексты), а также семиосфер живописи, музыки, скульптуры и проч.: *А после на дровнях, в сумерки, В навозном снегу тонуть. Какой сумасшедший* 238

Суриков мой последний напишет путь (Ахматова) - интерсемиотическое взаимодействие с живописью, картиной Сурикова «Боярыня Морозова».

Ю.М. Лотман отмечает также процесс разрушения текстов и интерсемиотическое преобразование их в материал для создания новых текстов - от построения средневековых сооружений из разрушенных античных до создания современных пьес «по мотивам» Шекспира [1996: 434]. Такое преобразование исходных текстов названо **интертекстовым ри-мейком**, который также становится частью культуры.

Интерсемиотичность текста, дискурса в когнитивном аспекте проявляется также в динамике разработки различными авторами культурных и других концептов и их антиномий: ЖИЗНЬ - СМЕРТЬ, ДОБРО - ЗЛО, ИСТИНА, ЛЮБОВЬ и под., ~ а также в использовании архетипов как рефлексов коллективного бессознательного.

239

РАЗДЕЛ 6. КОГНИТИВНАЯ КАРТА ДИСКУРСА, ТЕКСТА

6. 1. Принципы когнитивного моделирования дискурса^ текста

Экспансия принципов и методик когнитологии в современную теорию текста и коммуникации обусловила новые исследовательские ориентиры текстово-дискурсивного анализа, хотя изучение смыслового плана текста имеет свои традиции в лингвистике текста и семантике. Е.В. Тарасова, ссылаясь на утверждение Р. Лакофф, подчеркивает: «Нормальная (т.е. осмысленная, целенаправленная) речевая деятельность не может не иметь когнитивной инфраструктуры» [1999: 175]. Одним из направлений когнитивной лингвистики стала когнитивная теория дискурса, основоположником которой можно считать Т. ван Дейка. В работе «Эпизодические модели в обработке дискурса» ученый исходит из того, что «люди, слушая или читая дискурс, не только конструируют его смысл в виде базы текста, но и создают или извлекают из памяти модель, репрезентирующую то, что они думают относительно ситуации, которой посвящен дискурс» [1989: 88]. Т. ван Дейк характеризует эпизодические, ситуационные модели дискурса, их структуру и функции, описывая эмпирические явления, послужившие основой этих моделей при порождении и восприятии текста в коммуникативной ситуации (см. 2.1). Основой использования эпизодических и ситуационных моделей является принцип «повторного переживания» как повторной актуализации уже проигранных жизненных сценариев, которые прилагаются и адаптируются к воспринимаемому тексту и ситуации (Ф. Бартлет, Е. Гоффман, Д. Рум-мельхарт, Ч. Филлмор и др.).

240

Поскольку моделирование структур репрезентации знаний является основой концептуального анализа в когнитивной науке, когнитивная теория дискурса рассматривает в качестве первоочередной задачи - создание ментального прообраза всего информационного пространства коммуникативной ситуации, в том числе текста как ее семиотического посредника. Когнитивное моделирование текста, дискурса носит интерпретационный характер, так как исследователь обрабатывает их с позиций наблюдателя, как бы надреза, поэтому когнитологи обычно связывают ментальную модель текста, дискурса с пониманием, интерпретацией. Не случайно Ч. Филлмор вводит понятие **фрейма интерпретации**, активируемого в сознании

адресата в процессе восприятия текста. При этом воспринимаемый фрагмент текста сличается с уже заложенным в памяти интерпретационным фреймом [Новое в зарубежной лингвистике 1988: 65-90]. «В исследованиях последних лет получает серьезное теоретическое обоснование и экспериментальную верификацию новый тип структур знания, выступающих одновременно схемами понимания и речевых действий. Это так называемые **фреймы взаимодействия**» [Тарасова 1999: 178], опирающиеся на прошлый коммуникативный опыт участников речи.

В компьютерной лингвистике ученые предлагают для распознавания смысла текста фрейм, отмечая комплементарность тезауруса как координатной сетки, где в ячейках расставлены основные понятия фиксированного семантического пространства, и фрейма: их комплементарность проявляется в том, что один моделирует язык, а другой речь [см. Гончаренко, Шин-гарева 1984: 3]. Фреймы являются структурами опыта и знаний и представляют интериоризованную действительность в упрощенном и упорядоченном путем коннекционного моделирования виде. Л. Барсалу применяет для такого моделирования **событийные фреймы** - «хранящиеся в долговременной памяти структуры знания, конкретизирующие условия, в которых разворачивается коммуникативная ситуация, и те действия, которые необходимо предпринять для достижения поставленной цели при данных условиях» Шит. по:

241

Тарасова 1999: 177]. Р. Шенк вводит понятие **сценариев** как когнитивных пакетов информации в личностном сознании, фиксирующих неавтоматическую эпизодическую жизненную ситуацию [Schank 1982]. Сценарии Р. Шенка сходны с **эпизодическими моделями** Т. ван Дейка, однако последний идет дальше, рассматривая более крупную когнитивную модель - **базу** текста, состоящую из локально и глобально связанной последовательности пропозиций.

Кроме того, Т. ван Дейк погружает эту базу в коммуникативный контекст, отмечая необходимость учета при понимании эпизодических моделей **моделей контекстов** как неких знаний о тексте, речевом жанре, которые в свою очередь активизируют в сознании реципиента определенные эпизодические модели, типичные для данных контекстов [1989: 92]. Не менее важным ученый считает зависимость эпизодических моделей от целей и интересов коммуникантов, однако обращает на себя внимание согласованность всех эпизодических моделей, целей и интересов некой управляющей инстанций - системой.

Именно контекстуальная модель осуществляет глобальное управление всем дискурсом: «Эта управляющая система отвечает также за стратегическое комбинирование нескольких ситуационных моделей: она использует информацию микроуровня из кратковременной памяти или базы текста, находящейся в эпизодической памяти, и согласовывает ее с общим контекстом и целевой информацией, а также с общими сценариями, а затем выдвигает эффективную гипотезу относительно того, какого рода фрагменты моделей следует извлечь из памяти или активизировать и как их следует сочетать» [ван Дейк 1989: 94]. Управляющая контекстуальная модель, бесспорно, сложнее и, в отличие от эпизодической, обычно репрезентируемой как пропозиция, или предикатно-аргументная структура, описательна в терминах не актантов и предикатов, а определений, устанавливающих систему жанра дискурса, его стратегий, ролевых черт коммуникантов и т.д. Именно контекстуальная модель, погружающая текст в диалогические отношения между компонен-

тами дискурса, является когнитивным фильтром в процессах порождения и восприятия.

Когнитивное пространство текста обычно моделируется на основе коннекций пропозициональных структур семантического синтаксиса. Альтернативной данному подходу является психологическая концепция ментальных моделей Ф. Джонсона-Лэйрда. Ученый считает, что ментальные модели значительно легче вызвать в памяти, тогда как для того чтобы вспомнить пропозицию, нужно установить вербальную форму высказывания [Johnson-Laird 1983; 1988]. В данном случае ментальные модели близки эпизодическим Т. ван Дейка, ибо и те, и другие нагружены сферой личностного знания. Однако процессы моделирования в конечном итоге предполагают перевод глубинных мыслительных структур в поверхностную знаковую форму естественного языка или *lingua mentalis*. Поэтому установившаяся в языкознании пропозициональная модель в значительной мере способна репрезентировать внутритекстовую действительность; причем, по мнению А. Пейвио, даже образная форма знаний может интерпретироваться в пропозициональных терминах [Paivio 1986: 31]. Экспериментально подтверждено, что пропозициональные структуры отражают не только лингвистические значения, но и визуальную информацию в силу того, что обработка информации зрением, языком и др. проявляет сходство общих принципов организации [Kosslyn 1980; Badecker 1991: 373].

Ученые отмечают, что пропозициональные модели находятся в центре научной парадигмы когнитивной науки и признаются исследователями, стоящими на противоположных позициях в рамках самых разных когнитивных теорий [Pylyshyn 1984;

1988; Fillmore 1984; Апресян, Богуславский 1989; Апресян 1995а; Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996:136 и др.]. Основным свойством пропозиции считается ее истинность, объективность, релевантность интериоризованной в сознании действительности, хотя существуют и иные трактовки пропозиции [ср. Johnson-Laird 1983]. Однако текстовый мир высказываний нередко противоречит представлениям о реальных отношениях предметов и явлений, что отражено в метонимии, 243

метафоричности, образности, символическое!!! план<л выражения. Не учитывать этого при когнитивном моделировании невозможно, а переводить подобные поверхностные структуры в тривиальные глубинные путем *lingua mentalis* означает игнорировать процессы творчества, образное мировосприятие, что обуславливает потерю большей части содержания. Дабы избежать этого, пропозициональные модели могут рассматриваться как ядро более широкой **фреймовой** кон-некционной модели **пропозиционально-ассоциативного типа**, коррелирующей с аксиологической сферой модуса; прагматическим компонентом; образами, гештальтами на основе ощущений, а также с различными функциями, человеческого сознания (чувствованиями, интуицией, трансценденцией), коллективным бессознательным. Дж. Лакофф не случайно выделял четыре структуры, опосредующие познание объекта: пропозициональные, схематические (по форме), метафорические и метонимические [Новое в зарубежной лингвистике 1988: 35].

Модель такой разноплановой корреляции служит репрезентантом психо ментального континуума сознания, вербализуемого в текстовом семиотическом пространстве [Селиванова 2000]. Данный континуум позволяет представить различные способы хранения информации как в виде логических структур памяти, так и в виде структур нетривиального мировосприятия, зрительных образов, гештальтов и проч. [см. Панкрац 1992:17] на основе языка и невербально, ибо в тексте, дискурсе задействованной оказывается имплицитная информация, которая «не зависит от специфики естественного

языка и позволяет аналогичным образом представлять и использовать во всех ментальных процессах информацию, полученную как через язык, так и через перцепцию, независимо от первоначального источника информации» [Залевская 1985: 156].

Двувекторность рассмотрения всей системы информации на входе и на выходе из текста выдвигает требование моделирования всего информационного пространства дискурса. В 1991 году Дж. Динсмор подчеркивал необходимость синтеза различных подходов к установлению ментальных репрезентаций, представления глобальной картины их функциони-

244

рования в системе их корреляций, подчиненной целям порождения и восприятия речевых продуктов [Dinsmore 1991]. Применительно к дискурсу такой синтез может быть представлен в виде его когнитивной карты. Данный термин был употреблен в контент-анализе политических текстов как модель в виде графов интересов, типичных реакций, предпочтений, представлений политического лидера, позволяющую прогнозировать его поведение [Почепцов 1996: 53-54]. Мы понимаем под **когнитивной картой дискурса** - информационную модель, обуславливающую его осуществление в плане диалогического взаимодействия модулей коммуникативной ситуации.

6.2. Составляющие когнитивной карты дискурса

Когнитивная карта дискурса моделируется исходя из диалогического соотношения лингвopsихоментальных процессов, протекающих в сознаниях адресанта и адресата, вербальным продуктом которых является текст. На основе принципа речевой системности вычленяется главный когнитивный компонент карты - **жанровая (текстемная) модель**, которая представляет собой управляющую систему, корректирующую протекание дискурса. Жанровое моделирование осуществляется на основе прототипического подхода двумя путями: исходя из наиболее общих свойств дискурсивного жанра (наиболее общей схемы жанра) и путем сличения с наилучшим образцом данного типа дискурса, реализующим жанровые свойства в наиболее чистом виде и наиболее полно, без примеси иных свойств [Givon 1986: 195].

В жанровую модель дискурса включены его прагматический и тематический тип, закономерности его формирования, стиль, возможные отклонения от типа и стиля, обуславливающие гибридность жанровой модели, ролевые позиции коммуникантов. Для моделей речевых актов учитываются эксплицитность - имплицитность, иллокутивная сила, тип иллокутивного акта, перлокутивный эффект или реакция. К примеру, определенный речевой акт авторитарного делового дискурса обуславливает роли коммуникантов - начальника и 245

подчиненного, иллокутивную силу - приказ, прямой иллокутивный акт - приказ, косвенный - запугивание, перлокутив-ный эффект - выполнение приказа, испуг; реакцию - увольнение по собственному желанию.

Для дискретной во времени и пространстве текстовой коммуникации жанровая модель обусловлена текстемой (научная статья, аннотация, законодательный акт, служебная записка, репортаж). Для художественного текста модель текстемы уточняется методом, литературным жанром, стилем, функциональной спецификой и т.д. К примеру, в постмодернизме «законом жанра» его текстом являются интерактивное напряжение при декодировании, пересечение текстовых миров, неопределенность референции, разорванность, нецелостность персонажа -человека новейшего времени и т.д. [см. Короткова 2001].

Жанровая модель обусловлена включенностью дискурса в определенную семиотическую сферу; отклонение от нее трансформирует речевой жанр, текстему, создавая либо новую, либо гибридный жанр. Жанровая модель может быть соотнесена с «суперструктурами» Т. ван Дейка, задающими общую форму дискурсу [1989:41].

Жанровая модель коррелирует с **интерактивной моделью** дискурса, включающей замысел, интенции коммуникантов, интерактивные стратегии, связанные с планированием, проведением и окончанием дискурса; а также определяющие эффективность дискурса. Т. ван Дейк относит это к функциям контекстных моделей: они необходимы... для того, чтобы создать связную базу текста, определить жанр дискурса, представить цели и интересы участников дискурса, а также обеспечить должное внимание общепризнанным или ситуативно обусловленным характеристикам участников коммуникации, таким, например, как статус или социальная роль... Контекстные модели носят частный характер: они являются моделями данной специфической коммуникативной ситуации [1989: 95].

Интерактивная модель фиксирует также психологические типы коммуникантов, их фоновые и энциклопедические знания, дискурсивную компетенцию, правила речевой тактики. 246

Данная модель использует и культурные знания коммуникантов, организованные в виде «культурных» фреймов или скриптов, существующих, по мнению А. Вежицкой, на уровне этносознания [1992]. Для художественной коммуникации интерактивная модель предполагает также знание адресатом биографии автора, его творчества, идеологии, семиосферы текста, социокультурного контекста порождения, информации о референции описываемых в тексте событий и т.д.

Когнитивная карта дискурса проецируется в когнитивную карту текста, при этом вторая является составляющей первой, связанной с ее жанровой и интерактивной моделями: в вербальный код текста встроены как текстемная, так и прагматическая когнитивные программы. **Когнитивная карта текста** интегрируется его концептом, служащим регулятором и фильтром иных концептов, фреймовых ситуационных или топикальных моделей и процессов, связывающих в единую глобальную мыслительную карту (базу) эти модели. Концепт-идея представляет собой совокупность макропропозиций, отражающих основную сущность смыслового массива текста. Являя собой своеобразную «точку взрыва», вызывающую текст к жизни, концепт как максимально и абсолютно свернутая структура текста служит, с одной стороны, отправным моментом при порождении текста, с другой, - конечной целью при его восприятии [Красных 1998: 202].

Концептуальное пространство текста интегрирует значимые в тексте понятия, служащие реализации авторских целей и замысла: культурные концепты (ДОБРО, ЗЛО, ИСТИНА, ЛЮБОВЬ, КРАСОТА и т.д.), идеологические концепты (СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПАТРИОТИЗМ, ПОБЕДА и т.д.), антропоцентрические концепты, концепты-натурфакты (природные явления), концепты-артефакты (искусственно созданные объекты, фиксируемые как художественная деталь, символ), концепты-архетипы (ЭГО, СВЕТ, ТЬМА, РЕГЕНЕРАЦИЯ, ТРОИЦА и т.д.). Концептуальное пространство текста может в том или ином виде быть представлено в любом типе дискурса.

Данные концепты моделируются исходя из вербального кода 247

текста и глобальной контекстуализации: знаний о личности адресанта, его творчестве, деятельности, методе, стиле, эпохе, его отношении к описываемым событиям и явлениям и т.д. **Концепт** в данном случае рассматривается интег-ративно как «термин, служащий объяснению единиц ментальных и психологических ресурсов нашего сознания и той

информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мира (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 90]. Мы приравниваем концепт к **ментально-психонетическому комплексу** [Селиванова 2000: 112-114] -определенным образом организованной, разносубстратной единице сознания, включающей вербальные и невербальные знания об объекте, его оценку, коррелирующие с образами, чувствованиями, ощущениями, интуицией, трансценденцией и коллективным бессознательным. Ядром ментально-психонетического комплекса служат вербальные пропозициональные модели истинных знаний, формирующих устойчивые коннекции с ассоциативными компонентами. Моделирование концептуального пространства текста основывается на выявлении иерархических связей с концептом-идеей, жанровой и интерактивной моделями дискурса, а также с фреймами текстового содержания.

Последовательность фреймовых моделей препозитивно-ассоциативного типа также включена в когнитивную карту тек--ста. Они обеспечивают локальную связность, развертывание текстового континуума во времени и пространстве в пределах его топиков. По словам Т. ван Дейка, локальная связность определена в терминах отношений между пропозициями, выраженными соседствующими предложениями. Глобальная связность имеет более общую природу и характеризует дискурс в целом или же его большие фрагменты [1989: 41]. Для анализа когнитивной проекции глобального содержания или смысла фрагментов текста ученый вводит понятие **макропропозиций**, соответствующих на семиотическом уровне

248

макроструктурам. Макропропозиции, по мнению Т. ван Дейка, выводятся из ряда пропозиций, выраженных предложениями дискурса. В терминах нашей концепции назовем их **то-пикальными ментально-психонетическими комплексами**, ядром которых и будут тематически интегрированные фреймы.

В когнитивной карте текста фреймы находятся между собой в пределах топикального ментально-психонетического комплекса в разнообразных отношениях, к примеру: генерализации, конкретизации, причины/следствия; условия/результата и проч. Различные межфреймовые и внутрифреймовые связи на семантическом уровне межфразовых связей отражаются в многоплановости и многослойности валентностных отношений между высказываниями [Бухбиндер, Розанов 1975:

76], в партитурности строения текста, в кодовых переходах в плане содержания (Н.М. Амосова). Однако следует учитывать, что речь идет о когнитивных структурах, а не о вербальных высказываниях. В текстовом знаковом континууме многие фреймы вербально не представлены, имплицитны и восстанавливаются лишь в когнитивной карте текста, поскольку «говорящий может считать, что они известны слушающему или же могут быть выведены им» [ван Дейк 1989: 43]. Данные фреймы восстанавливаются в когнитивной карте при порождении и при восприятии в случае наличия их в базе знаний, тезаурусе коммуникантов; их отсутствие у адресата свидетельствует о неверно избранной дискурсивной стратегии, ущербности интерактивной программы адресанта или о неподготовленности адресата к дискурсу. В художественных текстах определенного метода и жанра отсутствие в когнитивной карте таких связующих, вербально не представленных фреймов может быть задано интенционально или запрограммировано жанровой моделью (постмодернизм, футуризм).

Топикальные ментально-психонетические комплексы текста иерархически подчинены концепту-идее, концептуальному пространству текста и связаны между собой **макроконнекторами**, глоболизирующими связность тем в когнитивной карте, формирующими «смысловые поля», что являет-

ся предпосылкой восприятия, осмысления, а также творческой интерпретации осмысленного (в ряде случаев его критической переработки, проникновения в подтекст и т.д.) [Бухбиндер, Розанов 1975: 78]. Макроконнекторы, как правило, заданы авторским замыслом, целями. Так, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» такими макроконнекторами являются уподобление текстовых миров (мира Мастера и Иешуа, Понтия Пилата и Воланда), двойной контраст (силы зла творят добро, а добропорядочный литературный мир Москвы - воплощение зла) и т.д. В менее сложных по содержанию текстах макроконнекторы топикальных фреймов могут быть сходны с локальными межфреймовыми (межпропозициональными) связями. В.В. Богданов называет межпропозициональные коннекторы **операторами** с коннекторной функцией [1985:

4]. Их в какой-то мере можно транспонировать на топикальные макроконнекторы, если устанавливать между топикальными ментально-психонетическими комплексами тема-рема-тические и логические связи: конъюнкции, дизъюнкции, причины и следствия и т.п. [Откупщикова 1982]. У. Манн и С. Томпсон рассматривают такие связи как **риторические отношения**, отмечая, что они могут связывать минимальные и максимальные единицы дискурса. Ученые предлагают рабочий список 24-х разновидностей таких отношений. Данные отношения подразделяются на напоминающие синтаксическое противоположение сочинения и подчинения симметричные (ядерно-ядерные) и асимметричные (ядерно-сателлитные), соотносящиеся с обстоятельными придаточными [Mann, Thompson 1992: 52]. На основе этих отношений моделируются графы риторических структур текста [см. Кибрик, Плунгян 1997: 310]. Исследование и типологизация внутри-топикальных и межтематических (глобальных) отношений представляются нам весьма необходимыми и перспективными для дальнейших разработок лингвистической теории текста и коммуникации.

Схематически когнитивная карта дискурса может быть представлена в виде (см. схему 16).

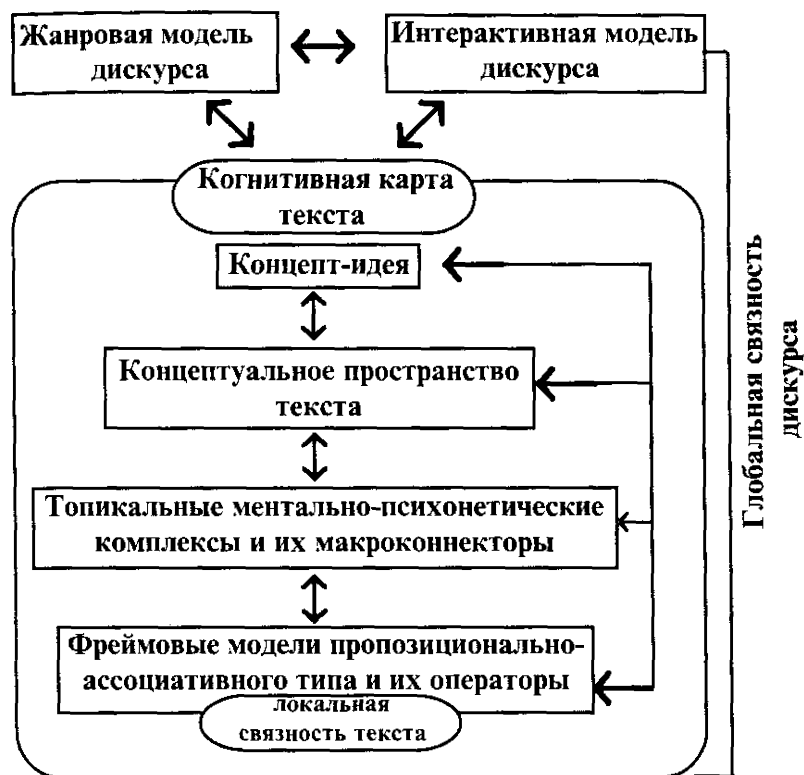

Схема 16

Несмотря на раздвоенность компонентов когнитивной карты дискурса, данная схема подразумевает их глобальную спаянность и иерархичность, ибо, как показали исследования психологов (П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн), каждой психологической программе более высокого уровня соответствует несколько низших подпрограмм. Челночные операции между ними координируют глобализацию дискурса. Данная схема встроена в диалогическую дискурсивную модель: жанровая модель в большей мере коррелирует с модулем семиотического универсума, интерактивная - с модулями интериоризованного бытия, адресанта и адресата;

когнитивная карта текста является результатом взаимодействия всех модулей дискурса и манифестируется в модуле тек-

251

ста. Важным для описания когнитивной карты дискурса представляется анализ как вербального кода текста, так и имплицитных факторов ее формирования (см. 6.3; 7.2).

6.3. Имплицитные факторы формирования когнитивной карты дискурса

Имплицитность обычно рассматривается в соотношении с текстовым вербальным кодом как альтернативный ему способ выражения и передачи информации. Однако вне дискурса имплицитность утрачивает свой сене: данное явление существует только в дискурсе, «базируясь на интеграции вербальных средств, встроенных в речевой акт» [Почеп-цов 1987], и обеспечивается диалогическим взаимодействием всех модулей коммуникативной ситуации. В частности, коммуниканты служат своеобразным «прагматическим мостом» текста и имплицитного смысла [Голод, Шахнарович 1985: 34].

Имплицитность есть проявление одной из наиболее общих тенденций, свойственных всем видам человеческой деятельности - тенденции к экономии, служа мощным средством сжатия текста [Каменская 1990: 74]. Так, в повседневных актах речевой коммуникации говорящие учитывают общий для них опыт и совместное знание о мире, что позволяет им «свертывать» высказывание, выражаться намеками, порой до минимума сводя использование чисто вербальных средств [Васильев 1988: 98].

Импликация не является чем-то побочным, внешним, частным, проявляясь как закономерная внутренне присущая языку форма функционирования [Багдасарян 1983:135]. Она представляет собой одно из доказательств отсутствия изоморфизма между планом содержания и выражения в языке как следствие нарушения «закона знака» [Шендельс 1977: 113; Молчанова 1988: 5]. Ф.С. Бацсвич выделяет две формы имплицитности: 1) формальную, связанную исключительно с формой проявления речи, ее внешним материалом, «техническим» выражением; 2) содержательную, связанную со способами, типами и характером передаваемой информации [1993: 56].

Импликация в научной лингвистической литературе имеет 252

четыре различных толкования. *Первое*, принимаемое нами в данной работе, - коммуникативное - как совокупность невербального информационного массива, опосредующего осуществление дискурса и интегрирующегося с вербальным кодом текста, в том числе из него вытекающего.

Вторая дефиниция наиболее употребима в лингвистике текста. Импликацию в данном случае выводят из текста, определяя ее как смысловой блок содержания, возникающий на основе эксплицитной текстовой структуры и наслаивающийся на него, исходя из операции декодирования читателем (адресатом) авторского концепта. При этом импликация нередко отождествляется с подтекстом, создающимся в результате домысливания тех идей, которые заложены в тексте словесно, и составляющим предпосылки к сказанному, следствие и выводы из него [Попова 1982: 6].

Третье толкование импликации (логическое) заимствовано из формальной логики (от *implicatio* - сплетение), рассматривающей ее как логическую связку, соответствующую грамматической конструкции «если..., то...», с помощью которой из двух простых высказываний образуется сложное высказывание [Горский и др. 1991: 60], формализуемое как $A > B$ (A - антецедент, B - консеквент). В классической логике импликация связывалась с понятием истинности, в современной

логике, наряду с классическим, введено понимание импликации как связи высказываний по содержанию. Отсюда введение типов логических импликаций (материальной, строгой и релевантной). Последняя наиболее близка третьему лингвистическому толкованию, согласно которому под имплицативными связями понимают «семантические зависимости между компонентами содержания текста, в основе которых лежит явное или скрытое умозаключение» [Мегентесов 1981; 3]. Такая импликация ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне обычно соответствует эпизоду [Арнольд 1993:103]. Имплицатив-ные связи в тексте обеспечивают его непрерывное тематическое развитие служат операторами фреймовых моделей и макроконнекторами топикальных ментально-психонетических-253

ких комплексов. 3-Я Тураева [1986] называет имплицатив-ный план текста **глубинной структурой**, определяя ее применительно к художественному тексту как идейно-тематическое содержание, сложное переплетение отношений и характеров, в основе которого лежит художественный образ.

В прагматике третье толкование импликации трансформировалось в еще более узкое (*четвертое*) - скрытой, невербальной информации умозаключения, опосредующего переход от одного высказывания к другому при отсутствии их эксплицитной связности. Кроме того, в теории речевых актов Дж. Сер-ля импликация связывалась с косвенными речевыми актами. Х. Грайс при описании максим успешности речи использовал понятие имплицатур в четвертом значении, в частности, при реализации максимы релевантности, описывая ситуацию общения автомобилиста и постороннего. Первый стоит возле машины, не способной двигаться: - *У меня закончился бензин*. Ответ: - *Тут за углом есть гараж*. Внешне нерелевантная реакция благодаря импликации становится значимой и релевантной, ибо адресат знает, что слушатель может декодировать имплицатуру [Grice 1989: 228]. Х. Грайс различал *конвенциональные*, связанные с содержанием словоформ, словосочетаний, и *коммуникативные* имплицатуры, что получило разработку в современных прагматических исследованиях [Green 1989;

Yule 1996; Caffi 1999 и др.]. *Конвенциональные* имплицатуры выводятся из семантики и логических структур высказываний и существуют на основе условности языковой и речевой систем. *Неконвенциональные* (коммуникативные) имплицатуры исчисляются с помощью контекста, фоновых знаний, правил общения и других факторов ситуации. В.З. Демьянков разграничивает последние на конверсационные имплицатуры (связанные с принципами кооперированности и с максимам разговора) и остальные (вычисляющиеся в контексте на основе конвенционального значения, значения контекста высказывания и фонового знания, зависящего от внеязыковых максим - эстетических, моральных, социальных и т.п.) [1995: 300].

Для расподблениа первого и четвертого толкования им-254

пликации в первом случае мы и^пиль^увд n-rwi*in ^imiuiгi кация», во втором - «имплицатура» как разновидность им-пликативных явлений в дискурсе, тексте. Наряду с имплицатурами, разновидностями дискурсивной импликации являются подтекст, фоновые знания, дифференцирующиеся на пресуппозиции, глубинные интерсемиотические скважины, ситуативные знания.

Имплицатуры в когнитивной карте текста, как уже отмечалось, представлены невербализованными пропозициями, опосредующими смысловое скрепление контактных высказываний и пропозиций. Природа имплицатуры пропозициональная, а не фреймовая, ибо ее основанием является истинность передаваемого содержания, она включается в структуру релевантного для нее фрейма. К примеру, высказывание: *Сессия началась. Стипендии мне не получить* - включены во фрейм «вуз», наряду с имплицатурой: *Я плохо подготовлен, много пропустил*.

Имплицатуры корректируют речевое поведение коммуникантов, указывая речевую тактику для определенного ролевого типа. К примеру, диалог Ноздрева и капитана-исправника, сообщившего, что Ноздрев находится под судом. Капитан: *Вы были замешаны в историю, по случаю нанесения помещику Максиму личной обиды розгами в пьяном виде*. Ноздрев: *Вы врете! Я и в глаза не видел помещика Максимова!* Капитан: *-Милостивый государь! Позвольте вам доложить, что я офицер. Вы можете это сказать вашему слуге, а не мне* (Гоголь).

Имплицатуры в тексте служат мощным стимулом вовлечения адресата в дискурс, подобно подтексту, являющемуся также результатом коммуникативных стратегий автора, направленных на адресата. В отличие от логически организованных имплицатур, **подтекст** имеет лингвопсихологическую субъективную природу интерпретации, «которая сопряжена с речевым намерением коммуниканта и которая не следует из объективного итогового смысла высказывания» [Богданов 1985: 8]. Подтекст в терминах теории речевых актов является имплицитным (косвенным) актом, иллокутивная сила которого не совпадает с его иллокутивным типом. В аспекте теории ин-255

формации подтекст опирается на вербальные сигналы и является способом организации текста, приводящим к модификации его семантики без увеличения знакового объема. Подтекст представлен одним из двух параллельно текущих смысловых потоков (ср. линейную логическую связь имплицатур). Подтекст в узком значении определяется как контекстуальная, особая семантика слова. В наиболее широком смысле подтекст проецируется на неистинный дискурс, квазиреальность, имитированную референцию художественного текста, служа его сущностным свойством.

Разновидностями подтекста считаются *референтный*, основанный на знании референциальных связей (в мире действительности): *Чем больше я вижу людей, тем больше я восхищаюсь собаками*, - и *коммуникативный*, обеспечивающийся ситуацией общения [Долинин 1985: 37-47]. Думается, что коммуникативный подтекст должен квалифицироваться как референтно-коммуникативный, ибо всякая коммуникация осуществляется во взаимосвязи с интериоризованной действительностью. Пример такого подтекста приводит А.А. Брудный в книге «Психологическая герменевтика» [1998]: Маяковский, встретив у костра в Москве подошедшего греться Алексея Толстого, сказал ему следующее: *«Я слабость к титулам питаю, и этот граф мне по нутру, но всех сиятельств уступаю его сиятельству - костру»*. А. Соболев, бывший вместе с Маяковским, очень испугался и увел поэта подальше от греха. Для расшифровки подтекста подобного сообщения необходимы референциальные знания о Толстом, Маяковском, об инквизиторской сущности костра и условиях коммуникативной ситуации (времени, социально-политической обстановке).

Средствами создания подтекста в художественном произведении Е.М. Коломейцева [1987] считает 1) одновременную актуализацию разных парадигматических потенций лексической единицы на линейном и суперлинейном уровнях; 2) индуцирование окказиональных сем в результате иррадиации контекста; 3) аккумуляцию коннотаций; 4) символизацию; 5) использование художественной детали, имплицитующей дополнительную информацию через показ несоответствия между внешним поведением героя и его внутренним миром; 6) соположение разных типов планов; 7) контраст и т.д.

Подтекст иногда отождествляется с **пресуппозицией (презумпцией)**, фоновыми знаниями [Долинин 1985]. Однако пресуппозиция - это имплицитное ассерторическое, предваряющее текст знание, актуализируемое в процессе порождения и восприятия текста. В.З. Демьянков подчеркивает, что важным фактором успешного общения служит общий фонд пресуппозиций адресанта и адресата [1984: 213]. Пресуппозиция имеет основное свойство истинности, ассертивной непротиворечивости, что соответствует Грайсовским постулатам релевантности, истинности и ясности речи.

Данный термин транспонирован в лингвистику из логической теории Г. Фреге (1892 г.), рассматривающим смысл высказываний как двукомпонентный, включающий то, что утверждается (ассерцию) и то, что является его предпосылкой (пресуппозицию). В 1942 году к термину «пресуппозиция» обратилась теория речевых актов (П. Стросон). И.Б. Штерн отмечает: «С конца 60-х годов наблюдается настоящий пресуппозиционный взрыв, который в середине 70-х годов сменяется довольно-таки сдержанным отношением к исследованию явления пресуппозиции и попыткой свести это понятие к более ясному и традиционному» [1998: 256]. Пресуппозиция обычно применяется к отдельным высказываниям как категория синтаксической семантики [Арутюнова 1973]. Ч. Филмор отмечал значимость пресуппозиции для семантического (компонентного анализа) слов. Перенесение пресуппозиции в теорию текста, дискурса расширяет сущность данного понятия, оно рассматривается и как предзнание текстовых единиц и как предзнание коммуникантов до вступления их в дискурс. Ю.Н. Караулов выделяет пресуппозиции двух рангов: в рамках отдельного текста и дотекстовую как «фондовые» знания, т.е. универсальные, вненациональные, находящиеся на уровне само собой разумеющихся представлений о вещах, свойствах и отношениях в мире, имплицитно присущие человеку как представителю вида и потому не включаемые в обычные филологические словари [1981: 288]. Думается, что первый ранг пресуппозиции может существовать в рамках текста только в случае ее имплицитности в «предконтексте» высказывания, иначе пресуппозиция утрачивает свой имплицитный статус и в когнитивной карте текста становится вербализованной пропозицией, высвеченной рекурсивно для понимания высказывания или фрагмента.

По мнению ученых, пресуппозиции отличаются от имплицатур неустранимостью, конвенциональным характером [Арутюнова, Падучева 1985: 34]. В данном случае речь идет о референциальных пресуппозициях, опирающихся на знания о мире. Однако не случайным оказывается сосуществование в коммуникативной лингвистике двух отождествляющихся понятий: пресуппозиции и фоновых знаний дискурса [Арнольд 1983]. Кроме того, исследователи непоследовательно разграничивают типы пресуппозиции: текстовых, бытовых и энциклопедических, - или их основой считают знания языка, мира, контекста и особенностей коммуникативной ситуации [Молчанова 1990: 14].

Отнесенность пресуппозиции к фоновым знаниям обусловлена их функциональной однородностью: они служат для свертки высказываний в тексте; их содержание, в отличие от имплицатур и подтекста, заданных внутритекстовыми логическими и семантическими связями, хоть и не без участия знаний о мире; устанавливается с помощью затекстовых связей: знаний о действительности, ситуации общения, ее правилах и тактике, о собеседнике, его намерениях и способностях реагирования, а также о культуре, других текстах. Не случайно общие определения имплицитного, обычно перечисляя все способы его заданности, обязательно указывают как на его знаковые проявления в тексте, так и на наличие этой информации в фондах знаний коммуникантов.

На наш взгляд, помимо пресуппозиции, к **фоновым знаниям** как более широкому понятию относятся имплицитные интенции и стратегии адресанта, знания коммуникантов друг о друге и о предмете общения. Знания о конкретном дискурсе, обычно присущих такому дискурсу речевой тактике и регистре также не являются пресуппозиционными, а принадлежат ситуации общения. Тем самым, фоновые знания, актуализируемые применительно к речевому поведению коммуникантов в конкретном дискурсе названы нами **ситуативными**.

Фоновые знания обоих коммуникантов характеризуются большей или меньшей степенью подобия, но никогда не изоморфны, «содержат общую часть, без которой не могло бы быть речи о взаимопонимании» [Беллерт 1978: 174]. Пресуппозиции как преддискурсные знания о мире иллюстрируют диалогичность модулей коммуникантов с интериоризованным бытием. В отличие от них, **глубинные скважины** [Жинкин 1982] репрезентируют диалогичность автора, адресата, текста с семиотическим универсумом, поэтому мы называем их **интерсемиотическими**. Глубинные скважины энциклопедичны, они представлены сигналами - верхушкой айсберга, остальная часть которого извлекается из памяти других текстов (литературы, культуры, науки и т.д.). Интерсемиотические глубинные скважины также включены в фоновые имплицитные знания дискурса. Ориентируясь на определенного партнера по коммуникации, автор рассчитывает, что сумма знаний адресата восстановит имеющиеся в тексте скважины [Белянин 1988: 24].

Описанные типы импликации являются важнейшими звеньями когнитивной карты текста, ибо без них невозможны выявление концепта-идеи, интеграция концептуального пространства текста, обоснование глобально-топикальной и локально-фреймовой связности.

РАЗДЕЛ 7. МЕТОДЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА И КОММУНИКАЦИИ

В современном языкознании сложилась традиционная дихотомия методов исследования языка - деление их на общие (обобщенные теоретические установки и принципы, исходящие из определенной общей методологии) и частные (отдельные приемы, методики, операции, опирающиеся на общие установки и методологические принципы) [Степанов 1975]. Исследователи отмечают неоднозначность понятия «метод»: «его используют в общенаучном, философском значении, в специально-научном, т.е. таком, которое касается отдельной отрасли науки... и, наконец, в значении, которое совпадает со значением термина методика» [Кочерган 1999: 207]. Ученые отмечают: «К сожалению, большой и разнообразный набор методов, методик и приемов исследования, применяемых в современном языкознании, не подвергнут глубокому анализу, не систематизирован и не нашел должного отражения не только в учебной, но и в специальной научной литературе» [Бондалетов 1987: 141; Иванова 1995: 4]. Главной причиной такого положения дел считается терминологический разнобой в наименовании методов и приемов. Думается, причина неоднозначной трактовки метода кроется прежде всего в отождествлении познавательной и исследовательской деятельности. Бесспорно, эти два вида деятельности взаимообусловлены: исследование объекта опирается на способ возможности его познания - методологию. М.П. Кочерган отмечает:

«От философии через ее методологию проходит линия связи с теорией и с методологией конкретной науки, на основе чего связь между философской методологией и специальными методами определенной науки не является прямой, но очевидной» [1999:208]. Общефилософские мировоззренческие ориентиры, исходящие из определенного способа познания, обуславливают спектр исследовательских методов и методик.

Наиболее оптимальной в данном ракурсе нам представляется классификация методов В.И. Кодухова, который разграничивает три составные части теории метода: способ познания (метод познания), совокупности научно-исследовательских приемов (специальные методы) и совокупности правил анализа (приемы анализа) [Кодухов 1974]. Тем самым **методология** определяет сферу познания мира, мировоззренческие принципы исследователей. **Метод** как таковой является способом исследования и описания объекта определенной науки. В.А. Аврорин подчеркивал: «Ставя вопрос о методах, необходимо прежде всего ясно представить себе характерные особенности изучаемого объекта, его связи с другими объектами, а также цели, с которыми ведется его изучение» [1975: 245]. Методы разграничиваются на общие для ряда наук и специальные, применяющиеся только для конкретной отрасли.

Приемы работы с объектом в пределах определенного метода можно назвать методикой. Такие приемы также могут быть наиболее общими (дедукция, индукция, гипотеза, анализ, синтез) и частными. Между общими и частными методиками существует отношение обусловленности (анализ и синтез определяют процедуру компонентного анализа, на основе дедукции осуществляется кластерный анализ, методика семантического дифференциала, некоторые разновидности концептуального анализа; индукция обуславливает комбинаторную, дистрибутивную методику и т.д.).

Как отмечалось в разделе 1, общенаучной методологией лингвистической теории текста и коммуникации является функционализм, послуживший основой для разработанной нами диалогической модели дискурса. В лингвистике текста главным методом считается **контекстуально-интерпретационный**, сущность которого заключается в исследовании текста в различных типах контекстов, в том числе и коммуникативном, на основе интерпретации исследователем текстовых категорий и компонентов. Некоторые исследователи считают интерпретацию приемом наиболее общего описательного метода, однако с этим трудно согласиться, ибо описательный метод обычно используется для изучения функционирования менее сложных языковых единиц. Текст, коммуникативный акт требует иного подхода к объекту - интерпретационного с учетом коммуникативного макроконтракста и других компонентов дискурса. Контекстуально-интерпретационный метод обычно рассматривался применительно к художественным текстам как реконструкция авторского замысла, различных информационных массивов произведения. Контекстуальный анализ дополняет интерпретационный и служит для раскрытия содержания текста в дискурсе, ибо «построение текста находится в прямой зависимости от смыслового содержания любого масштаба и довольно жесткой системы непрерывного контекста, в рамках которого осуществляется изложение той или иной темы, другими словами в рамках которой развивается дискурс» [Колшанский 1980: 65]. Однако принципы данного метода не упорядочены и не имеют логически структурированного комплексного описания. Как правило, контекстуально-интерпретационный метод подменяется так называемым лингвистическим анализом текста, в частности, **лингвистическим анализом художественного текста**, введенным как курс в вузовские программы в начале 70-х годов и предназначенным для реализации межпредметных связей курсов языка и литературы. Несмотря на значительное количество специальных учебных пособий по лингвистическому анализу текста, как отмечает О.И. Ревуцкий, «методика курса пока еще не основывается на едином, принятом всеми специалистами понятийно-терминологическом аппарате и не представляет собой четкой скоординированной системы приемов, методов и этапов обучения» [1998: 6].

Лингвистический анализ художественного текста ограничивается либо комментированием неясных мест текста, языковых трудностей, либо выявлением изобразительно-выразительных средств, стилистических приемов и фигур, либо лингво-поэтическим анализом [Новиков 1980]. Ю.М. Лотман предупреждал против такой *unpdpn-n-nriu^i^i ciuu^i.^L* ^m^.^* ственного текста отдельными приемами; по его мнению, такой анализ должен быть комплексным и целостным: «Особенность структурного изучения состоит в том, что оно подразумевает не рассмотрение отдельных элементов в их изолированности или механической соединенности, а определение соотношения элементов между собой и отношения их к структурному целому» [1994: 18]. Подлинное изучение художественного произведения возможно лишь при подходе к произведению как к единой, многоплановой, функционирующей структуре [Лотман 1994: 26]. О.И. Ревуцкий справедливо отмечает: «Для того чтобы анализ текста действительно стал системным и целостным, его необходимо строить на иной теоретической базе, которую в состоянии дать современная лингвистическая наука о тексте, обогащенная данными теории речевой деятельности, герменевтики и других, активно развивающихся в последние годы наук, имеющих отношение к порождению, восприятию и пониманию текста» [1998: 8]. Ученый предлагает три принципиальных ориентира системного филологического анализа художественного текста - внимание к смысловой, содержательной стороне текста, репрезентируемой текстовыми категориями, к коммуникативной погруженности текста и к эстетическим качествам художественных текстов. Процедуру филологического анализа художественного текста исследователь основывает на последовательности шести этапов анализа текста, предложенной И.Р. Гальпериным: «1) определение разновидности текста: стиль, язык, жанр, отношение к функциональным типам речи (повествование, описание, рассуждение); 2) декодирование текста как сообщения, раскрытие содержания в общем виде, его сжатие до двух-трех предложений»;

3) подробный анализ значений слов и словосочетаний, которые они получают в микро- и макроконтраксте; 4) анализ стилистических приемов в сопоставлении с нейтральными средствами языкового выражения; 5) выявление назначения стилистически маркированных отрезков высказывания, их роли в выражении субъективно-оценочного отношения автора к изображаемому; 6) суммирование и обобщение полученных результатов» [1976: 284-289].

На наш взгляд, такой подход является лишь текстоцентрическим, статичным, не отражающим значимости текста в мире порождения и мире интерпретации, в творчестве автора, в семиотическом универсуме этноса, цивилизации. Не затронутым остается также коммуникативный аспект текста, погруженного в дискурс. Предлагаемый нами метод диалогической интерпретации, исходящий из диалогической коммуникативной модели опирается на принципы общей методологии функционализма, отраженные в установках коммуникативно-функциональной научной парадигмы современного языкознания.

7.1. Метод диалогической интерпретации

Метод диалогической интерпретации базируется на разработанных нами в предыдущих разделах основных понятиях и положениях лингвистической теории текста и коммуникации и исходит из всеобъемлющей диалогичности дискурса. Данный метод может быть использован для комплексного анализа любого типа текста, не только художественного. Процедурные звенья этого метода соответствуют проявляющимся в дискурсе диалогическим отношениям между его компонентами.

Первым звеном анализа является установление диалогичности данного текста с системой других текстов в текстовой

синтагматике и парадигматике (определение речевого жанра, типа тексты, закономерностей их формирования, стиля, метода, функциональных особенностей).

Второе звено анализа определяет диалогичность текста с личностью адресанта в социокультурном контексте эпохи порождения текста (выявление места текста в творчестве автора, интерпретация авторского замысла и интенций, отражения в тексте авторского мировоззрения, общественно-политической, этической, эстетической, научной и др. позиций адресанта). Текст, по мнению Ю.М. Лотмана, является отражением структуры сознания автора и его мировоззрения, но одновременно перед нами раскрывается и структура сознания автора, и созданная этим сознанием структура мира (модель мира и модель авторской личности) [1994: 50].

Третьим звеном служит установление диалогичности текста с личностью адресата, с его сознанием, мировоззрением, установками, интерпретацией, определение значимости текста для эпохи его восприятия, понимания, интерпретации, его эффективности и функции по отношению к интерпретатору. Одним из приемов, устанавливающих понимание и оценку текста реципиента служит психолингвистическая методика шкалирования текста (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, А.М. Шахнарович и др.), разрезания текста (А.А. Брудный, Л.С. Школьник и др.), суправербальный метод (Н.А. Рубакин) и т.д.

Четвертое звено представляет собой описание диалогических отношений текста, дискурса с интериоризованным бытием, т.е. соответствия описываемых событий определенной эпохе в соотносительности с эпохой порождения текста и восприятия (выявление прототипических событий, лиц, соотносящихся с событиями и лицами действительности, фактами биографии адресанта). На данном этапе важным представляется также установление оценки, значимости текста для эпохи его порождения и восприятия (индивидуальная, узловая, этническая или цивилизационная значимость). Соотношение искусства и жизни, художественного произведения и действительности является предметом **семиотического анализа** текста, разработанного Ю.М. Лотманом и его школой. Рассматривая искусство как моделирующую систему, ученый видит художественное творчество как познание жизни средствами искусства, находящихся в отношении замещенного подобия, но не тождества [1994:63]. Данное звено анализа направлено на исследование как замещенного подобия (мимезиса, по Аристотелю), так и отказа от него (диэзиса) и их соотношения в тексте.

Пятым звеном анализа служит исследование диалогичности текста с семиотическим универсумом (текст в соотносительности с материальной и духовной культурой, наукой, литературой, а также мифом на основе архетипов коллективного бессознательного). Диалогическое взаимодействие текста с коллективным бессознательным опосредовано семиотическим универсумом, в котором это коллективное бессознательное существует в виде текстовых метаобразов, отражающих архетипы как прототипы сознания [Campbell 1988: 18]. Архетипические образы, по К.Г. Юнгу, возникают на основе обработки человеческим сознанием глубинных императивов родового прошлого [1991: 121]. В этом качестве архетипы обуславливают единообразие, целостность, закономерность человеческого восприятия.

Архетипический анализ является важным приемом метода диалогической интерпретации текста. Первым его образцом можно считать разработки представителей Кембриджской антропологической школы, в частности Дж. Фрейзера, исследовавшего архетипические проявления в Новом Завете и христианских обрядах. Архетипический анализ направлен на выявление репрезентации архетипов в мифологии, фольклоре, художественной литературе, религиозных текстах. Его процедура предполагает глубинную когнитивную обработку текстов, сличение концептуального пространства с зафиксированными в научной литературе архетипическими списками. выдвижение гипотезы архетипа и ее доказательство путем установления средств и способов проявления архетипов в текстах в виде тем, сюжетов, образов-антропоцентриков, символов, метафор и определенных речевых средств [Bodkin 1934; Мелетинский 1978: 100. Топоров 1995; Фрай 1996; Маслова 1997; Белсхова 1997].

Шестое звено от исследователей обращения к диалогичности внутреннего семиотического пространства текста на основе формулирования текстового концепта, описания тематических макроструктур, выявление значимости их соединения, чередования, а также характеристики концептуального пространства текста, глубинных смыслов, подтекста.

Седьмое звено анализа представляет собой характеристику основных текстово-дискурсивных категорий и подкатегорий: универсальных и факультативных, а также языковых средств их репрезентации (к примеру, показателей различных типов связности, членности, референциальности, интертекстуальности, образности и проч.). Описание определенных изобразительно-выразительных средств, стилей, принципов выдвижения, стилистических приемов осуществляется одновременно с характеристикой семиотического пространства текста и его категориальной структуры, ибо все стилистические фигуры и приемы подчинены реализации той или иной категории или цели текста. Представленный метод диалогической интерпретации опирается на ряд вспомогательных методов лингвистической теории текста и коммуникации.

7.2. Метод когнитивного картирования

Целью данного метода является моделирование интерпретируемой исследователями смысловой, содержательной стороны текста, когнитивного пространства дискурса с учетом его погруженности в семиотический универсум, специфики модулей автора и адресата, интериоризованного бытия во времени и пространстве.

В основе метода когнитивного картирования лежит гипотетико-дедуктивный способ исследования, т.е. описание содержания текста исходя из гипотез и эмпирических обобщений вероятностного типа, подтверждение, корректировка или отрицание которых требует эмпирической проверки и доказательства путем анализа языкового материала, личности адресанта, и других составляющих дискурса. Так как создание текста, как и его понимание и идейно-смысловая интерпретация представляет собой вероятностную, «многозначную» двигательную программу, реализуемую в условиях многообразных и непрерывных кодовых переходов как во внутренней, так и во внешней речи [Бухбиндер, Розанов 1975: 79], то задачей исследователя являются воссоздание этой программы и путем предикции (распознавания и выбора оптимальной гипотезы) осуществление ее когнитивного моделирования.

Таким образом, процедура когнитивного картирования прежде всего предполагает последовательную проверку гипотезы концептуального содержания текста. Исходя из этого установлению концепта-идеи текста предшествует интерпретация авторского замысла и цели, которые непосредственно проецируются в содержательное пространство текста. Поскольку концепту-идея подчинено все содержание текста, проверка осуществляется путем челночной операции от текста к гипотезе и от гипотезы к тексту.

Доказательство гипотетически выдвигаемого концепта-идеи на основе информационного сжатия целостного текстового смысла и его переработки происходит только в случае подтверждения ее большинством челночных операций по

мере продвижения по тексту. При опровержении гипотетического тезиса о концепте-идее рядом операций следует говорить о диалогических отношениях концепта внутри текста в соответствии с авторским замыслом (ср. внутреннюю диалогичность произведений Ф. Достоевского).

Следующим звеном когнитивного картирования служит анализ концептуального пространства текста, подчиненного концепту-идее: концептов культуры, идеологических, антропоцентрических, натурфактов, артефактов. С этой целью применяются приемы основного метода когнитивной науки - **концептуального анализа**. Его базой в нашей работе является модель ментально-психонетического комплекса, ядром которого служат фреймы препозитивно-ассоциативного типа, заполняющиеся текстовыми высказываниями, формирующими сценарии, топики, образы в тексте.

В данном случае эффективным для определенного типа текстов может стать и **структурный анализ**, основы которого заложены в формальной литературоведческой школе. Г.Г. Почепцов (мл.) отмечает, что формальный анализ литературных текстов начался еще в дореволюционных работах А.Н. Веселовского, продолжился в обществе по изучению поэтического языка (В.Б. Шкловский, Л.П. Якубинский и др.) и в результате оформился в работе В.Я. Проппа «Морфология сказки» [1996: 47]. Вводя для героев сказок определенные функции, В.Я. Пропп отобразил тем самым одну из важнейших функций текстов, которые они выполняют в системе культуры - стандартизации, отражающей текстемную природу текста, его когнитивный каркас. Ю.М. Лотман подчеркивал, что «в общей системе культуры тексты выполняют две основные функции: адекватную передачу значений и рождение новых смыслов» [1996: 431]. Наличие когнитивного каркаса позволяет наиболее оптимально и эффективно воспринять передаваемую информацию, а также внедрить новые смыслы в стереотипное сознание. Однако его абсолютизация, излишняя формализация стандартных функций и стереотипов не отражает динамизации и развития текстовой семиосферы, хотя значимость структурных приемов анализа для определенных типов текстов не подлежит сомнению. И.И. Ревзин подчеркивал: «Если речь идет об анализе произведения в целом, то структурные методы особенно эффективны для изучения таких, сравнительно простых и повторяемых «малых форм», как частушки, загадки, былины, сказки, мифы, или такой массовой продукции, как детективы, бульварные романы, романы-памфлеты и т.д., но тогда уже речь не идет о художественном произведении в настоящем смысле слова» [1964; 1977]. А. Греймас и Ж. Курте рассматривают структуры речевых жанров на основе дискурсивной (нарративной) компетенции, т.е. некоторого дискурсивного умения, виртуальной синтагматической умственной способности [1983; 503]. Проблема нарративной компетенции и структуры получила распространение в зарождающейся тогда семиотике: рассматривались внутренние механизмы текстом сказок (Е.М. Мелетинский), устных повествований американо-индейских и африканских этнических групп (А. Дандес, Д. Польт и др.).

Структурный анализ В.Я. Проппа в некоторой мере оппозитивен методу диалогической интерпретации текста. Именно эту оппозитивность имел в виду Ю.М. Лотман, отмечая, что, если методика Проппа ориентирована на то, чтобы из разных текстов, представив их как пучок вариантов одного текста, выявить этот, единый текст-код, что лежит в его основе, то методика Бахтина, начиная с «Марксизма и философии языка» иная: в едином тексте разграничивают не только разные, то, что особенно важно, взаимо-непереводимые субъекты. В тексте раскрывается его внутренняя конфликтность [1996: 433]. Равновесие, по В.Я. Проппу, достигается за счет стандарта функций, вокруг которого варьируются тексты; по М.М. Бахтину равновесие осуществляется на основе диалогичности с уже существующими стереотипами языка, культуры, литературы. Различие философских позиций В.Я. Проппа и М.М. Бахтина не обуславливает взаимоисключаемости их методик текстового анализа. Структурный анализ направлен на исследование стереотипического и служит одним из векторов диалогической интерпретации, участвуя в построении жанровой модели дискурса.

Процедурными звеньями когнитивного картирования является также выявление пресуппозиций, текстовых импликаций, подтекста, смысловых скважин. В коммуникативном аспекте важным звеном данного метода представляется также исследование перлокутивного эффекта, реакции на текст адресата, эффективности и гармонизации восприятия и понимания текста в рамках интерактивной модели (см. 6.2). С этой целью применяются психолингвистические методы анкетирования, эксперимента, опроса. Важным звеном данного метода служит моделирование фреймов, вербализованных высказываниями и имплицитных пресуппозициями, текстовыми импликациями, а также топикальных структур репрезентации знаний с учетом их коннекций в глобальном содержании текста. Такое моделирование отчасти осуществляется в прикладной лингвистике в плане формализации смыслового содержания текста. А поиск формального языка репрезентации смысла предложений и текстов является одной из главных задач когнитивной и компьютерной лингвистики и новой междисциплинарной науки - инженерии знаний [Новиков 1983; Рубашкин 1989; Язык и структуры представления знаний 1992]. Одним из таких формализованных языков является ПРОЛОГ, служащий для обработки данных различных текстов. Этот язык позволяет представить в виде формальных символов семантику предложений и на более высоком уровне - смысловую композицию ряда текстов.

Как наиболее авторитетная, в когнитологии квалифицируется **модель** представления содержания текста в виде **концептуальных графов**, разработанная Дж. Совой, автором книги «Концептуальные структуры». Осознавая сложность понимания текста и его концептуальной репрезентации, ученый приводит факторы, осложняющие концептуальное

представление содержания текста: многозначность, двусмысленность, имплицитность, дистантность и др. Однако несмотря на эти сложности, формальная репрезентация текста необходима как в прикладных целях (создание баз данных, ответ на запросы), так и для познания когнитивных механизмов языка и речи. Дж. Сова интегрирует в своей теории концептуальной структуры текста 1) генеративную теорию компонентного анализа Дж. Катца и Дж. Федора, использующую три категории для создания проективных правил сочетаемости слов в предложении: лексические ридинги - отдельные значения слов; семантические маркеры - семы и селекционные ограничения как сферы употребления; 2) концепцию экзистенциональных графов Ч. Пирса [Pierce 1990: 320-410]; 3) теорию функционального формализма Р. Монтегю, позволяющую снимать ряд неопределенностей понимания; 4) фреймовую семантику, рассматривающую слотовые позиции как когнитивные ячейки вербализованных компонентов предложений (М. Минский, выделял четыре уровня фрейма-сценария: а) поверхностно-синтаксические фреймы; б) поверхностно-семантические фреймы; в) тематические фреймы; г) фреймы рассказа [Minsky 1988: 16]); 5) концепцию графов как маркеров сложных отношений Р. Шенка и Р. Абельсона [Sowa 1983]. Дж. Сова предлагает линейную обработку текста. Текст разбирается на значимые фрагменты - предложения, они формализуются и опознаются исходя из значений, контекста, отдельных слов, синтаксических структур на языке ПРОЛОГ. К примеру, предложение " *Человек ведет лошадь к воде*" разбивается на фрагменты:

[человек] ← (AGNT) ← [вести] → (PTNT) → [лошадь]

(DEST) → [вода], где AGNT - деятель, DEST - направление действия, PTNT - объект, подвергаемый действию. При этом определяются се-манτικο-синтаксические связи между ними, т.е. устанавливаются концепты и на их основе моделируются **концептуальные** графы - двувекторные отношения между концептами (ср. теорию монем как функциональных отношений А. Мартине). Далее все концептуальные графы сопрягаются и образуют концептуальную структуру графов всего текста. Объединение таких структур формирует базу знаний какой-либо отрасли, которая составляет контекст, необходимый для адекватного понимания сообщения, особенно в случае его неоднозначности.

Установление связей между предложениями осуществляется на основе **инференции** - получения выводных данных в процессе обработки информации, в ходе которого, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию:

Мальчик играл мячом. Оконное стекло разлетелось на тысячу осколков [Кубрякова, Дсмянков, Панкрац, Лузина 1996: 33-34]. Когнитивный процесс вывода обеспечивается достраиванием ситуации на основе знаний о мире, восстановлением скрытой информации [Новое в зарубежной лингвистике 1988: 123].

При анализе дискурса также используется моделирование с помощью графов. Так, в 80-е годы У. Манном и С. Томпсон была разработана **теория риторической структуры дискурса**, позволяющая представить дискурс в виде сетей единиц и риторических отношений между высказываниями [Mann, Thompson 1992]. А.А. Кибрик и В.А. Плунгян отмечает важность данной теории в понимании того, как дискурс устроен на самом деле [Фундаментальные направления в современной американской лингвистике 1997].

Методика **компьютерного моделирования смысла текстов** различается типом формализованного языка (ср. метод «Смысл <-> Текст» И.А. Мельчука; методику лингвистического обеспечения системы ЭТАП-2 группы Ю.Д. Апресяна [Апресян и др. 1989]; модель понимания текста Ю.С. Мар-темьянова, В.Г. Дорофеева, семантические сети Г. Скрэгга, Д.О. Поспелова, Э.Ф. Скороходько, Д. Нормана, М. Куи-льяна). Текстовая информация моделируется и в виде **гипертекстов** (проект «MEMEX», США), имеющих сетевую структуру, узлы которой соотносятся с определенными фрагментами текста, а дуги, что соединяют узлы, символизируют различные нелинейные и глубинные связи между этими фрагментами [см. Штерн 1998: 65]. Гипертексты поддерживают познавательную, коммуникативную и творческую деятельность. Однако многие тексты еще недоступны для такого формализованного картирования, оно осуществляется на основе описательной контекстуально-интерпретационной методики, позволяющей разъяснить двусмысленность, устранить неоднозначность, выявить импликацию, подтекст, пресуппозиции, проанализировать образность, метафоричность и т.д. Недоступность многих текстов для компьютерного моделирования на современном этапе развития когнитивной науки является главным тезисом коннек-ционизма в противовес когнитивизму: «Семантический уровень в машине задается ее программистами и заложен в программах компьютера, причем он связан в машине только с ее «синтаксисом», т.е. комбинацией знаков (символов). В человеческих же процессах мышление, связанное с языком, протекает принципиально иным образом: семантика языка не определяется одним синтаксисом, а откуда приходят к человеку значения символов далеко не так ясно» [Кубрякова, Дсмянков, Панкрац, Лузина 1996: 86].

7.3. Прагматический анализ

Как отмечалось в 2.3, прагматика ориентирована на изучение эффективности коммуникации, разрабатывая те или иные коммуникативные стратегии, выявляя аксиоматику такого общения [Почепцов 1987; Почепцов 1996]. На основе текста прагматический анализ устанавливает средства осуществления коммуникативного сотрудничества и коммуникативного конфликта, типы воздействия на адресата, правила оптимизации этого воздействия.

Ю.М. Лотман, апслируя к прагматическому аспекту текстов, рассматривал прагматический анализ несколько с иных позиций: «на самом деле прагматический аспект - это аспект работы текста, ибо механизм работы текста предусматривает какое-либо введение в него чего-нибудь извне» [1996: 433]. Ученый рассматривал это введение как диалогическое, этим вводным может быть либо читатель, либо иной текст, либо 273

культурный контекст, необходимый для того, чтобы потенциальная возможность генерирования новых смыслов, лежащая в имманентной структуре текста, преобразовалась в реальность.

Прагматический анализ текста позволяет установить отношения между текстом и человеком, как трансформируется текст в читательском сознании и как трансформируется сознание в результате взаимодействия с текстом. В современной лингвистике посредник таких трансформаций представлен интерпретантой адресата, ориентация на которую является доминирующей в рекламном, политическом и др. дискурсах. Вступая в контакт с сознанием адресата, текст может перестроить свое концептуальное пространство. Ю.М. Лотман приводит в качестве примера такой перестройки тексты эпох, не знавших художественно-осознанного функционирования категории полифонизма, но современным читателем оцениваемые как полифоничные [1996: 435]. Это не означает, что полифонизм был целиком привнесен в подобные тексты, в них периферийно содержались полифонические регистры, которые лишь ожидали своего читателя и художественно-ценностного осознания. Тем самым прагматический анализ может выявить в тексте данные периферийные мотивы, используя «ключи» уже динамизировавшего семиотического универсума. Подобные явления могут происходить при переводе этнотекста на язык другого этноса. Прагматический эффект в этом случае может быть различным. Так, реклама апельсинового сока в северных странах как «энергии южного солнца» на юге не имеет воздействия.

Прагматический анализ текстов базируется на исследовании их интерпретации и задействует психолингвистические основы восприятия и нейролингвистическое программирование. Важным для исследователей является использование данного метода для исследования диалогической коммуникации в плане владения партнерами коммуникативной инициативой, их социальных ролей, поддержания контакта, сохранения или потери лица и т.п. С этой целью строится **прагматограмма** (протокол) взаимных действий коммуникантов, включающая этапы репликовых шагов, интерактивных ходов. Системный прагматический анализ регулятивных средств диалогического общения дан в диссертации А.А. Романова на материале квазидискурсов художественного текста [1990].

Диалогическая речь изучается более широко в социолингвистике с помощью **конверсационного анализа**. Г. Хене и Г. Рейбок рассматривают конверсационный анализ как описание трех категорий общения партнеров: макроуровневых (фаз разговора); промежуточных (диалоговых шагов) и микроуровневых (средств различных уровней языка). Помимо данных ка-

тегорий важными при конверсационном анализе являются показатели типа диалога, пространственно-временных отношений условий общения, степени открытости, знакомства партнеров, социальных отношений между ними и проч. [Диалог: теоретические проблемы... 1991]. Исходя из различных показателей, положенных в основу конверсационного анализа диалога, осуществляется его всесторонняя классификация, которая служит матрицей для описания.

Параметры

Виды диалога

Ситуация	Естественный, спонтанный, подготовленный, литературный, инсценированный
Условия общения	Отсутствие/наличие помех
Время и пространство	Лицом к лицу, на расстоянии, отдаленно-одновременной, на временном расстоянии
Степень открытости	Интимный, доверительный, на публику, полуоткровенный, официальный
Социальный статус	Равны/неравны (доминирование/подчиненность)
Степень знакомства	Близкие, приятельские, поверхностные, случайные, официальные отношения
Фиксированность темы	Отсутствие фиксированности, фиксирование общей отрасли, узкая тематика
Соотношение лингвистических и нелингвистических действий	С наличием паравербальных средств, без них
Функция диалога	Информирование, приказ, обман и т.д.

275

7.4. Математические и компьютерные методы исследования текста, дискурса

Математические, статистические методики исследования текста, дискурса имеют целью количественное описание содержания и формы коммуникации, например, поиск слов-фаворитов, наиболее частотных слов, определение глубины связности текста, подсчеты количества и соотношения различных частей речи, распределения звуков в тексте, длины предложений, а также установление авторства на основе устойчивого соотношения частотности различных элементов языка (**корреляционный анализ**) [Головин 1966: 8] и т.д.

В исследованиях коммуникации статистический метод назван **контент-анализом**, сфера использования которого - «изучение социальных оценок, пропаганда, журналистика, изучение средств массовой коммуникации, психологические, психоаналитические исследования» [Почепцов 1996: 43]. В современной лингвистике математические методы уступают методам компьютерного программирования и моделирования, использование которых началось еще в практике машинного перевода в конце 40-х годов XX века в США. Эволюция концепций машинного перевода заключалась в переходе от упрощенных «словарных» версий до теорий смысла, контекста базы данных (к примеру, системы четвертого типа ЭТАП, ориентированные на наиболее полное моделирование языковой компетенции). Компьютерные системы понимания текстов базируются на ряде процедурных уровней. Ученые выделяют различное количество таких уровней: синтаксический, семантический, контекстуальный, диалогический, энциклопедический, культурный (Р. Шенк); поверхностный и глубинный (Ю.С. Мартемьянов, Ю.Д. Апресян, В.Г. Дорофеев и др.); поверхностно-семантический, глубинно-семантический и логический (Н.И. Перцова); фонетический, фонологический, морфологический, семантический, синтаксический (модель И.А. Мельчука); морфологический, семантический, синтаксический, прагматический (Р. Шенк, А.С. Нариньяни, З.М. Шаляпина и др.). Методика компьютерного понимания и интерпретации текста базируется на моделировании семантических сетей, графов концептуальных зависимостей, фреймов, сценариев, планов (см. 7.2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная вниманию читателя книга и ее стержневая концепция всеобъемлющей диалогичности дискурса стала результатом осмысления устойчивой тенденции современной лингвистики к интеграции положений, ключевых концептов и методик различных отраслей для изучения общего объекта, каковым является язык в главной своей манифестации - речекоммуникативной. Для всестороннего изучения этой манифестации языка необходимо обоснование комплексной интегративной теории текста - знакового посредника в дискурсе - и коммуникации как процесса, в который погружен текст.

Лингвистическая теория текста и коммуникации, попытка создания которой составляет цель данной книги, ставит перед собой задачи - описать и обосновать механизмы порождения, восприятия, понимания и интерпретации текста как языкового продукта коммуникации в сопряженности с другими дискурсивными составляющими, обуславливающими наряду с общностью языка взаимопонимание коммуникантов, эффективность их общения, его значимость для энтропийного баланса этноса, человечества в целом, сохранения и трансляции их культуры, опыта, знания. Эти задачи обуславливают определение представленной теории как открытого диалога лингвистики с различными отраслями знаний, позволяющего под различными углами зрения осмыслить природу человеческого языка.

Лингвистическая теория текста и коммуникации, реализуя междисциплинарный подход к описанию и анализу своих объектов, включена во множественные реляции с такими отраслями знаний, как лингвистика текста, прагматика, психолингвистика, когнитология, паралингвистика, стилистика, риторика, герменевтика, семиотика, эстетика, теория литературы и т.д.

Методологической основой лингвистической теории текста и коммуникации служит **функционализм**, реализующий применительно к данной теории свои исследовательские принципы деятельности, телеологичности, асимметрии системы и среды, онтологического дуализма, релятивного антропоцентризма, переориентирующие традиционную лингвистику текста в направлении изучения текста как диалогического посредника коммуникации, реализующего устойчивые связи со структурой сознания коммуникантов, ин-терсированным бытием, семиотическим универсумом и коллективным бессознательным.

Под эгидой методологии функционализма в синтезе с ней формируется когнитивная научная парадигма, опосредующая анализ коммуникативной деятельности как лингвопсихомен-тального процесса, имеющего две основные фазы - порождения и восприятия макрознакового пространства текста, исходя из когнитивных стратегий и диалога человеческого сознания с миром действительности, социумом, культурой.

Объектами лингвистической теории текста и коммуникации являются речь как средство коммуникации, текст как целостная семиотическая форма ее организации; дискурс как сложившаяся в процессе информационного обмена коммуникативная ситуация.

Исходя из положений о речевой системности и суперсистемности дискурса как организованной иерархии его

составляющих, мы рассматриваем в качестве инвариантной единицы этой функциональной суперсистемы **речевой жанр**, языковой манифестацией которого служит текста.

Суперсистемность дискурса отражена в предложенной нами диалогической модели, включающей пять взаимно диалогизирующих модулей - систем сознания адресанта и адресата, семиотического пространства текста, а также развивающихся во времени и пространстве интериоризованного бытия и семиотического универсума. Исходя из концепции диалогичности гуманитарного познания М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, их последователей, выделены такие аспекты диалогичности: **гносеологический**, опосредующий отношения мира и интериоризующих его личностей адресанта или адресата, а также языковых стереотипов, довлеющих на познавательную способность субъектов определенного этноса; **культурно-исторический**, погружающий модули коммуникантов и текста в семиотический универсум, т.е. код культуры, науки, литературы этноса и цивилизации, диалогизирующий с бытием; **коммуникативный**, основанный на диалоге двух сознаний: порождающего и рецептивного - и обеспечивающий познавательный процесс асимметричностью порождаемого и интерпретируемого смысла, обуславливающей появление новых смыслов; **внутритекстовый**, опирающийся на интенционально-интерактивную программу адресанта и его концепт. Данные проявления диалогичности служат интегрирующими связями суперсистемы дискурса, определяя иерархию его категорий.

Новый взгляд на проблему тексто-дискурсивных категорий заключается в их выявлении в дискурсе как системной диалогически организованной среде. Нами рассматриваются тексто-дискурсивные категории:

- **целостности**, существующей на основе замкнутости дискурса, диалогической интегрированное его целостных модулей;

- **дискретности**, выражающейся в разделенности компонентов и функций суперсистемы, фаз порождения и восприятия, в интенционально заданной членности текстового массива;

- **информативности**, проявляющейся во взаимодействии погруженных в смысловое поле бытия и семиотического универсума информационных пространств двух сознаний со смысловым массивом текста и реализующейся в подкатегориях фактуальности, концептуальности, подтекста, аксио-логичности и эмотивности;

- **связности**, обеспечивающей протекание дискурса, его многослойную и многоуровневую системность и интегрированность, зафиксированную текстом;

- **континуума** как пространственно-временного взаимодействия режимов порождения и восприятия в проекции на непрерывность текстового изложения;

- **референциальности** как соотношения коммуникантов и текста с действительностью в различных точках референции;

- **антропоцентричности**, проявляющейся в релятивном антропоцентризме создателей и реципиентов текста как участников дискурса, в очеловеченноеTM превращенного текстового мира;

- **интерактивности** как взаимодействию коммуникантов на основе текста, представленной подкатегориями интенциональности, стратегичности, интерпретанты, эффективности;

- **интерсемиотичности**, погружающей дискурс, текст в культурный, научный код этноса, цивилизации.

Главным исследовательским методом лингвистической теории текста и коммуникации служит метод диалогической интерпретации, выявляющий и описывающий различные способы и средства диалогического взаимодействия всех модулей дискурса, служащий раскрытию его интенционально-но-стратегической, концептуальной, прагматической, культурно-семиотической и лингвистической сущности. Одним из вспомогательных методов диалогической интерпретации является когнитивное картирование, моделирующее корреляцию психоментального прообраза речевого жанра, тексты;

когнитивной программы интерактивности дискурса, встроенной в текст; концептуального пространства текста. Данные методы используют психолингвистические методики, семиотический, прагматический и архетипический анализ, разработки компьютерной лингвистики и другие приемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. -Л.: Наука, 1975.
2. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. - Praha, 1978.
3. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. -Ташкент: Изд-во ФАН, 1988.
4. Алпатов В.М. История лингвистических учений. - М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Андриенко Т.П. Иронические речевые акты в сатирическом романе//Вісник Харків. держ. ун-ту. Ром.-герм.-флгологія. -1999. -№ 435.
6. Анохин У.К. Избранные труды: Философские аспекты теории функциональной системы. - М.: Мысль, 1978.
7. Антипов Г.А. и др. Текст как явление культуры. - Новосибирск: Наука. 1989.
8. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка // Вопросы языкознания. - 1995. - №1.
9. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. - М.: Языки русской культуры, 1995а.
10. Апресян Ю.Д., Богуславский И.М. и др. Лингвистическое обеспечение системы Этап-2. - М.: Наука, 1989.
11. Апухтин В.Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: Автореф. дис... канд. пси-хол. наук. - М., 1977.
12. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текстов/Текст как объект комплексного исследования. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
13. Арнольд И.В. Статус импликации в системе текста// Интерпретация художественного текста в языковом вузе. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
14. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка-282 ка. - М.: Просвещение, 1990.
15. Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. - 1977 - Т. 32. -№1.
16. Арутюнова Н.Д. Прагматика/Лингвистический энциклопедический словарь. - М: Сов. энциклопедия, 1990.
17. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата/Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. - 1981. - №4.
18. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики//Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. -Вып. 16.
19. Атаян Э.Р. Коммуникация и раскрытие потенциалов языкового сознания, - Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1981.
20. Атаян Э.Р. Язык и внеязыковая действительность. -Ереван: Изд-во Ереван, ун-та, 1987.
21. Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. - М.: Наука, 1989.
22. Ашурова Д. У. Производное слово в свете коммуникативной теории языка. - Ташкент: Изд-во ФАН, 1991.
23. Багдасарян В. Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ). - Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1983.
24. Балли Ш. Французская стилистика. - М.: Изд-во иностр. лит., 1961.
25. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. - Ростов-на Дону, 1993.
26. Бардина Н.В. Языковая гармонизация сознания. - Одесса: Астропринт, 1997.
27. Баронин А.С. Этническая психология. -К: ТАНДЕМ, 2000.
28. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс, 1994.
29. Барт Р. Лингвистика текста/Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1978. - Вып. 8.

30. Боткин Л.М. Два способа изучать историю культуры// Вопросы философии. - 1986. - №12.
31. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Художественная литература, 1975.
32. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. - М.: Русские словари, 1996.
33. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1979.
34. EaxmíaM.М. Проблема тексту у лінгвістиці, філологів тихих гуманітарних наук//Антологія сёмоеі мітера-турно-критичної думки. -Лібеі: ЛТіmonus, 1996.
35. Бахтияров О. Г. Постинформационные технологии: введение в психонетику. - К.: ЭКСПИР, 1997.
36. Бацевич Ф.С. Основы коммуникативной девиатологии. -Львгв: Вид-во ЛНУ. 2000.
37. Бацевич Ф.С. Функционально-ономасиологическое изучение лексики. -Львов: Изд-во ЛГУ, 1993.
38. Бацевич Ф.С., Космеда Т.А. Очерки по функциональной лексикологии. -Львов: Свит, 1997.
39. Безуглая Л. Р. К проблеме косвенных способов реализации речевого акта// Віснw ХарКіе. держ. ун-ту. Ром.-герм. філ. -1999. -№424.
40. Безменова Н.А. Неориторика: Проблемы и перспективы// Семиотика. Коммуникация. Стил. - М.: Наука, 1984.
41. Белехова Л.И. Архетипические словесные образы в современной американской поэзии//Вісник Кііе. держ. лтв. унту. Фшологтя. - 1999. - Т. 2. -№2.
42. Беликов В. И. Жестовые языки//Лингвистический энциклопедический словарь. -М.: Сов. энциклопедия, 1990.
43. Белл. Р. Социолінгвістика. -М.: Прогресс, 1980.
44. Беллерт М. Об одном условии связности текста//Новое в зарубежной лингвистике. - М.: /978. - Вып. 8.
45. Белова А.Д. Лингвистические основы аргументации. - К.: Изд-во КНУ, 1997.
46. БелянинВ.П. Психолінгвістическіе аспекты художественного текста. - М.: Изд-во МГУ, 1988.
47. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974.
48. Бенвенист Э. Уроки лингвистического анализа//Новое в лингвистике. - М.: Прогресс, 1965. - Вып. 4.
49. Бисималиева М.К. О понятиях "текст" и "дискурс"// Филологические науки. — 1999. ~- №2.
50. Блум Х. Страх влияния. Теория поэзии. Карта перечитывания. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. 284
51. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. -Л.: Наука, 1990.
52. Богданов В. В. Семантика текста и контекст//Номинация и контекст. - Кемерово: Изд-во КГУ, 1985.
53. Богданов В. В. Текст и текстовое общение. - СПб: Наука, 1993.
54. Богин Г.И. Модель языковой личности и ее отношение к разновидностям текстов: Автореф. дис... докт. филол. наук. -Л., 1984.
55. Богин Г. И. Субстанциональная сторона понимания текста. - Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1993.
56. Богин Г. И. Текстовые ключи к инокультурным смыслам // ВіснUK Кііе. держ. лінгв. ун-ту. Сер. Філологія. - 1999. -Т. 2.- No2.
57. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. - Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1982.
58. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М.: Изд-во АН СССР, 1963.
59. Болотнова Н. С. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение//Филологические науки. -1992. -№4.
60. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. - М.: Просвещение, 1987.
61. Бондарко А.В. К проблеме соотношения универсального и идиотнического аспектов семантики //Вопросы языкознания. -1992. -№3.
62. Бородин В. С. Про понятия "текст" у текстологов// Радянське літературознавство. - 1980. -№10.
63. Брандес М.П. Текст как социальная система//Принципы типологизации художественного и нехудожественного текстов. -К: Изд-во КПИИЯ. 1987.
64. Брудный А. А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. - М., 1976.
65. Брудный А.А. Понимание как философская и психологическая проблема// Вопросы философии. - 1975. - №10.
66. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. - М.: Лабиринт, 1998. 285
67. Булатецкая Л.И. Типикальность и ее реализация в тексте. - К.: Вища школа, 1985.
68. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики// Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. - 1981. - Т. 40. - №4.
69. Бухбиндер В. А., Розанов Е.Д. О целостности и структуре текста//Вопросы языкознания. - 1975. - №6.
70. Бюлер К. Теория языка. - М.: Мысль, 1993.
71. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. - К: Наукова думка, 1988.
72. Васильева И.В. О значении идеи М.М. Бахтина о диалоге и диалогических отношениях для психологии общения// Психологические исследования общения. - М.: Наука, 1985.
73. Вежбицка А. Метатекст в тексте//Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс. 1978. - Вып. 8.
74. Вежбицка А. Речевые жанры//Жанры речи. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997.
75. Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики// Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1983. -Вып. 12.
76. Виноградов В. В. Стилистика: Теория поэтической речи: Поэтика. - М.: Наука, 1963.
77. Винокур Г. О. Культура языка: Очерки лингвистической технологии. - М.: Госиздат, 1925.
78. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. - М.: Наука, 1993.
79. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка//Вопросы философии. - 1993. - №1.
80. Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межкультурная коммуникация): Дис... докт. филол. н. -М., 1993а.
81. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. - К: Вища школа, 1993.
82. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. -М.: Учпедгиз, 1956.
83. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 8 т. -М.: Наука, 1982. - Т.1.
84. Гак В. Г. О семантической организации повествовательного текста//Лингвистика текста: ее», науч. тр. МППИИЯ. М. Тореза. - 1976, -Вып. 103.
85. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания//Семантическая структура слова. Психолінгвістическіе исследования. -М.: Наука, 1971.
86. Гальперин И. Р. Грамматические категории текста//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. - 1977. - Т. 36. - №6.
87. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. - М.: Высшая школа, 1974.
88. Гальперин И. Р. О принципах семантического анализа стилистически маркированных отрезков текстов//Принципы и методы семантических исследований. - М.: Наука, 1976.
89. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука. 1981.
90. Геворкян К.У. Кинесический язык: Автореф. дис.-докт. филол. н. -Ереван, 1991.
91. Герасимов В.И. К становлению "когнитивной грамматики"/Современные зарубежные грамматические теории. -М.: Наука, 1985.
92. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. - СПб: Изд-во СПбГУ, 1995.
93. Гетьман З.О. Понятия "ттракції" в текстолінгвістиціУ/ Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО КДЛУ. ЛІНГВА-ПАКС - VIN. - К., 2000. - Bun. 3А.
94. Гиздатов Г. Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. - Алматы: Гылым, 1997.
95. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М.: Прогресс, 1992.
96. Гиндин С. И. Советская лингвистика текста. Некоторые проблемы и результаты (1948-1975)//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. -1977. - №4.
97. Гиндин С.И. Речевые жанры и языковое сознание//Языковое сознание. - М.: ИЯЗ, 1988.
98. Гинзбург Л. Частное и общее в лирическом стихотворении//Вопросы литературы. - 1981. -№10.
99. Гладько С.В. Эмотивность художественного текста: 287
- ми Зістаеуі семантики. - К: Изд-во КНЛУ, 2001. - Bun. 5.
195. Куркина Л.Я. Герменевтика и теория интерпретации художественного произведения//Герменевтика: история и современность (Критические очерки). - М.: Наука, 1985.
196. Кухарелко В. А. Интерпретация текста. - М.: Просвещение, 1988.
197. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе: Пер. с фр. - М.: Гнозис, 1995.
198. Лакофф Дж. Когнитивное моделирование //Язык и интеллект. - М.: Наука, 1995.
199. Leei-Строс К. Мимі значення//Антологія сёмоеі мітера-турно-критично думки XX ст. -Лібеі: Ліmonus, 1996.
200. Leei-Строс К. Структурна антропологія. -К: Основи, 2000.
201. ЛеонтьевА.А. Основы психолінгвістики.-М.: Смысл, 1999.
202. Леонтьев А.А. Понятие текста в современной лингвистике и психологии//Психолінгвістическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. - К, 1979.

203. Лещак О.В. Методологические основы функционального исследования языковой деятельности. - Дис... докт. фи-лол. н. - Краснодар, 1997.
204. Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: В 2 т. - М.: Наука, 1995.
205. Лингвистика текста: Материалы научной конф. - М., 1974. - Ч. 1, 2.
206. Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ. - М.: Наука, 1989.
207. Лингвистический энциклопедический словарь / под общ. ред. В.Н.Ярцевой. - М.: Сов. энциклопедия, 1990.
208. Лихачев Д. С. Текстология. - М.: Наука, 1964.
209. Лихачев Д. С. Текстология. - М. -Л.: Изд-во АН СССР. 1962.
210. Логический анализ языка. Образ человека в зеркале языков и культур. - М.: Наука, 1998.
211. Ломов Б.Ф., Беляева А.В., Носуленко В.Н. Вербальное кодирование в познавательных процессах. - М.: Наука, 1986.
212. Ломтев Т.П. Язык иречь//Вестник МГУ. Сер. 7. -1961. -№4.
213. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1982.
214. Лосев А.Ф. Имя. - СПб, 1995.
215. Лосев А.Ф. Философия имени. -М.: Изд-во Московского университета, 1990.
216. Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. - Таллин: Александра, 1992.
217. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс//Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. - М.: Наука, 1973.
218. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. - М.: Наука, 1992.
219. Лотман Ю.М. Культура как коллективный интеллект и проблемы искусственного разума. - М.: Наука, 1977.
220. Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике//Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. -М.: Гнозис, 1994.
221. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. - СПб, 1996а.
222. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. -М.: Искусство, 1970.
223. Лотман Ю. М. Текст у текст1//Антологія сёміотіч. думки XX ст. -Львів: Літопис, 1996.
224. Луков В.Б., Сергеев В.М. Опыт моделирования мышления политических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866-1876//Вопросы кибернетики. - М.: Наука, 1983.
225. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. -М.: Наука, 1975.
226. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Наука, 1979.
227. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. - М.: Наука, 1986.
228. Мазур М. Качественная теория информации. - М.: Прогресс, 1974.
229. Марков Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании. - Новосибирск: Наука, 1982.
230. Маслова В.А. Введение в культурологию. -М.: Наследие, 1997.
231. Матвеева Г.Г. Проблемы прагматики научного текста: Автореф. дис... докт. филол. н. -Л., 1984.
232. Мегентесов С.А. Импликативные связи как фактор семантики. - М.: Прогресс, 1985. - Вып. 16.
233. Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. -М.: Радуга, 1986. -Вып. 18.
234. Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. -М.: Прогресс, 1986. -Вып. 17.
235. Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - Вып. 23.
236. Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. -Минск: Высшейш. школа, 1978.
237. О'КоннорДж., СегшорДж. Введение в нейролингвистическое программирование. - Челябинск, 1997.
238. Общение. Текст. Высказывание. - М.: Наука, 1989.
239. Одинцов В. В. Стилистика текста. - М.: Наука, 1980.
240. Онтологическая проблематика языка в современной западной философии. - М., Наука, 1975. - Ч.1.
241. ОстинДж.Л. Слово как действие//Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. - М.: Прогресс, 1986. -Вып. 17.
242. Откупщикова М.И. Синтаксис связного текста. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
243. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. - М.: Наука, 1985.
244. Падучева Е.В. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении//НТИ. - М.: ВИНТИ, 1981. -Сер. 2. -№11.
245. Палагин А. В. О соотношении когнитивного и креативного начал в современных интеллектуальных информационных системах // Межд. конф. "Знание - Диалог - Решение": Сб. науч. тр. -Ялта, 1995. - Т.1.
246. Панкрац Ю.Г. Пропозиционные структуры и их роль в формировании языковых единиц различных уровней -Минск. - М.: Изд-во МГПИИЯ. 1992.
247. Панов Е.Н. Знаки. Символы. Языки. - М.; Знание, 1983.
248. Паррэт Г. Регулярности, правила и стратегии/Язык. Наука. Философия (логико-методологический и семиотический анализ). - Вильнюс: АН Лит. ССР, 1986.
249. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологи-298
250. чешский мятёж в лингвистике XX века //Вопросы языкознания. -1996. -№2.
251. Пелевина Н. Ф. Коннотация и контекст//Вопросы семантики. - Калининград: Изд-во КГУ. 1983.
252. Перлина Ю.Г. Система стилистических полей немецких изречений//Вкник ХарКие. нац. ун-ту. - 2000. - №500.
253. Петренко В.Ф. Основы псих. о семантики. - Смоленск: Изд-во Смоленского ун-та, 1997.
254. Петров В. В. От философии языка к философии сознания. Новые тенденции и их истоки//Философия, логика, язык. -М.: Прогресс, 1987.
255. Петрова С.Н. Когнитивная парадигма и семантика понимания//Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. - М.: Наука, 1988.
256. Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. - 1996. - №6.
257. Пигалев А.И. Культурология. - Волгоград: Либрис, 1999.
258. Пиз А. Язык телодвижений. - М.: Прогресс, 1995.
259. Пирс Ч.С. Из работы "Элементы логики. Grammatica speculativa"//Семиотика. -М.: Радуга, 1983.
260. Попова З.Д. Лексическое значение в аспекте знаковой теории языка//Аспекты лексического значения. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1982.
261. Постовалова В.И. Язык как деятельность: Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. - М.: Наука, 1982.
262. Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. - М.: Наука, 1997.
263. Потебня А.А. Мысль и язык. -К.: СИНТО, 1993.
264. Потебня А.А. Теоретическая поэтика.-М.: Высшая школа, 1990.
265. Потебня А.А. Эстетика и поэтика.-М.: Искусство, 1976.
266. Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. - К.: Наукова думка, 1989.
267. Почепцов Г.Г. (мл.) Теорія комунікації. - К.: Стілка рекламиспив України, 1996.
268. Почепцов Г.Г. (мл.) История семиотики до и после 1917 г. -М.: Лабиринт, 1998.
269. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. - М.: Петрополис, 1998.
270. Эспань Н. О некоторых теоретических задачах современной текстологии//Современная текстология: теория и практика. - М.: Наследие, 1997.
271. Этнопсихоллингвистика. - М.: Наука, 1988.
272. Юм Д. Соч.: В 2 т. -М.: Мысль, 1965.
273. Юнг К. Г. Архетип и символ. - М.: Ренессанс. 1991.
274. Юнг К. Г. Психологические типы. - М.: Университетская книга, 1996.
275. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. - СПб: Университетская книга, 1997.
276. Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. - М.: ИНИОН, 1984.
277. Язык и наука конца XX века. - М.: Рос. гуман. ун-т, 1995.
278. Язык и структуры представления знаний: Сборник аналитических обзоров. - М.: ИНИОН, 1992.
279. Язык, дискурс, личность. - Тверь: ТГУ, 1990.
280. Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. -М.: Радуга, 1983.
281. Якобсон Р. Избранные работы. - М.: Прогресс, 1985.
282. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". - М.: Прогресс, 1975.
283. Якобсон Р. Работы по поэтике. - М.: Прогресс, 1987.
284. Якобсон Р. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами/Новое в лингвистике. - М.: Прогресс, 1964. -Вып. 4.
285. Якобсон Р. Язык и бессознательное. - М., 1996.
286. Якубинский Л. П. Избранные работы. - М.: Наука, 1986.

448. Ярхо А.В. Смягчение (митигация) как когнитивный компонент реализации неуверенности в речи // В сб. ХарКие. нац. ун-ту. - 2000. - №500.
449. Allwood J. On the analysis of communicative action. - Gothenburg, 1978.
450. Ancombre J., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. - Liege - Bruxelles: P. Mardaga, 1988.
451. Badecker W. On some proposals concerning the status of predicate-argument structure representations // Brain and Language. - 1991. - Vol. 40.
452. Baker L.L. Communication. - Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1984.
453. Beaugrande R., Dressier W. Introduction to Text Linguistics. - L., N.Y.: Longman, 1981.
454. Beaugrande R. Linguistic Theory: The Discourse of fundamental Works - L., N.Y.: Longman, 1991.
455. Beaugrande R. Textlinguistics through the Years // Text: Discourse Analysis in the 1990s. - 1990. - V. 10. - №1-2.
456. Bennett T. Text, Readers, Reading Formations // Modern Literary Theory. - L., N.Y., 1989.
457. Bodkin M. Archetypal Patterns in Poetry. - Stanford: Univ. Press, 1934.
458. Broadbent D.E. Perception and Communication. - N.Y.: Pergamon Press, 1958.
459. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. - Cambridge: Univ. Press, 1987.
460. Caffi C. On mitigation // Journal of Pragmatics. - 1999. - V. 31.
461. Callebaut B. La negation et les theories de l'illocutoire // La Negation. Numero special de LINX. - 1994.
462. Campbell J. The Inner Reaches of Outer Space. - N.Y.: ed. by Harper and Row, 1988.
463. Chafe W. Discourse, consciousness and Time. - Chicago: UCP, 1994.
464. Cobley P., Jansz. L. Introducing Semiotics. - N.Y., 1997.
465. Cognitive Linguistics in the Redwoods. The Expansion of a New Paradigm in Linguistics. - N.Y.: Ed. by E. Casad, 1996.
466. Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. Ed. by T. Janssen, G. Redeker. ~ Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999.
467. Cook G. Discourse and Literature. - Oxford: OUP, 1995.
468. Cook G. Discourse. - Oxford: OUP, 1990.
469. Dascal M. Pragmatics and the philosophy of mind. - Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1983.
470. Dijk v. T.A. Some Aspects of Text Grammars. A Study in Theoretical Poetics and Linguistics. - The Hague: Mouton. 1972.
471. Dijk v. T.A. Studies in the pragmatics of discourse. - The Hague etc.: Mouton, 1981.
472. Dijk v. T.A. Pragmatics and the Description of Discourse // Berkeley Studies, 1974. - Vol. 1.
473. Dinsmore J. Partitioned representations. A study in mental representation, language, understanding, and linguistic structure. - Dordrecht, 1991.
474. Dirven R., Verspoor L. Cognitive Exploration of Language and Linguistics. - Amsterdam, Philadelphia: Benjamins PC., 1998.
475. Dolinsky G., Bensimon-Choukroun G. Codeswitching // Journal of Pragmatics. - 2000. - V. 32. - №9.
476. Dressier W. Einfuehrung in die Textlinguistik. - Tubingen, 1973.
477. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. - Bloomington: Indiana Press, 1985.
478. Eco U. The Role of the Reader (Explorations in the Semiotics of Texts). - Bloomington, L.: Indiana Univ. Press, 1979.
479. Farmer A.K. Modularity in syntax: a study of Japanese and English. - Cambridge: Mass., 1984.
480. Fauconnier G. Mapping in Thought and Language. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
481. Fauconnier G. Mental Spaces. - Cambridge: MIT Press, 1985.
482. Fernanda C. Idioms and Idiomaticity. - Oxford: Univ. Press, 1996.
483. Fillmore Ch. J. Lexical Semantics and Text Semantics. - Copeland, 1984.
484. Fodor J.A. Connectionism and cognitive architecture // Cognition. - 1988. - №88.
485. Fodor J.A. The Language of Thought - Cambridge: Univ. Press, 1980.
486. Fowler R. Linguistics and the Novel. - L.: Methuen, 1977.
487. Eraser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatic. - 1980. - No4.
488. Galperin L.R. Stylistics. - M.: Higher school Publishing House, 1971.
489. Geeraerts D. Cognitive Linguistics. - Amsterdam: J. Benjamins, 1995.
490. Giles H., Coioplant N. Language: Context and Consequences. - Open university Press, 1991.
491. Givon T. On Understanding Grammar. - N.Y.: Academic Press, 1979.
492. Givon T. Prototypes Between Plato and Wittgenstein // Noun Classes and Categorization. - Amsterdam, 1986.
493. Goffman E. Interactional Ritual. - N.Y.: Anchor, 1967.
494. Green G.M. Pragmatics and Natural Language Understanding. - Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum associates, publishers, 1989.
495. Grice H.P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. - N.Y.: Acad. Press. 1975.
496. Grice H.P. Studies in the way of words. Cambridge; L.: Harvard Univ. Press, 1989.
497. Grosz E.U. Text und Kommunikation. - Stuttgart: Kohlhammer, 1976.
498. Gumper!.. Discourse Strategies. - Cambridge: Univ. Press, 1982.
499. Harris Z.S. Discourse Analysis // Language. - 1952. - №8.
500. Harweg R. Textlinguistik // Perspektiven der Linguistik. - Bd. 2. - Stuttgart, 1974.
501. Hodge R., Kress G. Social semiotics. - Cambridge: Mass. Press, 1988.
502. Hoermann H. Einfuehrung in die Psycholinguistik. - Darmstadt, 1981.
503. Isenberg H. Texttheorie und Gegenstand der Grammatik. - Berlin, 1972.
504. Iser W. Interaction between Text and Reader / The Reader in the Text. - Princeton: Univ. Press, 1980.
505. Jac kendo f f R. Patterns in the Mind. Language and Human Nature. - N.Y., 1994.
506. Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983.
507. Jackendoff R. What is a concept? // Frames, Fields, and Contrasts. New Essays in Semantics find Lexical Organisation. - Hillsdale, 1992.
508. Jakobson R. Deux aspects du langage et deux types d'aphasie // Essais de linguistique genepale. - Paris: Ed. Du Seuil, 1963.
509. Johansen J.D. Sign Concept, Meaning and the Study of Literature // Pragmatics and Linguistics. - Odense: Univ. Press, 1986.
510. Johnson-Laird P.N. Mental Model in Cognitive Science // Cognitive Science. — 1984. - V.4.
511. Johnson-Laird P.N. Mental Models. - L.: Cambridge Univ. Press, 1983.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Авторитарный дискурс - тип дискурса, общение коммуникантов, разделенных дистанцией власти, что обуславливает его прагматическую программу.

Авторские квалификаторы - фрагменты художественного текста, вербализующие паралингвистические средства общения персонажей.

Автор-функция - когнитивный и психический рефлекс в тексте авторского сознания.

Адресантность - подкатегория антропоцентричности как репрезентация в дискурсе личности адресанта через превращенное отображение в тексте его идей, позиции, мировоззрения.

Адресатность - подкатегория антропоцентричности, исходящая из интерпретирующей функции адресата в дискурсе, воспринимающего в тексте стратегическую программу адресованности.

Адресат-функция - виртуальный адресат, программа интерпретации которого вписана автором в текст.

Аксиальная коммуникация - адресованная конкретному лицу, лицам.

Аксиологичность - подкатегория информативности, выраженная в актуализации в сознании всех антропоцентров дискурса и текста оценочной шкалы «хорошо - безразлично - плохо», «лучше - равноценно - хуже».

Амбивалентность текста - возможность множественности интерпретаций текста; в психологии амбивалентность означает двойственность чувственного восприятия личностью одного объекта; в эстетике - двойственность ориентации эстетической деятельности на действительность и идеал; эстетических чувств и переживаний.

Антиципация - предвидение дальнейшего содержания текста, специфическая форма опережающего отражения.

Антропоцентричность - текстово-дискурсивная категория, проявляющаяся в антропной опосредованности дискурса и проекции мира в тексте.

Архетип - праформы родового сознания, врожденные и неизменные психические структуры коллективного бессознательного, проявляющиеся в художественном творчестве, фольклоре, мифах. Согласно К.Г. Юнгу, архетипы обуславливают единообразие, целостность, закономерность человеческого восприятия.

Архетипический анализ - реконструкция архетипов и средств их репрезентации в текстах путем когнитивной обработки вербального массива.

Беллетристическая лакуна - описанный в тексте и не обусловленный авторской интенцией факт, невозможный в действительности (ошибка автора).

Вербальная коммуникация - целенаправленная психолингвистическая деятельность адресанта и адресата, результатом которой является информационный обмен, воздействие, а основным средством - речь.

Верификация - проверка гипотез; оценка текста по шкале «истинность/ложность» в процессе его понимания.

Вертикальный контекст - историко-философский фон текста.

Внешний контекст - знания об эпохе порождения текста, об авторе, роли текста во времени и пространстве культуры этой эпохи.

Внутритекстовый хронотон - текстовая категория, проявляющаяся в динамике и соположенности времени и пространства в тексте.

Выдвижение-способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней [Арнольд 1990: 63].

Гармонизация - коммуникативная универсалия, совместное эмоциональное, эстетическое, интеллектуальное переживание коммуникантов в дискурсе на основе текста.

Герменевтика - межнаучная отрасль, изучающая толкование, понимание и интерпретацию текстов.

Герменевтический круг - понимание смысла целого текста на основе анализа частей, исходящего из предвосхищения смысла целого (понятие введено М. Флациусом и разработано Ф. Шлейермахером).

Гипертекст-сетевая формализованная модель представления текстов, узлы которой соотносятся с различными пакетами текстовой информации.

Глобальный контекст - глобальные условия оптимального обеспечения дискурса.

Глубинные скважины - тип фоновых знаний, энциклопедические знания, актуализируемые для понимания текста на основе вербальных сигналов.

Горизонты ожидания - семантически протяженные цепочки речевых элементов, исходя из которых адресат может предсказать появление новых компонентов.

Дейксис - в прагматике указание на место, время, причину, цель, участников или неучастников дискурса, эксплицируемое местоименными словами.

Диалогичность - интегральная категория дискурса, обуславливающая двухвекторные взаимодействия всех его компонентов - модулей суперсистемы.

Диегезис - интенционально заданное отсутствие связи текстового мира с действительностью; отказ адресанта от подражания действительности.

Дискретность - текстово-дискурсивная категория, выражающая разделенность модулей дискурса и фаз порождения и восприятия текста.

Дискурс - 1) связный текст в контексте многих конституирующих и фоновых факторов - социокультурных, психологических и т.д.; текст погруженный в жизнь; 2) замкнутая целостная коммуникативная ситуация (событие), в которую погружен текст и коммуниканты, формирующаяся на основе различных факторов, опосредующих общение и понимание (социальных, культурных, этнических и др.); 3) речь, преимущественно устная/стиль, подъязык речевого общения; 4) образец речевого поведения, протекающего в определенной социальной сфере, имеющий определенный набор переменных (политический, научный, медицинский и др. дискурс).

Дискурсивное сознание - фрагмент сознания, включающий знания о правилах речевой коммуникации, ее процедуре, этикете; интенцию, интерпретанту, ситуативные знания дискурса.

Жанровая модель - когнитивная модель-прототип речевого жанра, управляющая дискурсом.

Завершенность текста - текстовая категория, обусловленная правосторонними границами текста и сформированным концептом.

Замысел текста - исходное представление адресанта о будущей схеме текста, подготовленное мировоззрением автора.

Идиостиль - индивидуальный изобразительный язык автора текста и преломляющееся в нем мировоззрение, способ мышления адресанта.

Иллокутивная сила - имплицитное или эксплицитное намерение адресанта как функция речевого акта.

Иллокутивный акт - высказывание, эксплицирующее определенное намерение адресанта.

Иллокуция - намерение, цель адресанта в речевом акте.

Имбрикация - повторение одинаковой семы или сем в группах сочетающихся слов, обеспечивающее семантическую связность текста.

Импликатура - разновидность импликации, соответствующая логической связке «если... то»; скрытая информация умозаключения, опосредующего переход от одного высказывания к другому при отсутствии их эксплицитной связности.

Импликация - наличие невербального массива информа-

Интеграция - текстовая категория как способ создания целостности текста, имеющий линейный и вертикальный характер.

Интенция - превербальное, осмысленное намерение адресанта в дискурсе, детерминирующее внутреннюю про-

грамму речи и способ ее осуществления.

Интерактивная модель - когнитивная структура, отображающая дискурсивное сознание коммуникантов, опосредующая планирование, проведение, окончание дискурса и его эффективность.

Интерактивность - текстово-дискурсивная категория, представленная взаимодействием в дискурсе адресанта и адресата на основе текста.

Интерактивный ход (шаг) - дискретная единица диалога, включающая реплику адресанта и ответную реакцию адресата.

Интерпретанта - предрасположенность к пониманию текста адресата, его нацеленность на дискурсивное взаимодействие.

Интерпретационная гипотеза - вероятностное прогнозирование в процессе понимания текста, исходящее из анализа смысловых связей и синтеза всех предварительных решений.

Интерпретация - перевод понятого содержания текста и его концепта в словесно-знаковую форму интерпретатором.

Интерпретируемый адресат - восприятие гипотетического адресата и программы адресованности текста реальным читателем.

Интерсемиотичность - текстово-дискурсивная категория, проявляющаяся в диалогическом взаимодействии модулей коммуникантов и текста с семиотическим универсумом.

Интертекстовый римейк ~ возрождение старых текстов и создание на их базе новых «по мотивам».

Интертекстуальность - проявление интерсемиотичности в тексте в виде включенности в его ткань фрагментов или определенных элементов других текстов.

Инференция - получение выводных данных в процессе обработки информации и сам вывод.

Информатив - речевой акт для посторонних участников.

Информативность - текстово-дискурсивная категория, отображающая взаимодействие информационных пространств всех модулей дискурса и обеспечивающая информационный баланс интерактивности адресанта и адресатов на основе текста-

Ирридиация экспрессивности - перенос коннотативного фона слова на определенный фрагмент текста.

Квазидискурс - моделируемая сознанием автора коммуникативная ситуация в художественном тексте.

Кинема, кинеморф ^ кине - единица паралингвистического-го уровня коммуникативного процесса-

Коагуляция - высвечивание на этапе внутреннего программирования протовербальной схемы будущего высказывания в сознании адресанта.

Когезия - структурно-грамматический тип текстовой связности.

Когерентность - семантический тип текстовой связности.

Когнитивная карта дискурса - информационная модель репрезентации коммуникативной ситуации и текста как ее посредника.

Когнитивная прагматика - межнаучная дисциплина, объясняющая природу интерактивности в дискурсе когнитивными процессами в сознании коммуникантов на основе сигналов интерактивности в тексте.

Коммуникативная компетенция - по Д. Хаймсу, присущие человеку знания и умения успешного и эффективного общения.

Коммуникативная стратегия - эвристическое интенцио-нальное планирование дискурса для достижения его участниками кооперативного результата, эффективности.

Коммуникативная тактика - реализация комбинаторики коммуникативных стратегий в дискурсе.

Коммуникативное соперничество - соревновательные отношения коммуникантов, строящиеся на балансе коммуникативных стратегий.

Коммуникативное сотрудничество (кооперация) - достижение в дискурсе согласия через удовлетворение целей коммуникантов.

Коммуникативные неудачи - высказывания, которые не подкреплены действиями говорящего.

Коммуникативный конфликт - столкновение, несовпадение коммуникативных стратегий, целей, взглядов коммуникантов, результатом чего обычно является прекращение общения.

Коммуникативный цейтнот - невозможность продолжения коммуникации.

Коммуникативный шум - компонент дискурса, помехи, снижающие эффективность коммуникации или способствующие ее прекращению.

Коммуникация - процесс информационного обмена: межсубъектного, объектно-субъектного и объектно-субъектно-объектного - в зависимости от типа и способа получения информации.

Конвергенция - тип выдвижения, схождение в одном месте текста пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции [Арнольд 1990: 64].

Конверсационный анализ - изучение диалога на основе его фаз, шагов и языковых средств.

Контекстуально-интерпретационный метод - исследование текста в различных типах контекстов, в том числе коммуникативном, на основе интерпретации текста исследователем.

Контент-анализ - статистический метод изучения массовой коммуникации.

Континуум дискурса - текстово-дискурсивная категория, обусловленная пространственно-временным взаимодействием режимов порождения, восприятия текста и динамику описываемых в нем событий.

Контрапункт - переплетение в тексте двух информационных планов - логического и образного.

Концепт - подкатегория информативности, конденсированное воплощение содержания текста, исходящее из авторского замысла, интерпретируемого адресатом.

Корреляционный анализ — математический метод установления авторства текста на основе устойчивого соотношения в нем частотности различных элементов.

Косвенный (имплицитный) речевой акт - речевой акт, основанный на языковой игре, не совпадающий по иллюку-

тивному типу с иллюкутивной силой, имплицитный ее.

Лазеичный адресат - по М.М. Бахтину, наддресат, понимание текста которым возможно в будущем.

Лингвистика текста - это языковедческая дисциплина, часть общей теории текста, исследующая внутреннюю структуру текста, составляющие ее категории, содержательно-знаковую и коммуникативную репрезентацию.

Лингвопрагматика - языковедческая дисциплина, изучающая интерактивные отношения и языковые средства их фиксации в процессе вербальной коммуникации, детерминанты успешного и эффективного ее осуществления.

Логоген - суммирующее устройство человеческой памяти, аккумулирующее при восприятии информацию, поступающую от речевых сигналов, содержащуюся в контексте, и образ слова, хранящийся в долговременной памяти.

Локация - отношение вокруг творящего «я» как центра дискурса.

Локуция - составляющая речевого акта, представленная сопряженностью произношения, языковых средств и передаваемых ими значений.

Макрознак текста - текст как целостный нерасчлененный суперзнак, имеющий содержание и форму, мобильный в диалогических отношениях с семиосферой.

Макроструктура - по Т. ван Дейку, когнитивная структура общей темы в дискурсе.

Ментально-психонетический комплекс - это психоментальный фрагмент сознания, центром которого является система пропозиций - макроструктур, коррелирующих с образами, ассоциативной частью мышления, невербальными знаниями, чувствованиями, ощущениями, интуицией, транс-ценденцией, коллективным бессознательным.

Метафора конструирования - особый вид текстовой метафоризации, когнитивно обеспеченный повторяющейся встроенностью двух концептов или концептосфер, представленный в тексте контрапунктом.

Метод диалогической интерпретации - исследование текста как модуля дискурса в диалогических отношениях с другими модулями.

Метод когнитивного картирования - моделирование и описание когнитивной карты дискурса, текста.

Мимезис - правдоподобие текста, его сходство, но не тождество с действительностью.

Митигация - коммуникативная стратегия смягчения, сглаживания речевого поведения коммуникантов, создающая психологический комфорт в общении.

Модель контекста - по Т. ван Дейку, структура знаний о тексте, речевом жанре, активизирующая в сознании адресата типичные для данной модели свойства и осуществляющая глобальное управление дискурсом.

Модель концептуальных графов - модель представления содержания текста в виде двувекторных связей между компонентами (концептами) и блоками этих компонентов.

Модель ситуации - по Т. ван Дейку, это когнитивная основа дискурса, формирующаяся конкретным индивидом на основе его личностных знаний, опыта, установок, чувств, эмоций, мнений; используется при порождении и понимании текста.

Мотив коммуникации - неосознанное побуждение, желание, предшествующее установке и замыслу коммуникативного процесса.

Обманутое ожидание - тип выдвижения, нарушение предсказуемости дальнейшего развития событий в тексте.

Образ автора - эксплицируемый в тексте персонаж-автор.

Образ рассказчика - персонаж текста, который продуцирует рассказ-текст в тексте.

Образ читателя - эксплицитный персонаж-читатель в тексте.

Открытость текста - свойство текста в дискурсе, определяющееся его свободно-вариативной интерпретацией и домысливанием адресатом финала.

Паралингвистика - раздел лингвистики, изучающий различные аспекты паравербальных средств коммуникации и их связь с ее вербальной сферой.

Паралингвистические средства - неязыковые средства, сопровождающие вербальную коммуникацию (мимика, жесты, телодвижения, рисунки, схемы и т.д.).

Параязык - семиотическая система, план выражения которой строится на жестикуляторно-мимической основе.

Переключение кода - коммуникативная стратегия приближения «я» к позиции «ты», основанная на поиске общего языка с адресатом; приспособление к чужому регистру общения.

Перлокутивная реакция - тип реагирования адресата, не всегда тождественный иллюкуции адресанта в речевом акте.

Перлокутивный акт - речевой акт, характеризующийся установкой воздействия на адресата.

Перлокутивный эффект - достижение адресантом в речевом акте адекватного своей цели реагирования адресата.

Перлокуция - направленность речевого акта на достижение результирующей реакции адресата.

Перформативное предложение - высказывание, вводящее истинную пропозицию, соответствующую речевому действию, намерениям адресанта.

Подтекст - подкатегория информативности, информация, заложенная имплицитно в вербальной форме макрознака и выявляемая на ее основе в дискурсе.

Понимание - второй этап восприятия текста как когнитивная операция формирования концепта текста, осознания авторских и текстовых стратегий; воссоздание картины общего смысла текста.

Прагматическая референция - степень известности сообщаемого коммуникантам в определенном типе дискурса.

Прагматический анализ - описание средств коммуникативного взаимодействия, интерактивных стратегий, способов его оптимизации и эффективности.

Прагматограмма - протокол, схема взаимных действий коммуникантов, используемая при прагматическом анализе.

Пресуппозиция (презумпция) текста - имплицитное, предваряющее текст фоновое знание, истинное и непротиворечивое.

Прогрессия - проявление текстового континуума, непрерывное движение действия в тексте вперед во времени и пространстве.

Проспекция - проявление текстового хронотопа, предсказание дальнейшего хода событий.

Пространство и время дискурса - подкатегории континуума дискурса, соотношение пространственных и временных параметров порождения, восприятия текста и описываемых в тексте событий.

Прямой (эксплицитный) речевой акт - речевой акт, передающий иллокутивную силу адресанта буквально в высказывании.

Психологический контекст - фактор воздействия на порождение и декодирование текста биографии автора, его личности.

Психосоциология языка - маргинальная дисциплина, разрабатывающая инвентарь правил и средств реализации коммуникативных стратегий в определенном типе социума.

Ретивальная коммуникация - надперсональная массовая коммуникация, при которой адресат лишь находится в зоне передачи информации.

Ретроспекция - проявление текстового хронотопа, обращение к прошлому в тексте.

Референциальность - текстово-дискурсивная категория, проявляющаяся в соотносительности коммуникантов и текста с действительностью.

Речевое действие - коммуникативное взаимодействие адресанта и адресата в речевом акте как фрагмент дискурса.

Речевой акт - единица речи, целостность которой заключается в единстве речевого высказывания (локуции), цели (иллокуции) и направленности на результирующую реакцию (перлокуции).

Речевой жанр - единица речевой системы, инвариант вербальной коммуникации, характеризующийся общностью тематического содержания, композиционно-структурных, интенционально-прагматических, стилистических и др. черт.

Речевой этикет - манера речевого поведения, социально, этнически и культурно обусловленная, опосредующая интерактивность коммуникантов.

Речь - 1) индивидуальный акт говорения или написания, имеющий звуковую или письменно-печатную форму; 2) системное образование речевой деятельности, характеризующееся общими закономерностями речевого общения, принятыми в определенном коллективе образцами речевого поведения; 3) постоянно повторяющийся процесс общения на одном языке.

Связность - текстово-дискурсивная категория, отражающая взаимодействие всех модулей суперсистемы дискурса и особую организованность структуры текстового целого.

Семантический контекст - вербальное окружение, семантически релевантное для определенной текстовой единицы.

Семантическое согласование — см. **Имбрикация**.

Семиосфера - коммуникативный механизм, существующий в памяти этноса, человечества и реализующийся в продуктах человеческой культуры, науки, искусства, литературы и т.д. (семиосфера поэзии, художественной прозы, музыки, кино, живописи и др.).

Семиотический универсум - система коммуникативных механизмов, существующая в памяти этноса, человечества и реализующаяся в продуктах человеческой культуры, науки, искусства, литературы и т.д.

Серийность текста - явление текстовой синтагматики, наличие циклов, сборников, продолжения текста тем же автором или другими.

Ситуативные знания - часть фоновых знаний, применимых к речевому поведению коммуникантов в дискурсе (знания о ситуации общения, собеседнике).

Собственно восприятие - первый этап восприятия текста как сенсомоторное опознание слов, их значений, содержания предложений, сверхфразовых единств и т.д., формирование представления.

Событийный фрейм - структура знаний, конкретизирующая условия осуществления коммуникативного взаимодействия.

Сохранение лица - регулирующий механизм дискурса с целью позитивной репрезентации себя коммуникантами.

Социопрагматика - межнаучная дисциплина, изучающая социокультурный аспект взаимодействия коммуникантов в дискурсе.

Стагнация - проявление текстового континуума, замедление движения событий в тексте путем обращения к предыдущим фактам, прошлому, отступлений от темы и т.п.

Стиль речи - ситуативно обусловленный стереотипный способ осуществления вербальной коммуникации как целенаправленной человеческой деятельности на основе общественно осознанного выбора коммуникантом определенных языковых средств и принципов их интеграции в речи, тексте; па-радигмальное свойство речевой системы.

Стратегичность - подкатегория интерактивности, наличие в дискурсе программы его осуществления, отображенной адресантом в тексте.

Структурный анализ - установление инвариантного когнитивного каркаса текста, описание стереотипов его компонентного состава.

Суперструктура - по Т. ван Дейку, конвенциональная когнитивная схема тематемы, речевого жанра.

Сцепление - тип выдвигания, появление сходных элементов в сходных позициях, сообщающее целостность тексту [Арнольд 1990: 64].

Текст - целостная семиотическая форма психоречемыслительной человеческой деятельности, концептуально и структурно организованная, диалогически встроенная в ин-териоризованное бытие, семиотический универсум этноса или цивилизации, служащая прагматически направленным посредником коммуникации.

Текстема - языковая (эмическая) единица, модель определенного класса текстов, включающая иерархически организованные прототипические признаки данного класса: семантические, структурные, интенциональные, прагматические и проч. (сопоставляется на этическом уровне с актуализированным текстом).

Текстово-дискурсивная категория - предельно общее инвариантное, сверхпарадигмальное свойство дискурсов и форм его организации - текстов.

Текстовый континуум - линейное развертывание действия во времени и пространстве в тексте.

Теория речевых актов - лингвистическая дисциплина, изучающая уровни речеактовых операций и типы речевых актов.

Точка референции - соотношение модулей дискурса с действительностью, обуславливающее его осуществление.

Установка коммуникации - основанная на опыте предосознанная коммуникативная цель, определяющая речевое действие и предвещающая замысел текста; готовность к коммуникативной деятельности.

Фактуальность - подкатегория информативности, отражающая вербализованное сообщение о фактах, событиях, процессах, явлениях в текстовом мире, моделируемом сознанием автора и интерпретируемом сознанием адресатов.

Фигура речи - стилистический прием, повышающий смысловую выразительность текста и имеющий определенную интенциональную заданность и регулярность модели.

Фокализация ~ обозначение функции, возлагаемой говорящим на планируемого когнитивного субъекта с целью его вовлечения в дискурс.

Фоновые знания - совокупность всех имплицитных знаний, используемых в дискурсе, представленных текстовыми сигналами, но не вытекающих из содержания текста.

Фрейм взаимодействия - структура репрезентации знаний, схема речевого взаимодействия коммуникантов.

Фрейм интерпретации - активируемая в сознании адресата модель ситуации сличающаяся с сообщаемым.

Херема - знаковая единица параязыка. **Хронотоп** - время и пространство в тексте.

Цела ч'ть - текстово-дискурсивная категория, проявляющаяся в замкнутости суперсистемы дискурса и системности его модулей, в том числе текста как целостного макрознака.

Членимость - категория текста, проявляющаяся в его синтагматической делимости (структурной, смысловой, композиционной).

Эвокативность - способность высказывания, текста вызывать в сознании адресата большое число ассоциаций.

Экзегетика - учение об интеракции религиозных священных текстов.

Элютивность - подкатегория информативности, проявляющаяся в эмоциональной заряженности модулей дискурса и компонентов текста.

Эмпатия - (термин введен в 1909 г. американским психологом Э. Титчснером) способ понимания текста, говорящего, основанный на сопереживании, вчувствовании, проецировании чужого сознания на собственные переживания.

Эпизодическая модель - по Т. ван Дейку, когнитивная структура представления типовых ситуаций в тексте.

Этнотекст - текст, знаковый код которого является родным языком автора - представителя определенного этноса.

Эффективность - подкатегория интерактивности, достижение коммуникантами согласия, взаимопонимания, кооперации в дискурсе.

Языковая личность коммуниканта - представленный в языке и речи фрагмент сознания личности адресанта или адресата, имеющий три уровня: вербально-семантический, тезаурусный, мотивационно-прагматический.